

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 4 (16)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 4 (16)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования
Российской Федерации

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Жириков И.Г.

доктор исторических наук, профессор

Исаков В.А.

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.А.

кандидат исторических наук, профессор

Карпачев С.П.

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

ответственный секретарь

доктор исторических наук, профессор

Осиновский И.Н.

доктор исторических наук, профессор

Пашенцев Е.Н.

доктор исторических наук, профессор

Ртищева Г.А.

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Тихонова А.В.* Надзор за иностранцами в Российской империи в первые годы деятельности III Отделения..... 8
- Калинина Е.А.* Развитие частных школ в первой половине XIX века (на примере Олонецкой губернии) 15
- Черножуков А.С.* Рабочий вопрос и деятельность Московской городской думы в 1905 году 23
- Ершова Т.В.* Оборонная промышленность Москвы в годы Первой мировой войны 27

Новейшая история России

- Пешкова Ю.Н., Платонова А.А.* «Журналы мод» в Стране Советов: 1920-е годы 38
- Пискунов С.А.* Реализация политики аграрного переселения на Дальнем Востоке СССР в 1960-е – середине 1980-х годов 45
- Рябов В.В., Козловская Г.Е., Гусева Ю.Н.* Землячество как форма региональной идентификации и его влияние на развитие региона (на примере самарского землячества в Москве) 51

Всеобщая история

- Васин И.В.* Особенности *συνμαχία* и *κοινόν* как основных полисных форм объединения V–IV вв. до н.э. 60

<i>Яснитский Н.А.</i> Теоретическая основа античной истории в трудах английского историка-просветителя Эдварда Монтегю	71
<i>Барабанов М.В.</i> ФРГ и «посткоммунистические» экономические преобразования в странах Вышеградской группы в конце XX – начале XXI века	84
<i>Жирыков И.Г., Макаренков М.В.</i> Завершение «австрийского пути» в ЕС; сторонники и противники евроинтеграции	92
<i>Лобанов Н.А.</i> Окончание «холодной войны» и новые контуры европейской безопасности	100

Критика. Рецензии. Публицистика

<i>Серов О.В.</i> Рецензия на монографию В.Я. Гросула «Труды по теории истории» (М.: АИРО – XXI, 2014. 548 с.)	110
--	-----

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки», 2014, № 4 (16)	116
---	-----

Требования к оформлению статей	119
---	-----

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Tikhonova A.V.</i> Supervision over Foreigners in the Russian Empire in the First Years of Activity of the III Department.....	8
<i>Kalinina E.A.</i> Development of Private Schools in the First Half of the XIX Century (on the Example of Olonets Province)	15
<i>Chernozhukov A.S.</i> Labor Problem and the Activities of Moscow City Duma in 1905	23
<i>Ershova T.V.</i> Moscow's Defense Industry during the First World War	27

Modern History of Russia

<i>Peshkova Y.N., Platonova A.A.</i> Fashion Magazines in the Land of the Soviets: 1920s	38
<i>Piskunov S.A.</i> The realization of the Politics of the Agricultural Resettlement on the Far East of the USSR in the 1960s to mid-1980s	45
<i>Ryabov V.V., Kozlovskaya G.E., Guseva Yu.N.</i> Zemlyachestvo as a Form of Regional Identity and its Influence on the Development of the Region (on the Example of Samara Zemlyachestvo in Moscow City).....	51

General History

<i>Vasin I.V.</i> Characteristics of <i>συμμαχία</i> and <i>κοινόν</i> as Basic Polis Forms of Union in V–IV Centuries BC.....	60
---	----

<i>Yasnitsky N.A.</i> Theoretical Basis of Ancient History in the Work of English Historian and Representative of the Enlightenment Edward Montagu.....	71
<i>Barabanov M.V.</i> Germany and Postcommunist Economic Transformations in the Vishegrad Countries at the End of XX – Beginning of XXI Centuries	84
<i>Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V.</i> Completion of «Austrian Way» in the European Union; Supporters and Opponents of European Integration	92
<i>Lobanov N.A.</i> The End of the «Cold War» and the New Outlines of European Security	100

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Serov O.V.</i> Review of Monograph by V.Ya. Grosul “Works on the Theory of History” (M.: AIRO – XXI, 2014. 548 p.).....	110
---	-----

«MCTTU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2014, № 4 (16)	116
---	-----

Style Sheet	119
--------------------------	-----

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА

А.В. Тихонова

Надзор за иностранцами в Российской империи в первые годы деятельности III Отделения

В статье рассмотрена деятельность надзорных органов Российской империи в отношении иностранцев с момента создания III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии до начала 1830-х годов. Автор, основываясь на архивных источниках, особое внимание уделяет становлению системы контроля над иностранными подданными, взаимодействию III Отделения с центральными и местными органами управления.

Ключевые слова: надзор; иностранцы; Российская империя; III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Эпоха правления Николая I стала временем усиления политической реакции, поводом для которой явилось выступление декабристов, ставшее открытым вызовом неограниченной монархии. Появление оппозиции ставило под угрозу безопасность государства, а потому, по справедливому замечанию Р.С. Уортмана, российской императорской властью в этих условиях «целесообразность понималась как противостояние любым политическим переменам» [14: с. 25]. Николай I предпринял ряд реформ, направленных на упорядочение и укрепление судебных органов, но, главным образом, на усиление исполнительной власти. Твердая позиция государя состояла в том, что самодержавие должно было сохраняться незыблемо, а «революционная зараза пришла из Западной Европы», так как, по мнению Николая I, «не в свойствах, не в нравах русских был сей замысел» [2: с. 225]. Поэтому при реформировании Собственной Его Императорского Величества канцелярии, проводившимся в 1826 году с целью централизации системы управления, на надзорные функции в отношении иностранцев было обращено особое внимание.

Каждое отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии должно было контролировать определенный круг вопросов. Особую известность получило III Отделение с корпусом жандармов, занимавшееся политическим сыском и цензурой. Оно непосредственно подчинялось императору и действовало от его имени, и начальник III Отделения, являясь доверенным лицом государя, имел возможность регулярно с ним общаться, что подчеркивало особое положение этого учреждения во властной вертикали [15: с. 37–38]. По мнению В.С. Измозика, создание этого Отделения было связано с реализацией идеи императорской власти перейти от политического розыска к системе политического контроля [5: с. 249]. С учреждением 3 июля 1826 года III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии ему были переданы «все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел Государства прибывающих и из оногo выезжающих» [8: с. 52; 9: № 449], в том числе дела, находящиеся в производстве упраздненной Особенной канцелярии МВД [7: с. 38–39].

Надзор за иностранцами был в ведении 3-й экспедиции III Отделения [3: с. 143]. Изучение общего журнала входящих документов этой экспедиции за каждый отдельный год свидетельствует о том, что через нее проходили дела, связанные с проживанием и проездом иностранных подданных. Это документы Министерства иностранных дел и Министерства внутренних дел «касательно выдачи иностранцам билетов на пребывание в России» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 228. Д. 15. Л. 193 об.) и «касательно паспортов от прибывающих в Россию иностранцев», ведомости Министерства внутренних дел об «иностраннх подданных, присягнувших на подданство России» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 228. Д. 15. Л. 144 об.), переписка с Департаментом полиции исполнительной об иностранцах, «приезжающих в Россию с срочными паспортами» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 228. Д. 15. Л. 285), а также переписка с генерал-губернаторами и гражданскими губернаторами о конкретных иностранных подданных (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 228. Д. 15. Л. 4 об.–12, 312–318).

Некоторые дела об иностранцах, заподозренных в недоброжелательстве к российским властям, вольнодумстве, связи с тайными обществами, а также дела по наблюдению за пребыванием в России высокопоставленных лиц иностранных держав могли передаваться в делопроизводство 1-й экспедиции (наиболее важной и секретной) [13: с. 305–306].

Негласный надзор за иностранцами осуществлялся многочисленной агентурой III Отделения [6: с. 154], в то время как его штат первоначально составлял 16 человек, не считая начальника А.Х. Бенкендорфа и управляющего М.Я. фон Фока [1: с. 90]. Исполнительным органом III Отделения стал Корпус жандармов, созданный 28 апреля 1827 года [10: № 1062] (он имел предысторию, начиная с жандармских частей в армии с 1815 года), и позже, в 1836 году, был преобразован в Отдельный корпус жандармов [4: с. 187]. Согласно Именному указу Николая I, данному управляющему Главным штабом 28 апреля 1827 года, страна делилась на 5 жандармских округов (во главе с жандармским генералом в каждом): 1-й — с центром в Петербурге (к нему относилась

и Смоленская губерния), 2-й — в Москве, 3-й — в Витебске, 4-й — в Киеве, 5-й — в Казани. В свою очередь, округа делились на отделения во главе с жандармскими и штаб-офицерами.

В III Отделении велась документация, касающаяся иностранных подданных, например, «Общие годовые алфавиты иностранцев, прибывших в Россию», которые имели соответствующие графы: 1) «№№ Контр-марок»; 2) «Месяц и число»; 3) «Имя, фамилия и звание»; 4) «Нация и подданство»; 5) «Откуда прибыл»; 6) «Предмет приезда»; 7) «Жительство». Эти записи были схожи с алфавитами Особенной канцелярии МВД (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 227. Д. 1. Л. 1–1 об.). Кроме того, ежегодно III Отделение составляло всеподданнейшие отчеты, в которых был раздел «По наблюдению за иностранцами». В нем отражалась статистика въехавших и выехавших, принятых в подданство и высланных из империи [13: с. 306]. С учреждением III Отделения туда стали передаваться национальные паспорта иностранцев, которые прежде оставались в губернских правлениях. Это положение было отражено затем и в Своде законов Российской империи [12: гл. 4, ст. 343].

Ответственность за осуществление своевременного и эффективного надзора за иностранцами на местах возлагалась на губернаторов. Они, в свою очередь, опирались в решении этих вопросов на полицию. Причинами для установления секретного надзора за иностранными подданными могли стать: шпионаж, контрабанда, бродяжничество, распутная или «праздная» жизнь (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 2336, 2336 а), но в материалах секретной переписки об этом сообщалось не всегда.

Справки об иностранцах были необходимы губернаторам при выдаче билетов на жительство (сроком на один год) или на проезд в другую губернию. Однако если у начальника губернии не было возможности оперативно получить необходимые сведения, он, даже выдав билет, обращался к своему коллеге, с территории которого приехал иностранец. При возникновении малейших подозрений в неблагонадежности об этом обязательно уведомлялся губернатор уже той губернии, куда направился иностранный подданный. Иногда чрезвычайные обстоятельства вынуждали губернатора поспешить с выдачей билета (например, в связи с кражей документов у иностранца в Смоленской губернии) (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. 1826 г. Л. 518 об.–519).

Губернаторы, являясь представителями власти на местах, обязаны были гарантировать исполнение законов как подданным Российской империи, так и иностранцам (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. 1831 г. Л. 65, 820). При этом при решении вопросов, касающихся имущественных споров россиян с иностранцами, губернаторы активно взаимодействовали с министерствами (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. 1827 г. Л. 528–528 об.; Д. 33. 1827 г. Л. 799 об.–800). Своевременное принятие губернатором решений напрямую зависело от эффективной работы его подчиненных. Так, начальнику Смоленской губернии, судя по журналам исходящих бумаг, не раз приходилось грозить уездным властям наказанием за медлительность в исполнении предписаний. Характерная запись от 12 сентября 1829 года была адресована смоленскому земскому исправнику: «Не имея от вас

донесения на предписание от 10 июля за № 678 о наблюдении за поведением великобританского подданного дворянина Жефферва, проезжавшего для осмотра мест сделавшихся в России достопамятными в течении войны 1812 года, я подтверждаю сим учинить... без всякого отлагательства надлежащее исполнение». Губернатор негодовал — с момента предписания прошло 2 месяца: «мне донести... сколь можно поспешнее с объяснением причины медленности» (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. 1829 г. Л. 549 об.).

О «своих» иностранных подданных начальники губерний обязаны были предоставлять ведомости в вышестоящие инстанции: Министерство внутренних дел и III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 7 апреля 1827 года начальник Главного Штаба в Санкт-Петербурге информировал шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа, что «Его Императорскому Величеству благоугодно, дабы со всех пограничных мест Империи присылаемы были в III Отделение Собственной Его Величества канцелярии семидневные ведомости о всех прибывающих в Россию иностранцах, как к портовым городам, так равно и чрез сухопутные заставы, и чтобы таковые ведомости представлялись к Высочайшему воззрению» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 7. Л. 1). Ведомости представляли собой таблицу с указанием: 1) порядкового номера иностранца в списке, 2) его имени, фамилии и звания, 3) национальности («нации») или подданства, 4) «откуда прибыл и с каким паспортом», 5) цели («предмета») приезда (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 226. Д. 7. Л. 537).

Отслеживая въезд и пребывание иностранцев в России, III Отделение проявляло заботу о росте доходов государства и выступало с инициативами фискального характера в отношении иностранных подданных. Так, по предложению А.Х. Бенкендорфа, поддержанному Комитетом министров, 11 октября 1827 года было Высочайше утверждено Положение, согласно которому на всей территории империи виды на жительство и паспорта для проезда из одного места в другое выдавались иностранцам на гербовой бумаге 50-копеечного достоинства (пошлина поступала в пользу государственных доходов) [10: № 1456]. Другая же инициатива III Отделения — о взыскании с проживавших в провинции иностранцев ежегодной пошлины в городской бюджет — Комитетом министров была отвергнута. Правительство сочло, что «исполнение сего правила по губернским и уездным городам было бы для иностранцев стеснительно, сверх того сопряжено с большими неудобствами и не принесло бы значительной для городских доходов пользы» [10: № 1456]. Только в столицах в пользу адрес-контор, то есть городских доходов, иностранцы обязаны были ежегодно вносить по 3, 5, 10 рублей (в зависимости от занятия) [10: № 1456].

Отдельный учет велся в отношении иностранцев, принявших подданство России. На основании циркулярного предписания шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа гражданским губернаторам от 3 марта 1828 года они были обязаны, получая сведения от уездных исправников и городничих, ежемесячно подавать III Отделению ведомости об иностранцах, принявших подданство в губернии (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. 1833 г. Л. 3).

Иностранец имел право вступать в российское подданство вместе с детьми (АВПРИ. Ф. 161. П–19. Оп. 93. Д. 4. 1835 г. Л. 17; 11: ст. 916]. Если же это специально не оговаривалось, дети иностранцев, вне зависимости от рождения на территории России и срока пребывания в империи, обязаны были вступать в российское подданство установленным порядком (АВПРИ. Ф. 161. П–19. Оп. 93. Д. 4. 1835 г. Л. 42–43). Следовательно, сам факт рождения в России был недостаточным основанием, чтобы считать их подданными империи. Только дети иностранцев, родившиеся в России и вступившие затем в государственную службу, «почитаются наравне с природными подданными» [11: ст. 1369]. Иностранец, ставший российским подданным, получал уравнивание в правах с коренными жителями (АВПРИ. Ф. 161. П–19. Оп. 93. Д. 4. 1835 г. Л. 22 об.–23]. Его национальная принадлежность с этого момента уже могла не отмечаться в документах, поэтому информацию о его дальнейшей судьбе не всегда удается обнаружить. В Своде Законов Российской империи 1832 года («О состояниях людей в государстве») было определено, что «иностранцами признаются все вообще подданные других держав, не вступившие установленным порядком в подданство России» [11: ст. 890].

Меры губернаторов в отношении иностранцев могли осуществляться только во взаимодействии с III Отделением, что и подчеркивалось в циркуляре за № 4582 министра внутренних дел Д.Н. Блудова от 22 октября 1832 года, адресованном гражданским губернаторам. Министр напоминал о Высочайшем повелении от 19 июня 1825 года, согласно которому «воспрещено Начальникам пограничных наших губерний высылать самим за границу иностранцев, кои по дурному поведению, сомнительности или другим каким-либо причинам не могут быть терпимы в пределах наших» (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. 1832 г. Л. 691). Предварительно губернаторы обязывались донести в III Отделение обо всех иностранцах, подлежавших, по их мнению, «к удалению за пределы Государства» (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. 1832 г. Л. 691).

Начальник губернии должен был при возникновении каких-либо сомнений задержать выдачу иностранному подданному билета на проезд и сообщить в III Отделение о своих подозрениях. В свою очередь III Отделение давало губернатору предписание о том, как следует поступить. Решение об этом принимал даже не шеф жандармов и одновременно Главный начальник III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, а сам император. Так, 6 декабря 1827 года последовал Именной указ Николая I «О высылке Прусского подданного Дитриха, выдающего себя за врача, как обманщика, за границу, и о поступании впредь таким же образом при подобных случаях» [10: № 1601]. Другим примером может служить отказ француженке Элизе Гарнерен в проезде в Петербург из Варшавы в начале 1830-х годов. Причиной стало поведение отца Элизы, замеченного в связях с «мятежническим правлением» в Польше, о чем докладывал А.Х. Бенкендорфу польский наместник И. Ф. Паскевич. III Отделение предоставило информацию о семействе Гарнерен государю для принятия окончательного решения. Резолюция императора была лаконичной: «Нет нужды дозволять» [13: с. 308].

Таким образом, надзор за иностранцами в Российской империи к началу 1830-х годов представлял собой целенаправленную деятельность государственных органов, среди которых главную роль играло III Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии. Оно осуществляло необходимые контрольные функции в целях обеспечения безопасности Российского государства и защиты интересов его подданных.

Литература

1. *Анчеев А.В.* Место и роль III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии в системе государственных учреждений Российской империи (1826–1855 гг.) // *Основы государства и права.* 2005. № 6. С. 86–93.
2. *Власть и реформы. От самодержавия к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич.* СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.
3. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Третий Рим, 1997. 357 с.
4. *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты // *Ерошкин Н.П. Российское самодержавие.* М.: РГГУ, 2006. С. 43–268.
5. *Жандармы России / Сост. В.С. Измозик.* СПб.: Нева, 2002. 638 с.
6. *Макарова Н.В.* Архивные дела III Отделения о полицейском надзоре при Николае I // *Вопросы истории.* 2010. № 10. С. 152–156.
7. *Макарова Н.В.* Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I. М.: Экон-информ, 2012. 393 с.
8. *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. I.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. II.
11. Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. IX.
12. Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XIV.
13. *Сидорова М.В., Щербакова Е.И.* Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // *Петербург — место встречи с Европой: мат-лы IX Царскосельской научной конференции.* СПб.: Царское Село, 2003. С. 303–316.
14. *Уортман Р.С.* Властители и судии. Развитие правового сознания и императорской власти / Авториз. пер. с англ. М.Д. Долбинова при участии Ф.Л. Севастьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 516 с.
15. *Шенелев Л.Е.* Чиновный мир России XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПБ, 1999. 479 с.

References

1. *Ancheev A.V.* Mesto i rol' III Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii v sisteme gosudarstvenny'x uchrezhdenij Rossijskoj imperii (1826–1855 gg.) // *Osnovy' gosudarstva i prava.* 2005. № 6. S. 86–93.
2. *Vlast' i reformy'. Ot samoderzhaviya k sovetskoj Rossii / Отв. ред. Б.В. Анан'ич.* SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996. 800 s.
3. *Eroshkin N.P.* Istoriya gosudarstvenny'x uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii. M.: Tretij Rim, 1997. 357 s.

4. *Eroshkin N.P.* Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty' // Eroshkin N.P. Rossijskoe samoderzhavie. M.: RGGU, 2006. S. 43–268.
5. *Zhandarmy' Rossii / Sost. V.S. Izmozik.* SPb.: Neva, 2002. 638 s.
6. *Makarova N.V.* Arxivny'e dela III Otdeleniya o policejskom nadzore pri Nikolae I // Voprosy' istorii. 2010. № 10. S. 152–156.
7. *Makarova N.V.* Zhizn' rossijskix soslovij v e'poxu pravleniya Nikolaya I. M.: E'kon-inform, 2012. 393 s.
8. *Orzhexovskij I.V.* Samoderzhavie protiv revolyucionnoj Rossii (1826–1880 gg.). M.: My'sl', 1982. 207 s.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 2. T. I.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 2. T. II.
11. Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1832. T. IX.
12. Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1832. T. XIV.
13. *Sidorova M.V., Shherbakova E.I.* Nablyudenie za inostranczami v Rossii. Po materialam III Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii // Peterburg — mesto vstrechi s Evropoj: mat-ly' IX Czarskosel'skoj nauchnoj konferencii. SPb.: Czarskoe Selo, 2003. S. 303–316.
14. *Uortman R.S.* Vlastiteli i sudii. Razvitie pravovogo soznaniya i imperatorskoj vlasti / Avtoriz. per. s angl. M.D. Dolbinova pri uchastii F.L. Sevast'yanova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 516 s.
15. *Shepelev L.E.* Chinovny'j mir Rossii XVIII – nachalo XX v. SPb.: Iskusstvo-SPB, 1999. 479 s.

A.V. Tikhonova

Supervision over Foreigners in the Russian Empire in the First Years of Activity of the III Department

The article considers the activity of the supervisory authorities of the Russian empire with regard to foreigners since the creation of the Third Department of His Majesty Own Emperor's Chancery before the beginning of the 1830s. The author, on the basis of archival sources, pays special attention to organization of the control system over foreign subjects and interaction of the Third Department with the central and local government organs.

Keywords: supervision; foreigners; Russian Empire; Third Department of His Majesty Own Emperor's Chancery.

Е.А. Калинина

Развитие частных школ в первой половине XIX века (на примере Олонецкой губернии)

В статье на основе законодательных и архивных источников, а также материалов периодической печати, рассматриваются вопросы развития частных учебных заведений в Олонецкой губернии в первой половине XIX века, которые восполняли отсутствие государственных школ на местах и чаще всего были единственной доступной формой получения начального образования, особенно в сельской местности. Правовой статус они получили только с 1834 года и были поставлены под бдительный контроль государства.

Ключевые слова: народное просвещение; частные школы; домашний наставник.

На окраинах России в течение всей первой половины XIX века имела достаточно широкое распространение практика обучения детей в частных школах, которые чаще всего назывались «школками». Обычно они открывались стихийно, без ведома училищного начальства, по согласованию с родителями учеников. Домашний учитель занимался чаще всего в собственном или частном доме с несколькими детьми. К сожалению, статьи школьного «Устава» 1804 года раскрывали права и обязанности лишь частных пансионеров и не затрагивали способы организации и деятельности таких небольших «домашних школ», а также не регламентировали права и обязанности работающих в них учителей. Такие учебные заведения высшим училищным начальством признавались вредными и по представлению директоров народных училищ, закрывались. Однако установить тщательный контроль за деятельностью домашних педагогов в первой четверти XIX века не удавалось.

Случаи существования «домашних школ» в Олонецкой губернии были не единичны. По сообщениям директоров, смотрителей и преподавателей училищ они открывались повсеместно: и в городской, и в сельской местности. Так, в 1804 году директор народных училищ А.Е. Крылов доносил Петрозаводскому городничему:

«Здесь, в губернском городе, содержатели и содержательницы некоторого рода домашних наставников обучают чтению и письму детей обою пола не по методу, в народных училищах введенному, и не по книгам, в них употребляемым, не имеют на то дозволения от Приказа общественного призрения, ни свидетельства о своем звании от здешнего Главного народного училища». Такая же «тайная школа» в это время существовала и в Олонце, «у мещанки

Степаниды Федоровой и Анны Красильниковой и мещанской девицы Ириньи Соседовой» [5].

Иногда грамотные крестьяне также самовольно открывали школы. Об этом сообщал в своем отчете в 1824 году смотритель училищ Петрозаводского уезда М.А. Копосов. Он писал, что в Ивинском и Муромском погостах крестьяне обучают детей грамоте сами, в домашних школах, и просил директора народных училищ С.А. Башинского о «воспреещении крестьянам И. Миронову и Е. Устинову обучать детей» (Национальный архив республики Карелия — далее НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. ¼. Л. 7). По школьному уставу 1804 года, без особого разрешения высшего училищного начальства подобная инициатива крестьян считалась противозаконной.

Деятельность Олонецкой Дирекции училищ по бдительному контролю за незаконной работой «домашних школ», несомненно, дала свои результаты. В 1830 году директор народных училищ М.И. Троицкий в своем отчете по ведомству констатировал: «Домашних учителей и частных школ нет, один из учителей духовных, священник, обучает дома детей обоюбого пола чтению и письму» (НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/4. Л. 333 об.).

И все же говорить с полной уверенностью об отсутствии частных школ на территории Олонецкой губернии нельзя. Несомненно, они возникали и действовали нелегально. Если такие факты не ускользали от внимания волостного или уездного начальства, то их тут же закрывали, если же школа работала при полной «секретности», то ее существование оставалось за рамками закона. Например, усилиями директора училищ А.Е. Крылова в 1805 году в г. Лодейное Поле не удалось открыть первую государственную школу. «Город остался без школы. Горожане стали обучаться у частных пришлых учителей, но такие учителя подвергались преследованию, и потому обучение шло как бы крадучись» [11].

Деятельность нелегальных школ отмечалась и в воспоминаниях их бывших учащихся: «Особенно в свое время известностью в среде населения пользовались грамотеи-крестьяне Ф.И. Севериков из деревни Лонгасовой и Ф.П. Шильцов из деревни Леликова, которая входила в состав Сенногубского же прихода. Оба они обучали детей при своих домах за известное вознаграждение и имели достаточное число учащихся. Никакому начальственному контролю упомянутые школы грамоты не подлежали» [4]. Сообщения о существовании запрещенных школ прослеживаются в отчетах директоров и смотрителей училищ и во второй четверти XIX века.

Надо заметить, что практика существования «незаконных» школ была повсеместной. Так, например, в Архангельской губернии в первой четверти XIX века архивными документами также зафиксировано несколько частных школ. Две из них были в Архангельске: одна — Иоганна Реберера Алтона при реформаторской церкви (в школе обучалось 16 человек), вторая — Опгелма Рогенфера (в школе обучалось 28 человек) (Центральный государственный исторический

архив СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15. Л. 39). Деятельность «домашних школ» в Вологодской губернии отмечал волостной голова Спасского прихода В. Попов в одной из статей, помещенной в газете «Вологодские губернские ведомости»: «В прежнее время, до открытия в 1841 году сельских училищ, каждый из более зажиточных крестьян старался хотя бы одного сына выучить грамоте... да еще теперь, независимо от училищ, многие родители обучают детей грамоте у себя дома, и многие крестьяне, не обучавшиеся в училище, пишут довольно хорошим почерком» [9].

Таким образом, домашние частные «школки» хотя и оставались под запретом правительства, но из-за отсутствия государственных учебных заведений в отдаленных уголках российской провинции их существование было неизбежно. Государственных школ не хватало, а желание получить грамоту среди мещанского и крестьянского населения постепенно увеличивалось, поэтому и было востребовано это «альтернативное образование», «домашние школки». Тем более что оно полностью отвечало запросам жителей губернии — научить детей читать по церковно-славянски часослов и псалтирь, писать прошения высшему начальству и считать семейный бюджет.

Официальная регламентация обустройства частных школ в России началась только во второй четверти XIX века. В июле 1834 года было издано «Положение о домашних наставниках и учителях». Согласно этому положению, учреждались особые звания домашних наставников, учителей и учительниц. Открыть частную школу могли подданные Российского государства, из лиц свободного состояния и христианского вероисповедания. Иностранцы имели право на обучение детей, но пользоваться преимуществами и выгодами «Положения» — нет. Для утверждения в должности преподавателя заявитель обязан был представить следующие документы: метрическое свидетельство о рождении и одобрительные отзывы о поведении и нравственных качествах от заведений, в которых они воспитывались, или от начальства по месту жительства — «удостоверение о нравственных качествах» (ст. 14).

Звание «домашнего наставника» присваивалось исключительно лицам с высшим образованием (ст. 9), которые изъявили желание заниматься обучением и воспитанием в частных домах. Звание «домашнего учителя» устанавливалось после специального экзамена в университете, лицее или гимназии на знания, необходимые для начального обучения (ст. 10) [8].

По мнению исследователя истории развития частных школ первой половины XIX века С.В. Сергеевой: «С этого времени “научное образование” и “нравственная благонадежность” официально и законодательно стали неотъемлемыми условиями для каждого лица, желающего посвятить себя обучению детей в частных домах. Данное требование одинаково относилось ко всем педагогам, посвятившим себя частной практике обучения и воспитания» [10: с. 84].

Лица, имеющие звание домашнего наставника или учителя, считались состоящими в действительной службе по ведомству Министерства народного

просвещения, могли носить вицмундир, установленный для чиновников этого министерства. Они подчинялись губернским директорам училищ, почетным попечителям гимназии и обязаны были два раза в год представлять училищному начальству отчеты о деятельности своей школы и одобрительные свидетельства о поведении от уездных предводителей дворянства.

Не менее важным приобретением для них стало назначение пенсий и пособий из капитала Призрения, состоявшего при Департаменте Народного Просвещения (ст. 46). Кроме этого, «Положение» 1834 года присвоило домашним наставникам и учителям права и преимущества государственной службы. Министр народного просвещения С.С. Уваров объяснил это так: «Правительство признало заслугой отечеству и государству труды людей, в безвестности подвигающихся на этом скромном поприще, и приманкой сильной вызвало на это полезное служение природных русских, которые, по укоренившимся понятиям, привыкли предпочитать государственную службу всякой иной. Бессильная старость и беспомощность их сирот уже не устрашают их: для пенсий составлен особый капитал, беспрерывно возрастающий» [3: с. 56].

Во второй четверти XIX века численность частных школ и обучающихся в них детей значительно выросла. Согласно статистике, помещенной в официальных отчетах министра народного просвещения, в 1835 году в России имелось 430 частных школ, в 1855 году их было уже 614 [1: с. 54–75; 6: с. 26]. По данным А.С. Воронова, в 1853 году в Санкт-Петербургском учебном округе работало 212 домашних учителей. Среди них: 17 домашних наставников, 112 домашних учителей, 83 домашние учительницы [2: с. 250].

Официальное открытие частных школ в Олонецкой губернии началось с 1833 года в Петрозаводске. Так, в октябре 1833 года одну из первых частных школ в Петрозаводске открыла Настасья Ивановна Мещерская. Ею были представлены все нужные документы в дирекцию Олонецких училищ.

А в 1834 году такие учебные заведения появились не только в губернском городе, но и в Лодейном Поле и Вытегре. Однако это новое явление отечественного образования второй четверти XIX века не отличалось значительным количеством школ и многочисленностью учащихся. В течение исследуемого периода ежегодно в крае действовало от трех до шести школ одновременно. Некоторые из них имели долгую историю, другие, напротив, закрывались, просуществовав лишь несколько лет.

Отчасти это объяснялось установленной в «Положении» 1834 года утомительной процедурой открытия частной школы, предполагавшей сбор и представление губернскому училищному начальству различного рода документов. Первоначально желающий открыть такое учебное заведение направлял письменное прошение в адрес смотрителя уездных училищ, тот в свою очередь делал представление на просителя директору училищ и городничему. И только после согласования между городскими и училищными инстанциями и утверждения необходимых документов давалось официальное разрешение

на открытие школы. Об открытии частной школы директор училищ уведомлял губернатора и Училищный комитет университета (до 1835 г.), а затем попечителя учебного округа (ст. 21).

Из найденных документов следовало, что в учебных планах частных школ прописывались: состав обучающихся детей, предметы обучения, данные о приглашенном для преподавания Закона Божьего священнике и о преподавателях отдельных предметов. Кроме того, указывалось место расположения школы, время обучения, представлялся список используемых учебников и учебных пособий, предполагаемая плата за учение, обязательство содержательницы по предоставлению отчетов о состоянии школы и по заблаговременному уведомлению училищного начальства о закрытии учебного заведения. В плане подчеркивался характер деятельности школы: заведение учебное, а не воспитательное (НА РК. Ф. 17. Оп. 4. Д. 4/9. Л. 32).

Первыми домашними учительницами в Олонецкой губернии стали воспитанницы Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома. Они проживали в домах своих родственников и имели специальное свидетельство на право преподавания.

Одной из содержательниц частной школы — первоначально в Вытегре, а затем в Петрозаводске, была Катерина Ивановна Гек — жена учителя рисования Олонецкой гимназии А.Е. Гек. Она получила в 1834 году свидетельство на право преподавания в частной школе в Вытегорском уездном училище (НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 5/6. Л. 46). В ее школе обучались девочки 8–11 лет «чтению и письму на российском и французском языках, Закону Божию, российской и французской грамматике, первым началам арифметики, истории, географии, преимущественно отечественной и кратко». В объявлении, помещенном в газете «Олонецкие губернские ведомости» в 1844 году, дирекция училищ рекомендовала школу как «единственное пока средство для первоначального образования детей женского пола, тем более надежное, что госпожа Гек больше тридцати лет постоянно посвящала себя делу воспитания детей в частных домах, и своею нравственностью и благонамеренным исполнением долга, по званию наставницы и смотрительницы, оправдала уже доверенность многих родителей, вверявших ей своих детей, и заслужила одобрение училищного начальства» [7].

Характерно, что во второй четверти XIX века официальные частные школы появились и в сельской местности. Некоторые крестьяне отдавали своих детей на учение приходским священникам или членам притча. Обучение детей грамоте в таких школах проводилось по добровольному соглашению родителей и учителя за 20–50 копеек в месяц с каждого ученика. Например, в Вешкельской школе Петрозаводского уезда с каждого ученика за обучение местные крестьяне платили по полтине. При таком обучении учитель обычно пользовался столом и квартирой у родителей учащихся. Учителями в них были не только священники, но и крестьяне, которые получили право преподавания путем сдачи специальных

экзаменов при губернской гимназии. Например, в Вытегорском уезде в селениях Мегра и Никифорово детей обучали местные крестьяне, но под надзором священников (НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/12. Л. 575]. В 1834 году частные сельские школы официально действовали в Вытегорском уезде: Кондушская частная школа содержалась причетником А. Любимцевым, и Шильдская — священником И. Федоровым. В Петрозаводском уезде — «в Ладвинском, Сязозерском, Ивинском и Шокшинском приходах священники обучают детей прихожан, помещают их в своих домах и получают за обучение умеренную плату» (НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/10. Л. 290). В Пудожском уезде в Купецком погосте диакон Азиданов открыл школу в 1835 году — единственное официальное домашнее учебное заведение в уезде.

Отдавая своих детей для обучения к частному учителю, родители сами назначали время и уровень обучения, который соответствовал их требованиям: письмо и чтение церковных книг. Такие школы работали нерегулярно: то закрывались, то вновь открывались. Их деятельность зависела от желания самих крестьян обучать своих детей грамоте и наличия в деревне грамотного человека, согласившегося быть учителем сельских детей. В 1834 году в селах Олонецкой губернии работало 10 таких школ, где обучалось 77 мальчиков и одна девочка. Особенной заслугой основателей частных сельских школ считалось, что учителя «не употребляют при занятиях: зуботычин, затрецин, пинков и т. п.» (НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 50/830. Л. 1).

Домашние сельские школы в приходах Олонецкой епархии действовали до 1836–1837 годов. После выхода в свет «Правил первоначального обучения поселенских детей» (1836 г.) эти школы перешли в ведение Святейшего синода.

Состояние учебной части частных школ отражалось в отчетах директоров и смотрителей народных училищ. Несомненно, уровень обученности учащихся зависел от уровня подготовки их преподавателей. Городские частные школы в Петрозаводске и в уездных городах губернии отвечали требованиям населения и заслуживали положительной оценки проверяющих. На испытаниях дети показывали хорошие знания по чтению, письму и счету. В отчете Н. Ивановой (Мещерской) за 1834–1835 учебный год отмечалось, что из десяти учениц девять имели хорошие знания по изучаемым предметам. В то же время в отчетах содержательниц прослеживается значительный отсев учащихся. Например, в школе Н. Ивановой (Мещерской) из 17 принятых в 1834 году учениц в течение года выбыло семь девочек, у М.П. Потаповой — из 19-ти — четыре ученика. Причины их выбытия в отчетах домашних учительниц не указаны (НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 5/6).

В сельской местности уровень обучения был значительно ниже. Так, по сообщению смотрителя Пудожского уезда А. Иввинского в декабре 1837 года, в Купецком училище обучалось пять мальчиков и две девочки, у которых «в знании Закона Божьего, чистописания, чтении церковной и гражданской печати успехи не вполне удовлетворительны, а правила арифметики

и вовсе им не показаны. При училище не имеется черной для решения арифметических задач доски и прочей учительской мебели... Азиданов имеет мало свободного времени для занятий с учащимися по отвлечению к полевым и домашним работам...» (НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5/13. Л. 416).

Таким образом, «домашние школы» в Олонецкой губернии существовали в течение всей первой половины XIX века. Восполняя отсутствие государственных школ, чаще всего они были единственной доступной формой получения образования, особенно в сельской местности. Правовой статус такие школы получили только с 1834 года, тогда же были поставлены под бдительный контроль государства. Ужесточение государственного контроля за домашним обучением способствовало унификации образовательной системы, основанной на единых принципах и отвечающей единым требованиям. Принятое в 1834 году «Положение» регламентировало нормативно-правовую базу домашней формы обучения, однако оставались нерешенными многие вопросы, связанные с методикой и качеством обучения.

Литература

1. Ведомости о состоянии учебных заведений за 1854–1855 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. Ч. 140. С. 54–75.
2. *Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 г. СПб., 1855. С. 250.
3. Десятилетие Министерства народного просвещения 1833–1843. СПб., 1864. С. 56.
4. *Завадовский И.* К истории Сенногубского Министерства народного просвещения одноклассного сельского училища // Олонецкие губернские ведомости. 1906. № 9.
5. К истории просвещения в Олонецком крае // Олонецкие губернские ведомости. 1893 г. № 90.
6. Общий отчет, представленный его Императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1835 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Ч. 4. С. 26.
7. Олонецкие губернские ведомости. 1842 г. № 15.
8. Положение о домашних наставниках и учителях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. IX. Ч. I. № 7240.
9. *Попов В.* Описание Кокшеньги (Тотемского уезда) // Вологодские губернские ведомости. 1857. № 24.
10. *Сергеева С.В.* Частное образование в России (Последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.). Пенза, 2000. С. 84.
11. *Суморин И.* Краткий очерк начального народного образования в городе Лодейном Поле // Олонецкие губернские ведомости. 1891. № 76.

References

1. Vedomosti o sostoyanii uchebny'x zavedenij za 1854–1855 g. // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. 1856. Ch. 140. S. 54–75.

2. *Voronov A.S.* Istoriko-statisticheskoe obozrenie uchebnykh zavedenij Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga s 1829 po 1853 gg. SPb., 1855. S. 250.
3. *Desyatiletie Ministerstva narodnogo prosveshheniya 1833–1843.* SPb., 1864. S. 56.
4. *Zavadovskij I.* K istorii Sennogubskogo Ministerstva narodnogo prosveshheniya odnoklassnogo sel'skogo uchilishha // *Oloneczkie gubernskie vedomosti.* 1906. № 9.
5. K istorii prosveshheniya v Oloneczkom krae // *Oloneczkie gubernskie vedomosti.* 1893 g. № 90.
6. *Obshhij otchet, predstavlenny'j ego Imperatorskomu velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshheniya za 1835 g.* // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya.* 1836. Ch. 4. S. 26.
7. *Oloneczkie gubernskie vedomosti.* 1842 g. № 15.
8. *Polozhenie o domashnix nastavnikax i uchitelyax* // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii.* Sobr. 2. T. IX. Ch. I. № 7240.
9. *Popov V.* Opisanie Kokshen'gi (Totemskogo uezda) // *Vologodskie gubernskie vedomosti.* 1857. № 24.
10. *Sergeeva S.V.* Chastnoe obrazovanie v Rossii (Poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX v.). Penza, 2000. S. 84.
11. *Sumorin I.* Kratkij ocherk nachal'nogo narodnogo obrazovaniya v gorode Lodejnom Pole // *Oloneczkie gubernskie vedomosti.* 1891. № 76.

E.A. Kalinina

**Development of Private Schools in the First Half of the XIX Century
(on the Example of Olonets Province)**

The article considers the issues of the development of private schools of Olonets province in the first half of the XIX century on the basis of legislative and archival sources and also materials of periodical press. These schools filled in the lack of state schools in those areas and very often they were the only available way of getting primary education, especially in the countryside. They got legal status only since 1834 and were put under strict control by the state.

Keywords: public education; private schools; home tutor.

А.С. Черножуков

Рабочий вопрос и деятельность Московской городской думы в 1905 году

В статье рассматривается деятельность Московской городской думы в период революционных событий 1905 года. В центре внимания — положение рабочих и служащих города, которое своими действиями старались облегчить гласные Думы.

Ключевые слова: Московская городская дума; рабочий вопрос; местное самоуправление.

Революционные события 1905 года не могли не затронуть Москву: забастовки, стачки, волнения — все это стало неотъемлемой частью жизни города на протяжении длительного времени. Россия в этот период оставалась практически единственным государством в Европе, где отсутствовал парламент, легальные политические права, нерешенным оставался аграрный вопрос [1: с. 406]. В этих условиях рабочий вопрос стал одной из важнейших тем, которые рассматривались и поднимались на заседаниях Московской городской думы почти весь беспокойный год. Несмотря на то, что органам местного самоуправления было запрещено вмешиваться в политику, а по Городовому положению 1892 года губернатору предоставлялось право приостанавливать действие постановлений, если они не соответствуют общим государственным пользам и нуждам [2: с. 282], земства занимали активную позицию по многим актуальным проблемам. Чтобы как-то успокоить ситуацию в городе, Дума принимает экономические решения, которые непосредственно связаны с политической ситуацией в стране. Гласные Думы постановляют обеспечить рабочих пособиями по болезни в размере 1/2 жалованья взамен 1/3, повышается низший оклад кондукторов до 1 рубля 10 копеек, взамен существовавшего — в 1 рубль, увеличивается до 1 рубля низший оклад слесарей, маляров и столяров, а рабочих мастерских — до 75 копеек (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 105). Московская дума пытается улучшить и быт простых граждан. Для этого отдельным службам, подведомственным Думе и управе, предлагается выяснить нужды рабочих и в ближайшем будущем произвести необходимые улучшения в квартирах, снабдить их столами, выдать необходимую для грязных работ одежду, улучшить накидки и зимнюю одежду (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 105). Конечно, в условиях надзора за деятельностью и законностью распоряжений органов местного самоуправления со стороны Губернского по городским делам присутствия,

которое с подачи губернатора могло отменить решение, да и со стороны губернатора, который мог его приостановить под личную ответственность [3: с. 278], земства не всегда могли действовать свободно. На неопределенное время были отложены такие важные задачи, как понижение рабочего времени до 8 часов, учреждение сберегательной кассы для рабочих, зачисление в штат новых сотрудников и многие другие. Кроме того, в условиях революционного противостояния Дума занимает отчасти консервативную позицию, грозя рабочим отменить все улучшения, а тех, кто продолжит беспорядки, уволить и заменить другими лицами, более лояльными к правительству.

В сентябре – октябре 1905 года Москва окончательно становится центром революционных событий в стране. Еще в сентябре Москву охватывают многочисленные забастовки рабочих, в основном с экономическими требованиями. Седьмого октября начинается стачка железнодорожников, которая вскоре приобретает общероссийский характер. В Москве не работали предприятия, закрылись магазины, прекратилась подача электроэнергии и воды, бросили работу служащие телеграфа, телефона и почтовых отделений. Везде шли непрерывные митинги.

В этих условиях Московская дума продолжила тактику поощрения и наказания, но главной целью гласных было нормализовать ситуацию в городе. С одной стороны, в постановлении Думы говорится о том, что главная задача местного самоуправления состоит в охране городских сооружений и предприятий, обеспечении жизни и здоровья населения города, поэтому в случае надобности нужно увольнять рабочих и служащих, оставивших работу, без содержания (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 160). С другой стороны, рабочим предлагается принять на себя охрану целостности городских сооружений и непрерывности их действий, признать распоряжение городской управы об увольнении некоторых категорий рабочих недействительным, вознаградить рабочих за сверхурочный труд (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 160). Начинается работа и по улучшению быта. В продолжение своих действий в этом направлении Дума принимает постановление «уничтожить квартиры рабочих и низших служащих в помещениях и подвалах, неудовлетворяющих требованиям гигиены и условиям семейной жизни, довести квартирные помещения до одного куба на жителя..., лицам, не имеющим квартир от города и принадлежавшим к тем категориям рабочих, которые имеют таковые, предоставить квартиры согласно вышеуказанным положениям» (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 161). В это же время в смету города вносится 203 000 рублей (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 161 об.) для выдачи периодических прибавок. Нарастающее стачечное движение Дума пытается ликвидировать за счет удовлетворения популярных экономических требований на предприятиях. Принимается решение ввести во всем городе трехдневный восьмичасовой рабочий день.

Дума пытается сотрудничать с рабочими и посредством переговоров. Предлагается «пригласить гласных Городской думы, представителей земства,

представителей здоровых организаций, партий и учреждений, представителей всех общественных групп, которые стоят за освободительное движение, дабы всем сообща решить, что нужно сделать в целях предотвращения бедствий» (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 162 об.). Принимаются также постановления о поддержке семей бастующих рабочих, о передаче в ведение городского управления полиции, об упразднении охранного отделения, но многие из этих решений не были реализованы.

Таким образом, мы видим, что Городская дума старалась проводить осмотрительную и взвешенную политику, не отказываясь от поддержки рабочих и частично их экономических требований, гласные пытались навести порядок в Москве, сгладить общественные противоречия, найти компромиссные решения. Несомненно, такая либеральная позиция местного самоуправления не соответствовала правительственной политике. Так, на требование передать охрану общественного порядка в руки земств генерал Трепов ответил, что «это является делом градоначальника, которые он может и должен исполнять сам». Подобную передачу полиции городу он посчитал нецелесообразным, а соответствующие меры успокоения рабочих, по его мнению, должен предпринимать генерал-губернатор (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 176). Пиком революционных событий в Москве стало декабрьское вооруженное восстание. В борьбу вступили тысячи рабочих. В разных концах города сооружались баррикады, строить их помогали женщины и дети. Около 6 тыс. дружинников, вооруженных винтовками, охотничьими ружьями, револьверами, героически сражались на баррикадах. Под руководством большевиков восставшие применяли новую тактику уличной борьбы — сочетание баррикадных боев с партизанскими действиями. Поскольку баррикады легко разрушались артиллерийским огнем, им отводилась роль заслона, они служили препятствием для продвижения войск. Основной боевой силой были мелкие подвижные партизанские отряды, которые вели огонь из проходных дворов, подворотен, с крыш и из окон. Они наносили большой урон живой силе врага. Царские власти направили на подавление восстания гвардейский Семеновский полк, который удалось перевезти из Петербурга по железной дороге. Крестьяне окрестных сел помогали рабочим Москвы продовольствием. В Думе в это время проходили экстренные заседания, связанные с ситуацией в городе. Как свидетельствуют архивные материалы, собрания продолжались практически непрерывно до 19 декабря, когда восстание было прекращено, особенно интенсивные дебаты развернулись 13, 14, 15 и 16 декабря 1905 года. В аннотации в журнале Московской городской думы говорилось «о необходимости немедленного созыва чрезвычайного собрания Думы для обсуждения современного положения города и изыскания средств к умиротворению населения и водворению порядка» (ЦХД до 1917 года. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 223). Гласные Думы как всегда выступили против жестких мер по отношению к рабочим, но видно, что они не были готовы к такому развитию

событий в городе. О растерянности думцев говорит тот факт, что они заявили о невозможности полного контроля над городскими делами, в то же время видна их крайняя озабоченность ситуацией в Москве. Депутаты пытаются собрать сведения о состоянии городских зданий и количестве раненых, озабочиваются помощью беднейшему населению города, санитарно-медицинской обстановкой (ЦХД до 1917 года. Ф.179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 223 об.). По мере нарастания военного присутствия в городе и кровавого сценария развития событий Дума принимает решение об организации отрядов Красного креста «с приспособлениями для перевозки раненых». Тем не менее местное самоуправление старается в это время воздержаться от крайних позиций. Были отвергнуты предложения гласного А.С. Шмакова с требованием сурового подавления бунта и безоговорочной поддержки правительства, как и гласного Левицкого — о безотлагательном созыве выборных народных представителей для установления основного государственного закона (ЦХД до 1917 года Ф. 179. Оп. 2. Д. 2905. Л. 226). Таким образом, соблюдая нейтральную позицию, иногда лавируя между интересами правительства и интересами рабочих и служащих города, органы местного самоуправления сыграли большую роль в поддержании Москвы в надлежащем состоянии и оказании помощи гражданскому населению.

Литература

1. *Кириллов В.В.* История России. М: Юрайт – Издат, 2007. 650 с.
2. *Галкин П.В.* Местное самоуправление в Московской губернии и государственная власть. 1864–1917 гг. М.: Главное архивное управление города Москвы, 2012. 448 с.
3. *Галкин П.В.* Местное самоуправление в Московской губернии и государственная власть. 1864–1917 гг. М.: Главное архивное управление города Москвы, 2012. 448 с.

References

1. *Kirillov V.V.* Istoriya Rossii. M: Yurajt – Izdat, 2007. 650 s.
2. *Galkin P.V.* Mestnoe samoupravlenie v Moskovskoj gubernii i gosudarstvennaya vlast'. 1864–1917 gg. M.: Glavnoe arxivnoe upravlenie goroda Moskvyy', 2012. 448 s.
3. *Galkin P.V.* Mestnoe samoupravlenie v Moskovskoj gubernii i gosudarstvennaya vlast'. 1864–1917 gg. M.: Glavnoe arxivnoe upravlenie goroda Moskvyy', 2012. 448 s.

A.S. Chernozhukov

Labor Problem and the Activities of Moscow City Duma in 1905

The article considers the activity of Moscow City Duma during the revolutionary events of 1905. In the center of attention is the situation of workers and employees of the city. The councilors of the Duma tried to facilitate this situation by their actions.

Keywords: Moscow City Duma; the labour problem; the local government.

Т.В. Ершова

Оборонная промышленность Москвы в годы Первой мировой войны

В статье рассматривается создание оборонной промышленности в Москве в годы Первой мировой войны. В городе были созданы заводы и фабрики по производству снарядов, самолетов, химические предприятия по производству взрывчатых веществ. Москва внесла большой вклад в оборону России.

Ключевые слова: промышленность; авиация; снаряды; взрывчатые вещества.

Начавшаяся в июле 1914 года Первая мировая война, уже первые боевые действия выявили абсолютную неготовность оборонной промышленности к обеспечению фронта боеприпасами и снаряжением. Особенно это ощутила армия в конце 1914 – начале 1915 года. Поэтому военным ведомством был поставлен вопрос о привлечении к делу обороны частной промышленности.

В отечественной историографии проблемам привлечения частной промышленности к делу обороны государства посвящены труды А.Л. Сидорова, А.А. Манниковского, К.Н. Тарновского, Е.В. Маевского, В. Я Лаверычева [5; 7–9; 13] и др. Однако указанные авторы исследовали тему в масштабе всей страны или ее крупнейших регионов. Московская промышленность упоминалась факультативно, в качестве примеров, и потому не все вопросы создания оборонной промышленности в Москве и в Московской губернии были освещены. В данной статье поставлена задача: проанализировать мобилизацию промышленности Московского региона для нужд российской армии в период с июля 1914 по февраль 1917 года.

Первый опыт в привлечении частной промышленности к делу обороны государства был связан с созданием Организации генерала С.Н. Ванкова. В феврале 1915 года он получил задание наладить на частных заводах Москвы и Юга России производство трехдюймовых снарядов по французскому образцу для отечественной полевой артиллерии (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 200. Л. 155; Д. 354. Л. 200). После всестороннего изучения промышленного потенциала указанных регионов генерал Ванков пришел к выводу, что возможности привлечь для выполнения задачи частную промышленность в данных регионах имеются. Предпринимателям было предписано подготовить чертежи и изучить способы фабрикации военной продукции (РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 8. Л. 4; Ф. 512. Оп. 1. Д. 82. Л. 11; Д. 200. Л. 155 об.).

В апреле 1915 года Военный Совет утвердил решение Главного артиллерийского управления об изготовлении 1 млн снарядов по французскому

образцу. 23 апреля решение окончательно утвердил Николай II, после чего Организация приступила к выполнению военного задания (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 57. Л. 12; Д. 82. Л. 11). На изготовление 1 млн снарядов, 1010 тыс. запальных стаканов и 1010 тыс. детонаторных трубок Организация генерала Ванкова получила 21 171 тыс. рублей, а также 635 тыс. рублей на содержание штата Организации. Управление Организации генерала Ванкова находилось в Москве (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 57. Л. 8, 19 об.).

В сфере действий Организации генерала Ванкова оказалась большая территория России. Крупнейшим по производству снарядов стал Московский регион, где были привлечены к делу обороны государства около 10 заводов, фабрик и мастерских. В разное время Московский регион производил для армии от 32 % до 42 % трехдюймовых снарядов, от 19% до 32% запальных стаканов и от 30 % до 55 % детонаторных трубок. Все снаряды снаряжались в Москве [4: с. 152–155].

Первые крупные заказы на производство военной продукции в Москве в апреле и мае 1915 года получили заводы: «Динамо», «Густав Лист», машиностроительный завод «А. Густов и кампания», завод братьев Кертинг, механический завод Торгового дома «В.Л. Гоппер и кампания», завод «Дангауэр и Кайзер», завод М.Е. Ефимова, завод «Добровых и Набгольц», завод товарищества керосинокалильного и электрического освещения «Свет», завод акционерного общества «Фарбверке», Трехгорное пивоваренное товарищество и «Торговый дом Лепешкина». Последние два предприятия получили заказы на производство взрывчатки. В Подмоскowie на производство снарядов ориентировали Коломенский паровозостроительный завод, завод международной кампании жатвенных машин в Люберцах, завод кампании «Зингер» в Подольске (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 82. Л. 23, 23 об.) и некоторые другие. Следовательно, в системе генерала С.Н. Ванкова работали металлургические, металлообрабатывающие и несколько химических и снаряжательных заводов. Крупнейшим заводом по снаряжению снарядов стала реквизируемая красильная фабрика «Фридрих Байер и кампания», переданная Н.А. Второву. Всю работу по снаряжению снарядов со всем риском и ответственностью за несчастные случаи от взрывов Второв взял на себя (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 214. Л. 3.).

Надо отметить, что Организация генерала Ванкова в деле привлечения частной промышленности в Москве столкнулась с большими трудностями. И самое главное, московская промышленность никогда не производила военную продукцию. Ее продукцию потреблял внутренний и внешний рынок. Уже к концу июля 1915 года стало ясно, что выполнить правительственное задание невозможно, получить первые 10 000 снарядов не удастся (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 82. Л. 356). Согласно произведенному расследованию, основная масса заводчиков и фабрикантов, получив заказы на производство военной продукции — гранат, запальных стаканов и трубок, умышленно уклонялась от ускорения производства (РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 83. Л. 4 об., 5). Заказы срывались и потому, что фабриканты и заводчики стремились всеми путями

повысить цены на изготавливаемую военную продукцию. Так, синдикат «Продамет» в августе 1915 года повысил цены на производимую сталь с 3 рублей 25 копеек за пуд до 3 рублей 90 копеек, а в октябре — до 4 рублей 20 копеек (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 68. Л. 1; Д. 226. Л. 26; Д. 166. Л. 58 об.). Естественно, были и отказы особо ушлым заводчикам, стремившимся получить заказы по завышенным ценам. Так, не получил заказ на производство снарядов завод Московского Военно-промышленного комитета. Генерал С.Н. Ванков заявил, что он может разместить его по более низким ценам на других предприятиях (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 126. Л. 278). Не состоялась также сделка генерала Ванкова на перековку стали с Московским вагоностроительным заводом, потребовавшим очень высокую цену (РГВИА Ф. 512. Оп. 1. Д. 23. Л. 29, 36).

В начале 1916 года генерал Ванков доложил Главному артиллерийскому управлению о результатах привлечения к выпуску военной продукции заводов и фабрик в Москве. Оценивая срыв первоначального заказа на производство военной продукции, он писал: «Для выполнения возложенного поручения мне пришлось привлечь к выработке снарядов целый ряд фабрик и заводов, причем все они к этому совершенно не были приспособлены, не имея ни оборудования, ни поверочных инструментов и лекал, ни рабочих, которые могли бы работать по предельным калибрам. В то же время обстоятельства военного времени сделали чрезвычайно затруднительным приобретение надлежащего оборудования, особенно приобретение станков и инструментальной стали и поверочных инструментов». Одновременно С.Н. Ванков указал на недостаточное поступление на заводы топлива, в результате чего некоторые заводы вынуждены были «совершенно приостановить работу» (РГВИА. Ф. 512. Оп. 223. Л. 21, 21 об.). Отвечая на запрос Особого Заводского совещания о причинах задержки выполнения военных заказов на снаряды на заводах Москвы, генерал Ванков писал о нехватке топлива, сырья, о задержке с поставками оборудования и о забастовках, в частности на заводе «Динамо» (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 191. Л. 97 об.).

С февраля 1916 года производство снарядов на фабриках и заводах Организации генерала Ванкова стало быстро увеличиваться. К 1 февраля наряд на изготовление 1 млн снарядов был выполнен, на производство запальных стаканов план тоже был выполнен и только на производство детонаторных трубок он выполнялся с опозданием (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 338. Л. 59). К концу 1916 года Организация генерала Ванкова поставляла фронту каждый месяц по 700 тысяч снарядов (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 342, ч. 3. Л. 32). К 1 января 1917 года для действующей армии было изготовлено 7 593 991 корпусов трехдюймовых снарядов, 5 257 850 запальных стаканов и 4 219 875 детонаторных трубок [8: с. 90]. Это был достаточно крупный успех.

Летом 1915 года в условиях поражения и отступления русской армии Военное министерство разослало всем руководителям губернских и земских управ циркулярное письмо, чтобы выяснить, какие фабрики и заводы могли бы

принять участие в производстве военной продукции для фронта. Аналогичное письмо было отправлено на имя председателя Совета съездов представителей торговли и промышленности [7: с. 60]. Летом 1915 года многие промышленные предприятия Москвы получили военные заказы на производство снарядов, взрывчатых веществ, ручных гранат, военного имущества и снаряжения. Для их выполнения московские предприниматели стали расширять производство, приобретать станки, машины и оборудование, строить новые фабрики и заводы. По сведениям Московского областного военно-промышленного комитета, на 1 июля 1915 года к производству военной продукции в Москве и в Московской губернии было привлечено 265 предприятий. Среди них металлообрабатывающих было 98, текстильных — 88, химических — 20, по обработке дерева — 13 [11: с. 1–98]. В августе – декабре 1915 года темпы привлечения московской промышленности к делу военного производства возросли. Военную продукцию производили снаряжательные, металлообрабатывающие, машиностроительные, деревообрабатывающие заводы, многие кустарные и ремесленные предприятия. Всего во второй половине 1915 года в Москве на оборону работало 294 фабрик и заводов (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 19. Л. 29 об.).

Мобилизация московской промышленности создала условия для производства для армии самого разнообразного имущества. Например, машиностроительный завод братьев Бромлей приступил к изготовлению станков для обработки снарядов и нефтяных двигателей для Главного военно-технического управления (ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 193. Л. 14.). Завод «О.Г. Пирвиц и кампания» получил заказ от Военно-морского министерства на изготовление трюмных центробежных насосов и водяных турбин. Помимо этого завод изготавливал для ряда промышленных предприятий, работающих на оборону государства, чугунное литье (ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 193. Л. 1).

К делу обороны страны привлекались предприятия, которые никогда не выпускали военную продукцию. Так, Московское отделение мастерской Аэродинамического инструмента до войны производило машины для картофельно-крахмальных заводов, мукомольные мельницы, трансмиссии и другую мирную продукцию. В условиях войны отделение получило заказ на изготовление корпусов для трехдюймовых снарядов (ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 193. Л. 31). Московская школа мукомолов товарищества А. Эрлангера стала производить минометы (ЦИАМ. Ф. 848. Оп. 1. Д. 18 А. Л. 1141–1142). Завод «Дукс» до войны выпускал велосипеды. Во время войны, перестроившись, он стал производить самолеты (ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 193. Л. 33).

В 1916 году процесс привлечения к делу обороны России промышленных предприятий Москвы расширился. В феврале 1916 года на оборону в Москве работало 419 предприятий. Из них основная масса изготавливала снаряды, гранаты и детали к ним, их было свыше 100. Ткани и белье для армии производили 48 предприятий, химические взрыватели и вещества к ним — 26, шанцевый инструмент — 20, станки и части к ним — 25 и др. Подавляющая масса

предметов для обороны страны изготавливалась на крупных и средних предприятиях Москвы (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 75 об.—76).

К маю 1916 года общее количество промышленных предприятий, выпускающих военную продукцию, увеличилось до 445 (РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 277. Л. 102 об.). Из них своей интенсивностью работы для армии выделялся ряд крупных заводов Москвы. Так, металлургический завод Ю. Гужона стал основным поставщиком стали для многих фабрик и заводов города, изготавливающих запальные стаканы (РГВИА. Ф. 512. Оп. 1. Д. 98. Л. 114, 248, 249). Заказ на изготовление двух миллионов трехдюймовых снарядов получил завод Михельсона. На их производстве он заработал 245 млн рублей (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 760. Л. 1). В течение 1915–1916 годов систематически производил и поставлял свою продукцию Главному артиллерийскому управлению завод «Динамо». Рабочими завода было изготовлено 33 000 штук корпусов для трехдюймовых снарядов (РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 154. Л. 95 об.).

В годы Первой мировой войны в Москве возникло много крупных промышленных предприятий, которых раньше в городе не существовало. В первую очередь к ним относятся фабрики и заводы по производству авиации, автомобилей и отраслей химической промышленности. Россия, являясь родиной авиации, до Первой мировой войны не создала отечественной авиационной промышленности. В стране накануне войны было всего четыре завода, где собирались самолеты из деталей, поставляемых из-за границы. Единственный авиационный завод — Русско-Балтийский — производил отечественные самолеты в количестве 10 единиц в месяц. Остальные заводы производили примерно то же количество (РГВИА. Ф. 369. Оп. 8. Д. 77. Л. 5).

Неудовлетворительно обстояло дело в России и с выпуском авиационных моторов, несмотря на то, что было два крупных завода. Один находился в Риге — завод «Мотор», а другой в Москве — завод «Гном и Рон» с производственной мощностью 5 моторов в месяц. Тем более что эти заводы получали детали для моторов из-за рубежа. В результате на вооружении российской армии накануне войны было всего 202 самолета [6: с. 620].

Начавшаяся война потребовала от авиационной промышленности увеличить производство самолетов во много раз. Однако в течение первого года положение исправить не удалось. Главной причиной являлось неудовлетворительное состояние оборудования на авиационных предприятиях, отсутствие запасных частей, поставляемых из-за границы. Поэтому такие предприятия, как «Гном и Рон» и «Мотор», в среднем в состоянии были изготавливать в месяц по 13–15 моторов [16: с. 17].

Начавшаяся мобилизация российской промышленности коснулась и авиационной промышленности. В Москве создавались новые заводы и восстанавливались эвакуированные сюда промышленные предприятия, изготавливавшие до войны самолеты и детали к ним. В основном это были заводы кустарного типа. Всего в городе 10 заводов работали на военную авиацию (РГВИА.

Ф. 369. Оп. 9. Д. 19. Л. 76). В 1916 году в Москве один завод акционерного общества «Ю.А. Дукс и Меллер» выпускал до 34 самолетов в месяц (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 568. Л. 60 об., 61). Авиационная фабрика Ф. Моска производила учебные истребители, пропеллеры, пулеметные установки и запасные части к ним (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 568. Л. 119 об., 120). Заводы «Гном и Рон», «Мотор», завод общества «Сальмсон» изготавливали моторы для самолетов и запасные части для них (РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 568. Л. 45 об.–46, 124 об.–125, 160 об.–161).

Во второй половине 1915 года действующая армия настойчиво требовала увеличения производства самолетов. В результате курирующий производство самолетов Великий князь Александр Михайлович начал настойчиво добиваться расширения производства авиации. Особое внимание было уделено московскому заводу «Дукс» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 12. Л. 40). 14 ноября он направил письмо военному министру, в котором потребовал принять необходимые меры для увеличения выпуска самолетов на заводе «Дукс», для чего было предложено включить его «в список главнейших заводов, работающих на оборону», предоставить ему ряд льгот и установить «очередь получения топлива следующей по спешности за военными грузами». Великий князь предложил решить этот вопрос в очень короткий срок ввиду их «особо важного значения» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 12. Л. 38, 38 об.).

Воспользовавшись благожелательным отношением Великого князя, владельцы завода «Дукс» потребовали у Особого совещания по обороне государства предоставить им ряд льгот: обеспечивать своевременным получением различных производственных материалов от смежников, гарантировать полное и бесперебойное снабжение топливом, сырьем, станками и машинами; освободить всех рабочих и служащих от призыва в армию (РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 12. Л. 41, 42).

Управляющий Особым совещанием по обороне государства генерал Бабиков сделал соответствующее распоряжение всем организациям (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 12. Л. 44). Однако удовлетворить полностью все требования администрации завода «Дукс» не удалось. Лишь после вмешательства Николая II завод был бесперебойно обеспечен топливом (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 12. Л. 56).

В течение 1916 года завод «Дукс» расширил производство. Владельцы завода закупили оборудование и сырье, строили новые корпуса, получив на это у Военного министерства кредит в размере 1 063 149 рублей 85 копеек (РГВИА. Ф. 369. Оп. 8. Д. 43. Л. 1). На заводе произошло увеличение рабочих кадров. Если в августе 1916 года на заводе «Дукс» работало 1500, в ноябре — 2150, а к началу 1917 года — 2500 рабочих (РГВИА. Ф. 369. Оп. 8. Д. 43. Л. 37).

Перевезенный из Риги авиационный завод «Мотор» сумел уже к концу 1915 года организовать выпуск военной продукции. На заводе стали производить до 100–120 комплектов запасных частей для авиационных двигателей.

Произведенную продукцию он продавал заводу «Гном и Рон» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 8. Д. 43. Л. 9), а тот так и не сумел освоить серийное производство моторов нового типа (Моносулат). В 1916 году их было изготовлено всего 40 штук (РГВИА. Ф. 369. Оп. 8. Д. 77. Л. 9).

Всего за время войны, с 1914-го до февраля 1917 года, в армию было поставлено отечественными заводами 73% самолетов и 30% моторов. Остальная продукция для авиастроения была получена из-за границы (РГВИА. Ф. 369. Оп. 8. Д. 77. Л. 4).

В годы Первой мировой войны потребовалось организовать в России производство автомобильного транспорта. До начала войны автомобильной промышленности в стране не существовало, техника для народного хозяйства и армии приобреталась за границей. Небольшие кустарные предприятия занимались лишь сборкой из импортных деталей и ремонтом [1: с. 147–149].

Всего в России к началу Первой мировой войны было около 5,5 тыс. автомашин. Из них в армии: 259 легковых, 452 грузовых и вспомогательных [6: с. 621].

В условиях мировой войны потребность действующей армии в автотранспорте значительно возросла. Попытка получить автомобили из-за рубежа не увенчалась успехом. Высокие цены и трудности доставки заставили военное ведомство принять решение о строительстве пяти частных автомобильных заводов в России [16: с. 184]. 27 февраля 1916 года Торговый дом «Кузнецов, Рябушинский и кампания» заключил первый договор на поставку Военному министерству 1500 автомобилей (750 легковых и 750 грузовых трехтонных) с полным комплектом оборудования по цене 11 500 рублей за легковой и 13 500 рублей за грузовой автомобиль, всего на 27 млн рублей. Согласно контракту, Торговый дом обязывался поставить все автомобили в течение двух лет, а завод пустить 7 октября 1916 года (ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 А; Ф. 51. Оп. 1. Д. 66. Л. 9). За основу отечественной модели был взят автомобиль марки «ФИАТ» (ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 26. Л. 31).

Для строительства завода учредители Торгового дома купили за 4 002 000 рублей Тюфелеву рощу на берегу Москвы-реки (ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 66. Л. 9) и заказали в Соединенных Штатах Америки необходимое оборудование на 1 320 000 долларов, а в европейских странах — на 470 000 долларов (ЦИАМ. Ф. 861. Оп. 1. Д. 179. Л. 89). Основной капитал товарищества был определен в 10 млн рублей (ЦИАМ. Ф. 861. Оп. 1. Д. 67. Л. 5 об.).

Учреждая автомобильный завод в Москве, руководство Торгового дома преследовало далеко идущие цели. В уставе, утвержденном Николаем II 18 мая 1916 года, говорилось, что Торговый дом «Кузнецов, Рябушинский и кампания» ставит перед собой задачу «по изготовлению автомобилей, моторов, аэропланов, машин, механизмов и других изделий, равно для оборудования и эксплуатации такого рода предприятий и самих автомобилей, а также для разработки залежей полезных ископаемых» (ЦИАМ. Ф. 861. Оп. 1. Д. 67. Л. 3).

Весной 1916 года Торговый дом приступил к строительству завода АМО. На его сооружении было занято 2 тыс. рабочих (ЦИАМ. Ф. 861. Оп. 1. Д. 179. Л. 37, 37 об., 132). Однако сдать завод в эксплуатацию в срок не удалось. Несмотря на то, что корпуса и подсобные помещения были построены, оборудование, заказанное за границей, поступало с очень большим запозданием, за исключением поставок из США. С ноября 1916 года стало поступать оборудование из Англии. Таким образом, на заводе АМО до самой революции не был налажен выпуск автомобилей.

Во время Первой мировой войны в Москве было создано несколько авторемонтных мастерских, среди которых заметное место занимала фабрика металлических изделий Г.М. Бочарова и Г.Е. Плюхина. Автомобильные двигатели стали выпускать заводы «Сальмсон», мастерская П. Ильина и некоторые другие (РГВИА. Ф. 369. Оп. 8. Д. 77. Л. 10, 11).

Заметное место в Москве в условиях Первой мировой войны заняла химическая промышленность. Накануне войны она была представлена в основном крупными парфюмерными фабриками, такими как «Товарищество Брокар и кампания», товариществом высшей парфюмерии «А. Ралле и кампания», резиновым заводом «Богатырь», товариществом «Треугольник», несколькими фармацевтическими предприятиями, бензоанилиновым заводом «Бензолам», генеральным обществом французской ваксы «А. Жако и кампания» и несколькими мелкими предприятиями. Накануне войны в городе было 26 лакокрасочных заводов [10: с. 920–921], 31 предприятие химической промышленности изготавливали соду, поташ, соли, кислоты, занимались сухой перегонкой дерева, производством косметических товаров и резиновых изделий. Они получали большие прибыли [10: с. 911–913].

До войны большинство химических заводов города получало сырье из-за границы, в основном из Германии. Они зависели от иностранных фирм [14: с. 47–49]. С началом войны химическая промышленность оказалась в тяжелом положении. Многие предприятия вынуждены были сократить производство, фабрики и заводы приостанавливали работы или закрывались.

Уже в начале войны Военное министерство приступило к поиску способов производства взрывчатых веществ и приобретения их для нужд обороны государства. Необходимо было срочно наладить производство толуола в России при определенных капитальных затратах и быстрых и решительных действиях [14: с. 50–51]. Запросы Ставки на взрывчатые вещества заставили Главное артиллерийское управление приступить к объединению всех химических заводов страны, в том числе и московских. Созданная в феврале 1915 года постоянно действующая комиссия по заготовке бензола объединила все комиссии, работающие по заготовке химических веществ, и приступила к производству различных продуктов химической промышленности [3: с. 4]. Для того чтобы организовать производство в широком масштабе и обеспечить фронт взрывчатыми веществами, было создано акционерное общество «Коксобензол» с учредителями: Н.А. Второв, Н.О. фон-Дитмар, Е.Э. Лидер,

М.А. Морозов, А.М. Неведомский и другие (ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 10. Д. 1626. Л. 3). Учредители общества получили от ГАУ аванс в размере 5850 тыс. рублей и кредиты на сумму 6 401 952 рублей 85 копеек (ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 10. Д. 1626. Л. 9 об.; Ф. 2103. Оп. 1. Д. 1. Л. 14 об.). Опираясь на эти средства, общество организовало производство бензола и толуола для нужд обороны государства. Общество должно было произвести химическую продукцию для армии на сумму 12 243 000 рублей в течение трех лет. По мнению начальника ГАУ генерала Маниковского, условия поставки и цены были допустимы (РГВИА. Ф. 504. Оп. 17. Д. 43. Л. 4, 4 об., 5 об.).

В годы Первой мировой войны шел дальнейший процесс монополизации химической промышленности. Так, московский предприниматель Н.А. Второв, приобретя в собственность фабрику «Фридрих Байер и кампания», стал владеть «абсолютным большинством» химических предприятий в России. Основная масса сырья добывалась в Донбассе, а на переработку оно поступало в Москву. Во время войны в Москве было организовано производство толуола, динитробензола, меленита, шнейдерита, тротила и других взрывчатых веществ. Сообщая о производстве в Особое совещание по обороне государства, генерал Чердынцев писал: «Выработка химической продукции настолько возросла, что московскими заводами покрываются нужды казенных пороховых заводов в Казани и Самаре почти полностью» (ЦИАМ. Ф. 848. Оп. 1. Д. 206. Л. 22 об.). Помимо взрывчатых веществ в 1915 году московская химическая промышленность изготовила 5 млн литров кислот и олеума (ЦИАМ. Ф. 848. Оп. 1. Д. 206. Л. 22 об.).

Первая мировая война дала большой толчок развитию химической промышленности в Москве. В 1916 году в городе производство выросло по сравнению с 1913 годом на 217%, достигнув 29,8 млн золотых рублей. Заводы, выпускающие взрывчатые вещества, в 1916 году получили чистой прибыли 7,5 млн золотых рублей вместо 3,2 млн рублей в 1913 году [14–15].

Таким образом, в годы Первой мировой войны в условиях мобилизации промышленности для нужд государственной обороны московская промышленность заняла одно из первых мест в области производства боеприпасов, снаряжения и других видов военной продукции. Ведущее место в городе занимали металлообрабатывающая, машиностроительная, химическая, текстильная отрасли производства. В больших объемах изготавливались снаряды, химические вещества, одежда, шанцевый инструмент и пр. В условиях войны в городе возникли авиационная, автомобильная и химическая промышленность, сыгравшие большую роль в защите государства.

Литература

1. *Воронкова С.В.* Строительство автомобильных заводов в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 147–169.
2. *Иванова Н.А.* Принудительные объединения в России в годы Первой мировой войны // Об особенностях империализма в России. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 234–249.

3. *Ипатьев В.* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг.: Коллегия народ. комиссар. финансов, 1920. 48 с. с илл.
4. История Организации Уполномоченного Главного Артиллерийского Управления по заготовке снарядов по французскому образцу Генерал-Майора С.Н. Ванкова 1915–1918 гг. М.: б/изд., 1918. 285 с. с илл.
5. *Лаверычев В.Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России. 1900–1917 гг. М.: МГУ, 1963. 423 с.
6. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. 4-е изд. М.: Политиздат, 1956. 728 с.
7. *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957. 391 с.
8. *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 3-е изд. М.: Изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1937. 718 с.
9. *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 655 с.
10. Список фабрик и заводов России. 1910 г. По официальным данным фабричного, податного и акцизного надзора. М.: СПб.: Варшава: Изд-во газеты «Вестник финансов», б/г. 1034 с.
11. Список фабрично-заводских предприятий Московского района, занятых исполнением работ на государственную оборону / Составлено по данным анкеты комитета к 1 июля 1915 г. М.: б/изд, 1915. [4], 119 с.
12. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Труды ЦСУ. Т. 7. Вып. I. М.: Изд-во ЦСУ, 1921. VI. 275 с.
13. *Тарновский К.Н.* Социально-экономическая история России: начало XX в. Советская историография середины 50–60-х годов / Ред. П.В. Волобуев. М.: Наука, 1990. 292 с.
14. *Урибес Э.* Коксобензолная промышленность России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1961. Т. 69. С. 46–72.
15. Фабрично-заводская промышленность города Москвы и Московской губернии. 1917–1927. М.: Московский статистический отдел, 1928. 231 с.
16. *Шигалин Г.И.* Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. 332 с.

References

1. *Voronkova S.V.* Stroitel'stvo avtomobil'ny'x zavodov v Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny' (1914–1917 gg.) // Istoricheskie zapiski. 1965. T. 75. S. 147–169.
2. *Ivanova N.A.* Prinuditel'ny'e ob'edineniya v Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny' // Ob osobennostyax imperializma v Rossii. М.: Изд-во АН СССР, 1963. S. 234–249.
3. *Ipat'ev V.* Rabota ximicheskoy promy'shlennosti na oboronu vo vremya vojny'. Pg.: Kollegiya narod. komissar. finansov, 1920. 48 s. s ill.
4. Istoriya Organizacii Upolnomochennogo Glavnogo Artillerijskogo Upravleniya po zagotovke snaryadov po francuzskomu obrazczu General-Majora S.N. Vankova 1915–1918 gg. М.: б/изд., 1918. 285 s. s ill.
5. *Lavery'chev V.Ya.* Monopolisticheskij kapital v tekstil'noj promy'shlennosti Rossii. 1900–1917 gg. М.: МГУ, 1963. 423 s.
6. *Lyashhenko P.I.* Istoriya narodnogo xozyajstva SSSR. Т. II. Kapitalizm. 4-е изд. М.: Politizdat, 1956. 728 s.

7. *Maevskij I.V.* *E'konomika russkoj promy'shlennosti v usloviyax Pervoj mirovoj vojny'*. M.: Gospolitizdat, 1957. 391 s.
8. *Manikovskij A.A.* *Boevoe snabzhenie russkoj armii v mirovuyu vojnu*. 3-e izd. M.: Izd-vo Narkomata oborony' Soyuza SSR, 1937. 718 s.
9. *Sidorov A.L.* *E'konomicheskoe polozhenie Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny'*. M.: Nauka, 1973. 655 s.
10. Spisok fabrik i zavodov Rossii. 1910 g. Po oficial'nym dannym fabrichnogo, podatnogo i akciznogo nadzora. M.: SPb.: Varshava: Izd-vo gazety «Vestnik finansov», b/g. 1034 s.
11. Spisok fabrično-zavodskix predpriyatij Moskovskogo rajona, zanyaty'x ispolneniem rabot na gosudarstvennuyu oboronu / Sostavleno po danny'm ankety' komiteta k 1 iyulya 1915 g. M.: b/izd, 1915. [4], 119 s.
12. Statisticheskij sbornik za 1913–1917 gg. Trudy' CSU. T. 7. Vy'p. I. M.: Izd-vo CSU, 1921. VI. 275 s.
13. *Tarnovskij K.N.* *Social'no-e'konomicheskaya istoriya Rossii: nachalo XX v. Sovetskaya istoriografiya serediny' 50–60-x godov / Red. P.V. Volobuev*. M.: Nauka, 1990. 292 s.
14. *Uribes E'*. *Koksobenzol'naya promy'shlennost' Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny' // Istoricheskie zapiski*. 1961. T. 69. S. 46–72.
15. *Fabrično-zavodskaya promy'shlennost' goroda Moskvy' i Moskovskoj gubernii. 1917–1927*. M.: Moskovskij statisticheskij otdel, 1928. 231 s.
16. *Shigalin G.I.* *Voennaya e'konomika v Pervuyu mirovuyu vojnu*. M.: Voenizdat, 1956. 332 s.

T.V. Ershova

Moscow's Defense Industry during the First World War

Creating of defense industry in Moscow during the First World War is considered in the article. Plants and factories for manufacture of shells and airplanes, chemical factories for manufacture of explosive substances were created in the city. Moscow made a notable contribution to the defense of Russia.

Keywords: industry; aviation; shells; explosive substances.

**Ю.Н. Пешкова,
А.А. Платонова**

«Журналы мод» в Стране Советов: 1920-е годы

В статье рассматриваются особенности функционирования «модных» журналов в эпоху НЭПа: классификация изданий, изменение социального адресата, отражение творческих поисков первых советских модельеров.

Ключевые слова: мода; эпоха НЭПа; модный журнал; Н.П. Ламанова; история костюма.

В России 20-е годы прошлого века стали эпохой смелых социальных и культурных экспериментов. Крушение монархического «старого мира» и радикальное переустройство всех сфер социума сопровождалось взрывом творческой энергии молодых художников-экспериментаторов и появлением в повседневной жизни формирующегося советского общества странных культурных гибридов из традиционной крестьянской, буржуазной и новой революционной культуры.

Исторически мода в странах Восточной Европы, в том числе России, была ориентирована на французские и английские образцы и служила одним из основных социальных маркеров, отличающим «господ», «хозяев» от «простолудинов» и «слуг».

К 1920-м годам «дамские» и «модные» издания выходили в России уже почти полтора столетия. Появлению первого модного журнала в России мы обязаны известному журналисту, писателю, книгоиздателю и общественному деятелю Н.И. Новикову. Журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» начал выходить в 1779 году и закрылся, просуществовав всего лишь год [8]. Периодика для дам получает широкое распространение в XIX веке. Во второй половине XIX века в издании отечественных «модных» и «неполитических» женских журналов наблюдается настоящий бум: «Ласточка», «Букет», «Новый русский базар», «Модный свет», «Моды и новости» и др. «Лишенные политических или научно-популярных статей,

они ориентировались на легкое чтение, помещая любовно-сентиментальные рассказы и повести, описания модных туалетов, выкройки, хозяйственные советы» [6: с. 75]. Дамские литературно-общественные журналы, являясь универсальными журналами для досуга, были более популярны, чем специализированные «модные» журналы [10].

Из изданий этого профиля, выходявших до революции, уцелели и продолжили свою работу в годы НЭПа «Журнал для хозяек» (основан в 1912 г.) и «Журнал для женщин» (1914 г.). В первой половине 1920-х годов они имели значительное число подписчиц в столицах и провинции. Средний ежемесячный тираж каждого издания составлял 25 тысяч экземпляров.

Социальный адресат «Журнала для хозяек» образца 1912–1918 годов — интеллигенция. Типичная читательница рассматриваемого типа изданий — замужняя дама из среднего класса, получившая некоторое образование, не занятая физическим трудом, державшая кухарку — то есть представительница той части общества, которая в обиходе начала XX века и называлась *интеллигенцией*¹. В круг читателей «Журнала для хозяек» входили жены служащих частных или государственных учреждений, офицерши, а также супруги представителей среднего капитала и женщины-предприниматели. Все эти группы сохраняли резкую дистанцию от массы населения, которая идентифицировалась как «народ». В очерке, опубликованном «Журналом для хозяек» в 1918 году, автор, рассчитывая на сочувствие аудитории, сетует: ««Они» [народ] ненавидят нас бешено, страстно... ненавидят за одну принадлежность к «высшим», к интеллигентам (курсив наш. — А.П., Ю.П.), освобожденным от грубого физического труда, ненавидят за наши чистые руки, за приличную одежду, за наше умственное превосходство» [5: с. 28].

В большевистской России «Журнал для хозяек» и «Журнал для женщин» оказались ориентированы на категорию «служащих». Типичная читательница «Журнала для хозяек» — горожанка, супруга сотрудника какого-нибудь треста, по роду своей профессиональной деятельности не занятого физическим трудом. Наравне с семейными женщинами в 1920-е годы эти журналы выписывают «холостые» девушки-клерки: секретарши, машинистки и др. В аудиторию «Журнала для хозяек» и «Журнала для женщин» входят также жены поднявшихся в годы НЭПа предпринимателей-нুবоришей. Эти категории читательниц, как правило, происходили из дореволюционной интеллигенции, бывших правящих классов, ностальгировали по дореволюционному миру и продолжали считать Париж и Лондон генераторами всего прекрасного и модного.

«Журнал для хозяек» и «Журнал для женщин» содержали разделы о моде, женском здоровье, рукоделии, воспитании детей, кулинарии, домоводстве, новости социального характера, литературные разделы. «Отдел мод, шитья

¹ Многие современные этические коннотации этого понятия сформировались уже в советский период. А накануне революции понятие «интеллигент» в сознании народа сливалось с уже отживающими «барин» и «барыня», становясь их эквивалентом.

и рукоделий», занимавший около трети выпуска, обязательно включал иллюстрации с модными рисунками, перепечатанными из западных изданий, и обзор модных тенденций в Европе.

В первой половине 1920-х годов, вместе с оживлением модной индустрии, владельцами «Журнала для хозяек» и «Журнала для женщин», а также другими редакциями предпринимались попытки издания специализированных «модных» журналов: «Вестник моды», «Последние моды журнала для женщин», «Новости моды» и др. В объявлении 1926 года, рекламирующем «Новости моды», читаем: «...лучшее и самое дешевое русское издание в этой области. В нем помещаются самые многообразные многокрасочные рисунки как простых, так и нарядных туалетов — дамских и детских, из самых последних парижских и других иностранных журналов. Он является необходимым изданием для каждой женщины, занимающейся шитьем, не имеющей возможности дорого платить за заграничные журналы».

Рассмотренные издания были наследниками дореволюционных дамских журналов, продолжавшими, как и в XIX веке, просто копировать западные модные практики.

Иное отношение к модному костюму в 1920-е годы представляли издательские проекты советской художественной богемы.

В 1923 году тиражом две тысячи экземпляров вышел первый и единственный выпуск журнала «нового художественного костюма и искусства на материалах» — «Ателье». Издание являлось детищем художественного «Ателье мод» Московского объединения предприятий швейной промышленности. Оно было призвано отражать работу своих учредителей в области «исканий форм нового женского костюма», а также «охватывать вопросы художественной жизни новой России и заграницы», новости искусства и театра [1: с. 3, оборот обложки]. Обложку журнала в модернистском стиле оформила А. Экстер, известная художница и дизайнер театральных костюмов. Главной целью творчества художников костюма провозглашалась работа над созданием одежды, обладающей высокими художественными достоинствами, декларировалась установка на сочетание существующего направления в европейской моде с национальными особенностями русского искусства [11: с. 30]. Представленные в номере модели театральной и экспериментальной одежды могут служить образцами авангарда начала 1920-х годов.

«Ателье» было адресовано театральной и художественной элите. Свое согласие на сотрудничество в журнале высказали известнейшие художники того времени: И. Грабарь, В. Мухина, К. Петров-Водкин, К. Сомов, А. Бенуа и др. Среди литераторов, собиравшихся публиковаться в журнале, такие имена, как А. Ахматова, Е. Замятин, Ф. Сологуб.

По финансовым причинам второй номер «Ателье» так никогда и не увидел свет. Несмотря на недолгое существование, журнал оставил свой след в истории отечественного искусства.

В 1928–1929 годы в Ленинграде выходил журнал «Искусство одеваться», изначально — в качестве Приложения к изданию «Красная панорама». Так же как и «Ателье», журнал «Искусство одеваться» представлял элитарные издания об искусстве. Журнал печатался на листах большого формата, отличной бумаге, с цветной полиграфией. В работе над этим изданием принимала участие плеяда талантливых советских художников и дизайнеров одежды: В. Ходасевич, Н. Ламанова, Е. Якунина, Н. Оршанская, и др.

«Основная задача “Искусства одеваться” — читаем в программе журнала — заключается в отыскании такой формы костюма как рабочего, так и выходного (праздничного), который вполне соответствовал бы как наличию имеющихся у нас материалов, так и тем средствам, которыми могут располагать трудящиеся при покупке себе платья» [7: оборот обложки]. В журнале помещались иллюстрации из европейских модных журналов, новаторские работы советских модельеров, статьи по истории костюма, образцы белья, выкройки сезонного платья с объяснениями по пошиву и указанием материала.

В каждом номере журнала «Искусство одеваться» были представлены разработки советских художников-модельеров, стремившихся сочетать модернизм с элементами народного стиля, например, использовать в современной массовой одежде темы самоедских и бурятских национальных костюмов, орнаменты крестьян Курской и Рязанской губерний, русского платка и др. Вообще смелое соединение авангарда с народными, прежде всего русскими мотивами, в 1920-е годы казалось советским модельерам магистральной дорогой развития отечественной легкой промышленности [3: с. 33]. Даже обложки первых номеров «Искусства одеваться» являлись своего рода манифестами указанного подхода к актуальному костюму.

Авторы «Искусства одеваться» стремились приобщить к опытам советских дизайнеров гегемона революции — пролетариат. Первый номер журнала открывала статья А.В. Луначарского «Своевременно ли подумать рабочему об искусстве одеваться?», в которой он размышлял о позитивной роли красивой одежды в жизни рабочего класса. В том же выпуске были помещены ответы рядовых советских рабочих и работниц на вопрос, озаглавивший статью Луначарского. Так, некая Акимова, работница ситценабивной фабрики из Москвы, говорила: «Сейчас, когда наша жизнь начинает входить в норму, пора отрешиться от рваной юбки. Но этот переход опасен тем, что его могут захватить гнилые моды Запада, и задача работницы — создать свой новый костюм, который был бы красив, изящен и прост в том смысле, что в нем не будет ничего кричащего и порнографического» [7: с. 6]. Это высказывание, по сути, отражало позицию редакции журнала, «стремившегося примерить моду, социализм, прикладные искусства и отечественную индустрию» [2: с. 48].

Журнал «Искусство одеваться» не мог стать массовым изданием, был слишком дорогим и эстетским. Этот журнал создавался художниками для художников, здесь творцы новой революционной моды размышляли над тем, как и что доносить до народа.

В 1926 году появляется постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок», в котором говорится о «необходимости борьбы с влиянием частных изданий». К последним непосредственно относились «Журнал для женщин» и «Журнал для хозяек», после чего оба были закрыты [10].

Аудиторию ликвидированных журналов, расширенную за счет привлечения массового читателя из пролетариата, должен был собрать государственный «Женский журнал». Первый номер вышел в 1926 году. В программе журнала сообщалось: «Наша ближайшая цель — сгруппировать вокруг журнала как одиноких “холостых” женщин самостоятельного труда, так и семейных — жен, матерей и домашних хозяек — под лозунгом лучшего устройства женской жизни, выработки лучших, наиболее совершенных форм женского быта» [4: с. 1].

Содержание «Женского журнала» напоминало прежние дамские издания: большой раздел художественной литературы, кулинария, раздел о моде и рукоделии, статьи о здоровье и воспитании детей, отдел переписки с читательницами и др. Естественно, в новом государственном издании по сравнению с прежними дамскими журналами значительно вырос объем общественно-политической информации.

В первом же номере «Женского журнала» безжалостно высмеивались гротесковые проявления женской моды на Западе: очень короткие юбки (до колен), вычерненные фасоны и прически. Иностранная мода критиковалась прежде всего как источник обогащения воротил европейской и американской индустрии. Делался вывод: «Обо всех уклонах моды Запада не расскажешь, сколько бы ни говорить. Изобретательность продукции бесконечна, лишь бы была покупная способность у любящих перемену, извращенных женщин буржуазного Запада» [4: с. 15]. В этом же номере помещалась программная статья самого яркого модельера-новатора 1920-х годов, создательницы «советской моды» Надежды Ламановой. «В противоположность западноевропейской моде... — писала Ламанова, — мы должны положить в основу нашего костюма соображения общественной гигиены применительно к трудовой жизни». Читательницам «Женского журнала» предлагались новаторские модели Ламановой, сочетающие кустарные домотканые материалы и «современное чувство формы»: платье из холщовых полотенец для дачи и курорта, кафтан из суровой редины в качестве выходного платья, вечерний наряд из суровых вологодских кружев и др. [4: с. 16–17].

Однако в позднейших номерах журнала предлагаемые изданием модели одежды дрейфуют в сторону все большего консерватизма, экспериментальный новаторский запал почти совсем иссекает. В целом раздел моды становится короче и периферийнее, практически уходят обзоры модных тенденций, остаются рисунки моделей женской и детской одежды сезона и вложенные выкройки в качестве бесплатного Приложения для подписчиков.

Костюм всегда был важнейшим социальным маркером и многоуровневым текстом. Мода, являясь одним из самых мощных регуляторов и саморегуляторов человеческого поведения, неизбежно несет набор ценностей, в том числе таких,

которые могут вступать в конфликт с формируемой в данном обществе системой морально-этических норм. Именно такая ситуация складывалась в СССР в 1920-е годы. Естественно, она должна была отразиться на функционировании изданий о моде. Журналы с разделами о модной одежде за первые десятилетия советской власти пережили ряд метаморфоз.

Можно отметить демократизацию социального адресата подобной периодики: к концу 1920-х годов журналы с разделами о модном платье выписывает не только интеллигенция, как в начале века, но и женщины из рабочей среды.

Очевидно разделение рассматриваемых изданий на массовые журналы для женской аудитории и издания элитарного типа, адресованные профессиональной художественной и театральной общественности. В последних не только демонстрируются образцы модной европейской одежды, но и поднимаются вопросы создания социалистической моды.

Стоит отметить, что именно в 1920-е годы впервые появилась целая плеяда женщин-конструкторов и художников нового советского костюма. Надежда Ламанова, Варвара Степанова, Любовь Попова, Александра Экстер, Елизавета Якунина, Наталья Оршанская и др. своими новаторскими идеями и образами внесли неоценимый вклад в развитие модного костюма в СССР. «Они поднялись на принципиально новую ступень профессионального и творческого роста. Это уже не просто портнихи, а истинные художники, создатели театрального, бытового и производственного костюма» [9: с. 141].

С 1926 года, когда все средства информации сосредоточились в руках государства, власть при помощи обновленного дамского журнала начинает бороться с традиционным влиянием западной моды, предпринимаются попытки переориентировать обывателя на «идеологически верные» модели одежды, созданные отечественными модельерами.

Литература

1. Ателье. 1923. № 1.
2. *Барлетт Дж.* Fashion Fast: призрак, бродящий по Восточной Европе. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 360 с.
3. Великие кутюрье и дизайнеры XIX–XX веков: учеб. пособие: в 2 ч. / Автор-сост. С.Н. Веклич. Ч. I. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на-Амуре гос. пед. ун-та., 2001. 72 с.
4. Женский журнал. 1926. № 1.
5. Журнал для хозяек. 1918. № 1.
6. *Ивин А.А.* История российской журналистики второй трети XIX века. Иваново, 2008. 174 с.
7. Искусство одеваться. 1928. № 1.
8. *Козлова М.М.* История отечественных средств массовой информации. Ульяновск: УлГТУ, 2000. 104 с.
9. *Романовская М.Б.* История костюма и гендерные сюжеты моды. СПб.: Алетейя, 2010. 442 с.

10. *Смеюха В.В.* Советский журнал для домохозяек // RELGA — научно-культурологический журнал. № 6 [108]. 02.05.2005. URL: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=479&level1=main&level2=articles>
11. *Стриженова Т.* Из истории советского костюма. М.: Советский художник, 1972. 112 с.

References

1. Atel'e. 1923. № 1.
2. *Barlett Dzh.* Fashion Fast: prizrak, brodyashhij po Vostochnoj Evrope. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 360 s.
3. Velikie kutyur'e i dizajner'y XIX–XX vekov: ucheb. posobie: v 2 ch. / Avtor-sost. S.N. Veklich. Ch. I. Komsomol'sk-na-Amure: Izd-vo Komsomol'skogo-na-Amure gos. ped. un-ta., 2001. 72 s.
4. Zhenskij zhurnal. 1926. № 1.
5. Zhurnal dlya xozyaek. 1918. №1
6. *Ivin A.A.* Istoriya rossijskoj zhurnalistiki vtoroj treti XIX veka. Ivanovo, 2008. 174 s.
7. Iskusstvo odevat'sya. 1928. №1.
8. *Kozlova M.M.* Istoriya otechestvenny'x sredstv massovoj informacii. Ul'yanskovsk: UIGTU, 2000. 104 s.
9. *Romanovskaya M.B.* Istoriya kostyuma i genderny'e syuzhety' mody'. SPb.: Aletejya, 2010. 442 s.
10. *Smeyuxa V.V.* Sovetskij zhurnal dlya domoxozyaek // RELGA — nauchno-kulturologicheskij zhurnal. № 6 [108]. 02.05.2005. URL: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=479&level1=main&level2=articles>
11. *Strizhenova T.* Iz istorii sovetskogo kostyuma. M.: Sovetskij xudozhnik, 1972. 112 s.

*Y.N. Peshkova,
A.A. Platonova*

Fashion Magazines in the Land of the Soviets: 1920s

This article considers the peculiarities of functioning of fashionable magazines in the period of New Economical Policy: issue classification, change of social recipient and the reflexion of creative searches of first Soviet fashion designers.

Keywords: fashion; period of New Economical Policy; fashionable magazine; N.P. Lamanova; history of costume.

С.А. Пискунов

Реализация политики аграрного переселения на Дальнем Востоке СССР в 1960-е – середине 1980-х годов

Статья посвящена исследованию аграрного переселения на Дальнем Востоке в 1960-е – середине 1980-х годов. На основе широкого круга архивных материалов проанализированы миграционные объемы в области-реципиенты, выявлены их источники, определена доля закрепления новоселов в первые два года после приезда.

Ключевые слова: миграция; новоселы; политика; регионы-реципиенты.

Заселение и освоение Дальнего Востока традиционно осуществлялось при активном участии государства. Своеобразие и специфика решения проблемы трудовых ресурсов в аграрном секторе региона обуславливались преимущественно демографическими, социально-экономическими и геополитическими обстоятельствами. Так, переселенческая политика 1960–1980-х годов проводилась в условиях масштабной урбанизации и уменьшении естественного прироста населения так называемых областей-доноров (главным образом населенных белорусами, русскими и украинцами), что в свою очередь сказывалось на объеме миграционных потоков, профессиональном составе их участников и иных аспектах. При этом с повестки дня не снималась задача продуктового обеспечения населения региона.

Проблема создания продовольственной базы, способной обеспечить экономику региона сырьем, а население провиантом, была актуальна и для 60–80-х годов XX века. Так, председатель Совета Министров РСФСР Д.С. Полянский на январском (1961 г.) пленуме ЦК КПСС, подвергая критике руководителей дальневосточных краев и областей за снижение сбора риса и сои, отмечал, что «сельское хозяйство Дальнего Востока не обеспечивает потребности своего населения в продуктах земледелия и животноводства. Многие продукты — мясо, молоко, картофель и овощи — приходится завозить на Дальний Восток из Сибири, Урала и даже Центра. Причем завоз не сокращается, а из года в год увеличивается» (Государственный архив Амурской области (ГААО. Ф. П-63: Амурский областной комитет ВЛКСМ. Оп. 2. Д. 415. Л. 4.)).

Совместным постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР № 368 от 8 июля 1967 года была поставлена, наряду с прочими, задача «увеличения производства сои, риса, овощей, картофеля, роста поголовья скота и повышения его

продуктивности, с таким расчетом, чтобы потребности этих районов (дальневосточного экономического региона, включая Якутскую АССР, и Читинской области. — *Примеч. С.П.*) в молоке, картофеле, овощах, яйцах и в значительной степени в мясе удовлетворялись за счет собственного производства». Техническое переоснащение аграрного сектора не было способно в кратчайшие сроки решить продовольственную проблему. Выход виделся в сочетании механизации с увеличением тружеников села, одной из форм которого являлось централизованное перемещение семей в сельскую местность за счет жителей некоторых союзных республик, центральных областей России и городской местности дальневосточного края. Так, согласно упоминавшемуся постановлению, за 1968–1970 годы в Амурскую область, Приморский и Хабаровский края предусматривалось переселить из УССР, БССР и областей РСФСР 17 800 семей (что при среднем составе семьи 3,8–3,9 в сумме давало 67,6 тыс. – 69, 4 тыс. человек) (ГАРФ. Ф. Р-5446: Совет Министров СССР. Оп. 106 сч. Д. 1514. Л. 296. 359).

Очередным совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, датированным 25 мая 1972 года, предполагалось, как и прежде, пополнение хозяйств за счет централизованного привлечения семей в хозяйства регионов из административно-территориальных единиц РСФСР и союзных республик. За 1971–1975 годы планировалось привлечь 30 250 семей, из них: в Амурскую область — 14 200, Приморский край — 11 000, Хабаровский край — 4700 и сравнительно небольшое число — 350 — на Камчатку (ГАРФ. Ф. Р-5446: Совет Министров СССР. Оп. 1. Д. 859. Л. 111). Государственная политика, направленная на заселение многоземельных краев и областей Дальнего Востока, была продолжена позднее.

Тем самым в 60-е – середине 80-х годов XX века подавляющая масса семей направлялась в Амурскую область, Приморский и Хабаровский края, географические условия которых, особенно в южных районах, были наиболее пригодны для растениеводства и животноводства. Фактически прекратилось плановое переселение в Камчатскую и Сахалинскую области, поскольку в указанных областях первостепенное значение придавалось обеспечению кадрами предприятий по добыче и переработке рыбы, а не аграрного сектора.

Указанные в совместных постановлениях партии и союзного правительства объемы миграционных потоков предполагалось пополнить извне за счет жителей союзных республик и так называемых «трудоизбыточных» областей РСФСР.

Всего за 1960–1986 годы в Амурскую область было направлено 185 492 человека. Наиболее весомый вклад в обеспечение планов переселения внесли Украина (28,46 %), Белоруссия (14,66 %), Воронежская (12,14 %), Брянская (7,36 %), Тамбовская (6,44 %), Курская (5,04 %) области, на долю которых пришлось почти 3/4 переселенцев. В Приморский край регионы-доноры в общей сложности отправили 162 127 человек, при этом существенная роль принадлежала Украинской ССР (44,00 %) и Краснодарскому краю (25,03 %), в сумме составившим почти 70 %. Далее с весьма большим отрывом следовали Ярославская область (5,60 %)

и Кабардино-Балкарская АССР (3,75%). В Хабаровский край за 1960–1986 годы было направлено 70 595 человек. По этому показателю край уступал Амурской области в 2,6 раза, что, очевидно, обуславливалось его промышленной специализацией. Наибольший вклад в формирование переселенческих потоков принадлежал Украинской ССР (23,36 %), Горьковской (25,50 %), Белгородской (12,77 %), Ивановской (7,40%) областям, в совокупности составлявшим чуть более 69 %. (ГАРФ. Ф. А-518: Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР. Оп. 1. Д. 163. Л. 132, 138, 140; Д. 195. Л. 111, 116, 120; Д. 216. Л. 113, 120, 123; Д. 239. Л. 112, 117, 119; Д. 266. Л. 101, 106, 108; Д. 290. Л. 85, 90, 92; Д. 308. Л. 130–131, 138, 140; Ф. 10005: Государственный комитет РСФСР по труду. Оп. 1. Д. 22. Л. 5–6, 15, 18; Д. 72. Л. 47–48, 55, 57; Д. 118. Л. 18–19, 26, 29; Д. 166. Л. 13–14, 20–21; Д. 218. Л. 157–158, 164–165; Д. 270. Л. 151–152, 158, 160; Д. 325. Л. 155–156, 162–164; Д. 393. Л. 149–150, 156, 158; Д. 454. Л. 144–145, 152–154; Д. 522. Л. 149–150, 157–159; Д. 581. Л. 111–112, 120–122; Д. 650. Л. 116–117, 125–127; Д. 719. Л. 99, 103–104; Д. 794. Л. 102, 106–107; Д. 908. Л. 132, 137, 139; Д. 984. Л. 138, 143, 145; Д. 1050. Л. 130, 135, 137; Д. 1120. Л. 121, 126, 128; Д. 1183. Л. 119, 124, 126; Д. 1247. Л. 110, 115–118).

Своеобразие послевоенной переселенческой политики заключалось в том, что наряду с межобластным и межреспубликанским перераспределением граждан страны стало активно использоваться так называемое «внутриобластное», роль которого со временем изменялась. Данная форма решения кадровой проблемы на селе была известна еще в довоенный период, но широкие масштабы приобрела в связи с началом массового освоения целины и залежей во времена Н.С.Хрущева.

Так, в 1960–1969 годах в Амурской области доля привлеченных по внутриобластному переселению составляла 16,21 % от общего числа, в 1970–1979 годах — 10,95 %, а за 7 лет 1980–1987 годов — 18,98 %. Решение проблемы кадрового дефицита в хозяйствах Приморья во многом обеспечивалось за счет межобластного и межреспубликанского переселений. Доля привлеченных в село в пределах края составляла в 1960–1969 годах 31,19 %, в 1970–1979 годах — 13,17 %, в 1980–1987 годах — 16,24 %. В Хабаровском крае, в сравнении с Амурской областью и Приморским краем, доля внутриобластного переселения была выше: так, в 1960–1969 годах этот показатель составил 40,28 %, в 1970–1979 годах — 26,90 %, в 1980–1987 годах — 28,31 % (ГАРФ. Ф. А-518: Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР. Оп. 1. Д. 163. Л. 132, 138, 140; Д. 195. Л. 111, 116, 120; Д. 216. Л. 113, 120, 123; Д. 239. Л. 112, 117, 119; Д. 266. Л. 101, 106, 108; Д. 290. Л. 85, 90, 92; Д. 308. Л. 130–131, 138, 140; Ф. 10005: Государственный комитет РСФСР по труду. Оп. 1. Д. 22. Л. 5–6, 15, 18; Д. 72. Л. 47–48, 55, 57; Д. 118. Л. 18–19, 26, 29; Д. 166. Л. 13–14, 20–21; Д. 218. Л. 157–158, 164–165; Д. 270. Л. 151–152, 158, 160; Д. 325. Л. 155–156, 162–164; Д. 393. Л. 149–150, 156, 158; Д. 454. Л. 144–145, 152–154; Д. 522.

Л. 149–150, 157–159; Д. 581. Л. 111–112, 120–122; Д. 650. Л. 116–117, 125–127; Д. 719. Л. 99, 103–104; Д. 794. Л. 102, 106–107; Д. 908. Л. 132, 137, 139; Д. 984. Л. 138, 143, 145; Д. 1050. Л. 130, 135, 137; Д. 1120. Л. 121, 126, 128; Д. 1183. Л. 119, 124, 126; Д. 1247. Л. 110, 115–118; Д. 1310. Л. 91).

Анализ данных показывает, что самое низкое значение внутриобластного переселения по всем трем административно-территориальным единицам пришлось на 70-е годы XX века, что предположительно обусловлено принятием совместного постановления от 8 июля 1967 года и 25 мая 1972 года.

Специфика внутриобластного переселения в условиях Дальнего Востока заключалась в том, что поток мигрантов, направляемый в аграрный сектор, включал в себя не только постоянных жителей городской местности и районных центров области или краев, а, в немалой степени, самостоятельно прибывших из-за пределов региона. Так, в журнале регистраций в 1976 году зафиксировано прибытие в Амурскую область 275 глав семей, из них из поселков и городов области — 139 (50,55 %), демобилизованных — 5 (1,82 %), из союзных республик (преимущественно, Украины и Казахстана) — 66 (24,00 %) и административно-территориальных единиц РСФСР — 65 (23,63%) (ГААО. Ф. 22: Амурский областной центр по трудоустройству и профориентации. Оп. 2. Д. 207; Д. 208; Д. 209).

Еще одна особенность заключалась в том, что некоторые из трудоустроенных в колхозах или совхозах приобретали статус «переселенец» спустя некоторое время с момента переезда. Все это указывало на острый недостаток рабочих рук в аграрном секторе и стремление государства закрепить имевшиеся трудовые ресурсы в деревне. В то же время, несмотря на принимаемые меры, проблема выбытия новоселов являлась по-прежнему актуальной, поскольку эффективность проводимых мероприятий определялась количеством семей, ставших постоянными жителями регионов-реципиентов. В этом смысле важной стороной является определение доли выбытия новоселов.

В архивных источниках, характеризующих государственную политику переселения в 1960-х – середине 1980-х годов, содержатся данные о числе выбывших только за год-два после их приезда в хозяйства. С 1982 года в документах указывалось лишь число покинувших сельскую местность в год переезда.

Так, за 1960–1969 годы в Амурскую область прибыло 18 883 семьи¹, в год переселения выбыло 12,33 %, в течение второго года — 21,95 %; за 1970–1979 годы показатель по области несколько изменился и составил соответственно 9,01 % и 18,34 %; за 1980–1982 годы — 10,56 % и 22,90 %. В первый год из приехавших в период 1983–1990 годов покинули область 9,56 % мигрантов. Хозяйства Приморья приняли за 1960–1969 годы 16 450 семей, из них в первый год выехало 12 %, во второй — 24,04 %; в 1970–1979 годы — 8,38 % и 16,66 % соответственно; за 1980–1982 годы — 8,07 % и 26,52 %, в первый год в 1983–1990 годы выбыло 9,26 %. Самая низкая

¹ Здесь и далее — включая одиночек.

текучесть трудовых ресурсов, привлеченных в аграрный сектор в централизованном порядке, зафиксирована, согласно источникам, в Хабаровском крае. Так, за период 1960–1969 годов было переселено 8979 семей: в первый год выехали 796 (8,87 %), во второй — 1436 (15,99 %); доля выбытия в 1970–1979 годах составила соответственно 6,59 % и 13,16 %; в 1980–1982 годах — 7,77 % и 14,92 %; в течение первого календарного года с момента вселения выезжало в среднем 8,46 % (ГАРФ. Ф. А-518: Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР. Оп. 1. Д. 163. Л. 153, 159, 162; Д. 195. Л. 131, 138, 142, 145, 148, 150; Д. 216. Л. 134, 137, 139–140, 143, 145; Д. 239. Л. 129, 132, 134, 136, 139, 141; Д. 266. Л. 118, 121–123, 126–127; Д. 290. Л. 102, 104, 106–107, 109–110; Д. 308. Л. 152, 155–156, 158, 160, 162; Ф. 10005: Государственный комитет РСФСР по труду. Оп. 1. Д. 22. Л. 32, 35, 37–38, 41–42; Д. 72. Л. 1, 4, 6–7, 10, 12; Д. 118. Л. 44, 48–49, 51, 55, 57; Д. 166. Л. 34, 37, 39, 40, 43–44; Д. 218. Л. 179, 182–183, 192, 196–197; Д. 270. Л. 174, 178–179, 188, 191–192; Д. 325. Л. 180, 183–184, 190, 194–195; Д. 393. Л. 171, 174–175, 183, 186–187; Д. 454. Л. 168, 171–172, 181, 184–185; Д. 522. Л. 173, 177, 179, 188, 191–192; Д. 581. Л. 136, 141–142, 152, 156–157; Д. 650. Л. 143, 148, 150–153; Д. 719. Л. 118, 125–127; Д. 794. Л. 120, 129–131; Д. 908. Л. 144–145, 154–156; Д. 984. Л. 160–164; Д. 1050. Л. 155–158; Д. 1120. Л. 142–143; Д. 1183. Л. 134–135; Д. 1247. Л. 127; Д. 1310. Л. 100–101; Д. 1363. Л. 119; Д. 1425. Л. 10; Д. 1472. Л. 4). Нет сомнения в том, что итоговый показатель «приживаемости» семей со временем снижался.

Таким образом, государственная политика сельскохозяйственного переселения 60–80-х годов XX века представляет собой своеобразный этап в истории централизованного заселения Дальнего Востока. Своеобразие это обуславливалось во многом социально-политическим и экономическим развитием страны. По-прежнему неизменным оставался вектор миграционных потоков — в пользу слабо заселенных регионов. В то же время изменилась в связи с быстрыми темпами урбанизации регионов, традиционно являвшихся «поставщиками» людских ресурсов, социальная природа новоселов — стали активно привлекаться представители несельскохозяйственных профессий.

Отметим, что между переписями 1959 и 1989 годов абсолютные показатели численности сельского населения ряда областей миграционного притяжения не только не снизились, как в целом по РСФСР, но и возросли: в Приморском крае — с 452 тыс. до 509 тыс., в Хабаровском крае — с 294 тыс. до 394 тыс., в Амурской области — с 289 тыс. до 342 тыс. человек, тогда как в целом по РСФСР уменьшились — с 55 474 тыс. в 1959 году до 38 967 тыс. в 1989 году [1: с. 34–37; 2: с. 19–21]. Указанная тенденция для Дальневосточного региона была обусловлена, наряду с прочими, централизованным переселением.

Литература

1. Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. М.: Госстатиздат, 1960. 599 с.
2. Народное хозяйство РСФСР в 1988 году. М.: Финансы и статистика, 1989. 688 с.

References

1. Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1959 godu. M.: Gosstatizdat, 1960. 599 s.
2. Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1988 godu. M.: Finansy' i statistika, 1989. 688 s.

S.A. Piskunov

**The Realization of the Politics of the Agricultural Resettlement
on the Far East of the USSR in the 1960s to mid-1980s**

The article is devoted to the investigation of the agricultural resettlement in the Far East in the 1960s - mid-1980s. The migration volumes in the recipient regions are analyzed on the basis of a wide range of archival materials, their sources are identified, and the share of consolidation of the newcomers in the first two years after arrival is defined.

Keywords: migration; newcomers; policy; recipient regions.

**В.В. Рябов,
Г.Е. Козловская,
Ю.Н. Гусева**

Землячество как форма региональной идентификации и его влияние на развитие региона (на примере самарского землячества в Москве)¹

В статье исследуется феномен локально-территориальной идентификации, присущий российской системе ценностных ориентаций. Региональная идентичность, ее связь с комплексом политических, экономических, культурно-исторических вопросов представлена на примере Самарского землячества в Москве.

Ключевые слова: региональная идентификация; Самара; Землячество; пространственные социальные связи.

Землячество как социальное явление — одна из наименее разработанных научных тем. Этому есть логичное объяснение, которое гласит, что, на первый взгляд, земляческие объединения в историческом прошлом не играли ведущей роли в общественных процессах. Еще одним аргументом против изучения этой проблематики может быть общий вектор глобализации человеческого мышления, изменение мироощущения людей, которое становится все более космополитичным.

Наблюдая современные тенденции развития российского общества, приходится признать, что оба тезиса могут быть оспорены. Исходя из представления о землячестве как общественной организации, для членов которой важна региональная самоидентификация, можно и нужно ставить и решать следующие научные проблемы.

Земляческие связи, будучи изначально неформальными, являются разновидностью пространственных социальных связей. Последние сегодня предметно изучают социологи, политологи и историки для понимания сути, специфики общественных явлений, в широком смысле — для осознания перспектив и потенциала деятельности некоммерческих общественных организаций в российском

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг.», проект №13-11-63002 а(р).

обществе. Эта тема может быть одним из элементов более широкой проблемы — проблемы становления гражданского общества в России.

Важность земляческой тематики бесспорна при изучении вопроса о влиянии элит на развитие самарского (и любого другого) региона² в XX–XXI веках в экономическом, политическом, культурном плане.

С сугубо академической точки зрения эта тема помогает более конкретно проанализировать содержание такой категории, как «региональная идентичность»³: не только через призму описания ее конкретных проявлений, но и через попытку реконструкции механизмов ее существования (через восприятие земляками пространства, ностальгии и пр.).

Обилие исследований по вопросу об идентичности россиянина, об общероссийском и региональном ее срезе показывают, что он является одним из базовых, так как напрямую связан с государственной идеологией, политической практикой, общественными и индивидуальными воззрениями [4; 7; 9; 12]. Вполне объяснимо, что изучение локальной, региональной идентичности особенно актуально для Москвы и Московской области⁴.

Статья содержит размышления и заключения авторов о социальных функциях землячеств в советский и современный периоды, позволяет сделать вывод о влиянии деятельности куйбышевско-самарской элиты, представители которой оказались в Москве, на развитие региона в 1960–2000-е годы. Материалами для ее написания являются уже имеющиеся опубликованные исследования о деятельности самарцев, проживающих в Москве, а также глубинные интервью с 50 представителями Регионального общественного объединения (далее — РОО) «Самарское землячество» (2009–2013 гг.).

Проблема терминологии и неопределенности дефиниции «землячество» в отечественной науке и, как следствие, в правовом поле, реально существует [5: с. 67–72].

² Вполне разделяем точку зрения тех исследователей, которые рассматривают регион как социально-политическую целостность, систему, связанную с деятельностью и функционированием социальных групп во властных структурах. Эту социально-территориальную систему можно описывать как относительно стабильный по системообразующим признакам (этноконфессиональные, исторические) социум, систему взаимодействия между людьми, проживающими на одной территории и апеллирующими к относительно схожим традициям и опыту. По справедливому замечанию Н.А. Косолапова, региональные связи, по сути, саморегулируются и не нуждаются во внешнем стимулировании или ограничении, опираются на социокультурное регулирование [8: с. 29–30].

³ Наиболее важная функция идентичности — функция приобщения/разобщения индивидов, включения их в социальные группы, сообщества, чувство сопричастности с той или иной общностью в прошлом, настоящем и будущем. Региональная идентичность — одна из многочисленных идентификаций (этническая, культурная, профессиональная), совокупность которых образует целостность идентификации человека [7: с. 48].

⁴ По примерным подсчетам, 70 % жителей столицы — выходцы из разных регионов РФ. Поэтому вполне объяснимо, что только 17 % молодых москвичей назвали Москву своей Родиной (см.: Доклад «Самоидентификация студенческой молодежи» Института этнологии и антропологии РАН. Исследование выполнено в IV квартале 2013 г. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=281> (дата обращения: 9.07.2014)).

Полагаем, что под термином «землячество» следует понимать разновидность общественной организации, собрание представителей региона, живущих за его пределами, объединенное осознанием собственной региональной идентичности. Землячество подразумевает взаимодействие неформального или отчасти формализованного характера, социальную сеть взаимопомощи, действующую на протяжении длительного времени, «помогающую его участникам нарастить социальный и личный капитал» [14: с. 137]. При этом землячества выполняют задачи социальной адаптации, взаимопомощи, лоббирования интересов региона, оказывают содействие региону в решении проблем в различных областях деятельности.

Говоря о региональной идентификации, присущей членам землячества, отметим следующее. Де-факто мы имеем дело с локально-территориальной идентификацией, присущей российской системе ценностных ориентаций, сильно разнящейся, к примеру, с американской, где территория сама по себе не имеет решающего значения. В числе базовых ценностей, которые разделяют россияне, ученые нередко называют «почвенность» как социальную и культурную привязанность к месту происхождения, к региону проживания [7: с. 58]. «Чувство места» тесно связано с представлением о стабильности, на уровне личности является залогом спокойствия, неконфликтности.

На уровне повседневного поведения региональная идентичность проявляет себя как процесс решения важных проблем, в котором поступки и решения по поводу собственного самоопределения будут соотноситься с осознанием собственной территориальной принадлежности. Важно отметить, что исключительное влияние на этот вид идентификации человека имеют социальные обстоятельства, окружение. Понятие «региональная идентичность» включает в себя, кроме прочего, социально-групповую принадлежность: знание того, что «индивид принадлежит к некоторой социальной группе вместе с эмоциональным и ценностным персональным смыслом группового членства» [16: с. 46–47].

Во многом региональная идентичность имеет абстрактный, символический характер, она нередко выстраивается политическими элитами, но имеет под собой реальную (культурную, лингвоэтническую, историческую) подоплеку. Идентичность выражается через материальные и символические формы. Землячество действительно представляет собой одну из таких материально-символических форм.

В итоге под региональной идентичностью следует понимать осознание человеком принадлежности к сообществу определенного региона. Это осознание имеет для человека важное значение и связано с его социальным окружением, комплексом политических, экономических, культурно-исторических обстоятельств.

М.В. Назукина выделяет два уровня региональной идентичности: культурный (в нем объединены «те черты регионального сообщества, которые формируются в рамках взаимодействия внутри региона», включают в себя особые ментальные характеристики, культурно-историческое наследие, нарративы, мифологемы, ценности, символы) и стратегический — «сознательное

изобретение и использование региональной уникальности», продвижение позитивного имиджа как внутри региона, так и за его пределами [12: с. 58–59].

Говоря о культурном уровне идентификации московских самарцев, отметим наличие представлений о культурных героях — уроженцах Куйбышева-Самары, исторических личностях, связанных с регионом, признанных в стране и в мире. В роли таких героев выступают не только уроженцы региона, но и люди, не родившиеся в нем, но проведшие в нем часть жизни (к примеру, В.Н. Татищев, В.И. Чапаев, Я. Гашек и другие) [15: с. 15–23].

Важное значение для земляков имеет символическое единство вокруг природно-географического маркера: для многих опрошенных им является Волга. Особую гордость вызывают понятия «Куйбышев (Самара) — космическая столица», «запасная столица». Упоминались и другие объединяющие культурные образы: «перекресток», «вокзал» как место, куда приезжают и остаются люди из различных географических точек России, «ворота» из Европейской части России в «Азиатскую» Россию и Сибирь.

Переходя к анализу социальных функций, которые выполняли представители куйбышевской элиты, уехавшие в Москву в 1960–1980-е годы, отметим, что столичное самарское землячество уходит своими корнями в советскую эпоху. Однако тогда оно не имело четких организационных форм, было неформальным. Исследователи проблемы отмечают, что ассоциация по территориальному (региональному) признаку внутри политической элиты в центре была заметной в довоенный и послевоенный периоды [11: с. 28–29], и это полностью подтверждается авторскими материалами.

Наши данные показывают, что для области, для людей, для изменения облика города и области именно грамотные административно-хозяйственные решения, принимаемые представителями местной элиты, имевшей «выходы» в центр, имели далеко идущие позитивные последствия. Вот как об этом взаимодействии элит пишет В.И. Воротников⁵: «Задача директоров и парткомов предприятий, руководства области заключалась в том, чтобы обеспечить освоение и серийный выпуск продукции. Для этого требовалось реконструировать производство, на что получить необходимые финансовые и материальные ресурсы. За это и боролись. Ведь в стране действовала система централизованного планирования. Госплан выделял капиталовложения, лимиты, ресурсы. Надо было обосновать наши запросы, защитить право на определенные объемы вложений. Мы помогали в этом руководителям заводов. Ездили в Москву в Госплан, министерства, в ЦК КПСС. И не безуспешно.

⁵ В.И. Воротников — выдающийся советский и партийный деятель. В январе 1960 г. на пленуме Куйбышевского обкома КПСС В.И. Воротников избран на должность заведующего промышленно-транспортным отделом (позднее отделом оборонной промышленности) Куйбышевского обкома КПСС. В сентябре 1961 г. он стал секретарем Куйбышевского обкома КПСС по промышленности. В начале 1963 г. его избирают вторым секретарем Куйбышевского промышленного обкома КПСС. Вскоре Виталий Иванович становится депутатом Верховного Совета РСФСР 6-го созыва, а с 1970 г. — депутатом Верховного Совета СССР. В марте 1967 г. был избран председателем Куйбышевского облисполкома. (см: [1; 15: с. 66–67]).

Вообще Куйбышев и область — это один из крупнейших в стране центров промышленности, причем разноплановой. И раньше, думаю, и теперь не все руководители из Центра имели о нем правильное представление. И нашей задачей (обкома и облисполкома) было — для решения возникающих в области проблем «затащить» нужного руководителя к себе в Куйбышев, чтобы он наглядно увидел, что собой представляет город и его потенциал. Это удавалось. И когда он или они, побывают, посмотрят заводы, то с ними легче становится решать наши вопросы.

Вот тот же Горбачев, когда побывал у вас, в 1986 году, то уже в аэропорту, при встрече, мне говорит: «Ты знаешь, я не представлял себе, что это такой город, что там такая промышленность! На заводах техника высокого класса. И люди очень доброжелательные». Я ему ответил: «Тебе надо было давно там побывать». Так было и с другими, в наше время. Скажу, у нас сложились деловые, даже товарищеские отношения со многими министерствами, предприятиями которых находились в области. Это: П.В. Дементьев, В.В. Бахирев, В.С. Федоров, П.С. Непорожний, С.А. Афанасьев, А.М. Тарасов, В.Д. Шашин и другие. И мы в контакте с ними достигали цели — объективного подхода к нуждам предприятий» [1: с. 39–40].

Этот отрывок из воспоминаний В.И. Воротникова вполне подтверждает, что многие вопросы в советское время решались не только в формальном, но и в неформальном поле, мнение руководителей высшего звена во многом зависело от активности региональных управленцев, от лоббирования ими интересов своего региона. И с этой точки зрения нельзя недооценивать значимость усилий, которые прилагали представители политической элиты области для решения самого широкого спектра задач.

«Успехи СССР во многих областях науки и культуры во многом были связаны с существовавшей в стране кадровой политикой. Этот опыт можно расценивать как положительный, и, по моему убеждению, он заслуживает самого пристального изучения. Выросшие в недрах мощной промышленной Куйбышевской области, наши земляки — В.П. Орлов, С.А. Токарев и другие, состоялись как советские, партийные лидеры самого высокого, союзного, уровня» (из интервью В.В. Рябова).

В советское время земляки способствовали реализации проектов, значимых для области: оказывали конкретную организационную помощь, «продвигали» необходимые документы, участвовали в обсуждении важных планов развития области с учетом местных интересов, выходили на людей, принимающих решения, могли дать важную информацию, советы, необходимые при налаживании деловых контактов. Региональная элита помогала реализовывать стратегический социально-экономический, кадровый, интеллектуальный потенциал региона, способствовала превращению Куйбышева в мощный индустриальный узел.

Исследователи справедливо отмечают, что «Номенклатурно-кадровый застой (брежневского периода. — *Авт.*) имел, по крайней мере, одну положительную

сторону: повышение опыта руководящих работников» [6: с. 171]. Однако небесспорным является мнение о том, что «Введение хозяйственников в партийные структуры вело к снижению кадрового потенциала советских и ведомственных органов...» [6: с. 172]. (Сегодняшняя ставка на людей не «слова», а «дела» (так называемых губернаторов-хозяйственников) фактически является слабым сигналом в сторону возврата к этой тенденции, признание того факта, что менеджер-теоретик менее востребован обществом. Кроме того, весьма сходными следует признать и формы лоббирования интересов региона. Например, весьма перспективным с этой точки зрения является непосредственный контакт с высокопоставленным чиновником «на месте», в регионе).

Современная социальная деятельность землячества отчасти носит сходный характер. В настоящий момент РОО «Самарское землячество» в Москве представляет собой серьезное общественное объединение: в него входит 258 человек. В социальном плане основная часть членов организации — это руководители предприятий, компаний, учреждений, банков, а также работники сферы науки, образования, культуры и здравоохранения. В частности, в составе землячества шесть человек — Героев Советского Союза и России, пятеро космонавтов, два олимпийских чемпиона, восемь академиков, 63 доктора и кандидата наук. 15 % членов являются представителями различных ветвей власти, 23 % — бизнесмены, 38 % — деятели науки и искусства.

По возрастным характеристикам самарские земляки также соответствуют общей статистической тенденции: костяк составляют люди зрелого возраста (старше 50 лет), но в последнее время все активнее проявляет себя молодежное крыло [3].

Деятельность РОО «Самарское землячество» постперестроечный период до официальной регистрации в 2002 году вполне соотносится с общественными процессами того периода, когда землячества «создавались в основном как экс-элитная зона, предназначенная для адаптации бывших служащих к изменившимся в 1990-е годы условиям жизни, и на первом этапе их деятельность сводилась к выполнению одной функции — организации взаимопомощи (экономической и моральной). Говорить о помощи регионам в этот период не приходится» [5: с. 73].

2000-е годы, период стабилизации внутриполитической и экономической ситуации, поставил на повестку дня более серьезные вопросы. Имеющийся потенциал той части региональной культурной, политической элиты, которая оказалась за пределами Самарской области, был востребован в самых разных областях деятельности [3: с. 15]. Сейчас затруднительно квалифицировать организацию как «экс-элитную зону» (И.К. Жуков), так как большинство членов, как уже упоминалось ранее, нашедшие себя в современных реалиях и активно работающие представители советской и партийной элиты, представители бизнеса, деятели культуры и искусств.

Современные землячества — и самарское не является исключением — преследуют основные цели — поддержка связей с родным регионом; содействие в трудоустройстве и решении конкретных личных, социальных проблем земляков;

продвижение региона. Неслучайно, что большая часть проектов, реализуемых РОО «Самарское землячество», носит именно гуманитарный характер. Это выставки, публикации, культурные акции самого широкого спектра, проведение чествований ветеранов, праздников и пр. [15]. «Конечная цель подобного политического курса связана с изменением социальных представлений о регионе, развитием позитивного самоощущения и чувства гордости населения от проживания в рамках регионального пространства» [11: с. 68].

Авторы разделяют точку зрения И.К. Жукова, который отмечает: «...отличие (землячеств. — *Авт.*) от прочих лоббистских структур заключается в том, что землячества содействуют реализации интересов регионов, исходя не из желания извлечь личную выгоду, а из моральных побуждений, не провоцируют при этом конкуренцию и конфликты, что является, бесспорно, позитивной характеристикой» [5: с. 81].

Можно заключить, что современные функции землячества по сравнению с советским периодом не претерпели существенной трансформации: изменяются акценты — что-то становится более значимым, что-то — менее. Анализируя показатели промышленного развития Куйбышевской области в 1960–1980-е годы, можно заключить, что совокупность усилий элиты сыграла далеко не последнюю роль в становлении региона как мощного промышленного центра. В настоящее время одним из наиболее важных конечных результатов деятельности самарских землячков является формирование положительного имиджа региона и его жителей, повышение инвестиционной привлекательности региона в широком смысле слова.

Однако современные исследования и наши наблюдения свидетельствуют, что социальные ресурсы общественных организаций — землячеств, национальных и религиозных объединений — в настоящее время востребованы не в полной мере [13; 14: с. 137–157]. В этом смысле у землячеств существует большой простор для деятельности, а с учетом благоприятных внешних обстоятельств и интересов молодых землячков — хорошая историческая перспектива.

Землячество является своеобразной социальной сетью и общественной структурой на стыке гражданского общества и политической сферы. При благоприятных внешних обстоятельствах (лояльной позиции федерального центра и местных руководителей) землячество как организация и его члены, принадлежащие к политической, культурной элите, вполне способны ставить перед собой общественно значимые задачи и способствовать их решению. Исторический опыт свидетельствует, что это вполне реально.

Литература

1. Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Книга и бизнес, 2003. 640 с.
2. Головнева Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 81–88.
3. Деятельность региональных землячеств по вопросам взаимодействия с органами законодательной и исполнительной власти (на материалах РОО «Самарское

землячество»). Материалы к заседанию Московского совета региональных землячеств 21 апреля 2010 г. / Сост.: В.А. Курганов, Ю.Н. Гусева. Москва – Самара: Тип. «Книга», 2010. С. 24.

4. *Докучаев Д.С.* Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2011. 181 с.

5. *Жуков И.К.* Региональные землячества города Москвы: специфика деятельности, общественно-политические функции, перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 5. С. 67–83.

6. *Кабытов П.С., Мякотин А.А.* Партийно-административная элита Куйбышевской области в 1960–1991 гг. // Самарский земский сборник. 2013. № 1 (22). С. 164–176.

7. *Когатько Д.Г.* Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен: дис. ... канд. соц. наук. СПб, 2007. 131 с.

8. *Косолапов Н.А.* Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. Основные теории и методологии (на примере России). М.: Аспект-Пресс, 1994. 240 с.

9. *Куракова Т.В.* Общероссийская и региональная идентичность: теоретико-культурный анализ: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2003. 169 с.

10. *Лексин В.Н., Ситников А.И.* Экономико-правовое регулирование территориального развития // Региональные проблемы перехода к рынку. М., 1991.

11. *Мохов В.П.* Региональная политическая элита России (1945–1991). Пермь: Пермское книжное изд-во, 2003. 240 с.

12. *Назукина М.В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009. 200 с.

13. *Пахомов С.А.* Малые сообщества и власть в современной России: особенности взаимоотношений // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 1 (61–62). С. 102–112.

14. *Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н.* Сети взаимопомощи в региональном сообществе // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 137–157.

15. Самарцы в Москве: Страницы истории Самарского землячества / В.В. Рябов, П.С. Кабытов, Г.Е. Козловская и др. Самара: «Офорт», 2011. 245 с.

16. *Смирнова Н.А.* Региональная идентичность в условиях современного российского общества: дис. ... канд. соц. наук. Волгоград, 2004. 188 с.

References

1. *Vorotnikov V.I.* A by'lo e'to tak... Iz dnevnika chlena Politbyuro CK KPSS. М.: Kniga i biznes, 2003. 640 s.

2. *Golovneva E.V.* Regional'naya identichnost': teoreticheskie aspekty' izucheniya // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2013. № 2 (39). S. 81–88.

3. Deyatel'nost' regional'ny'x zemlyachestv po voprosam vzaimodejstviya s organami zakonodatel'noj i ispolnitel'noj vlasti (na materialax ROO «Samarskoe zemlyachestvo»). Materialy' k zasedaniyu Moskovskogo soveta regional'ny'x zemlyachestv 21 aprelya 2010 g. / Sost.: V.A. Kurganov, Yu.N. Guseva. Moskva – Samara: Tip. «Kniga», 2010. S. 24.

4. *Dokuchaev D.S.* Regional'naya identichnost' rossijskogo cheloveka v sovremenny'x usloviyax: social'no-filosofskij analiz: dis. ... kand. filoz. nauk. Ivanovo, 2011. 181 s.

5. Zhukov I.K. Regional'ny'e zemlyachestva goroda Moskvy': specifika deyatel'nosti, obshhestvenno-politicheskie funkicii, perspektivy' razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2013. № 5. S. 67–83.
6. Kaby'tov P.S., Myakotin A.A. Partijno-administrativnaya e'lita Kujby'shevskoj oblasti v 1960–1991 gg. // Samarskij zemskij sbornik. 2013. № 1 (22). S. 164–176.
7. Kogat'ko D.G. Rossijskaya identichnost' kak kul'turno-civilizacionny'j fenomen: dis. ... kand. soc. nauk. SPb, 2007. 131 s.
8. Kosolapov N.A. Politiko-psixologicheskij analiz social'no-territorial'ny'x sistem. Osnovny'e teorii i metodologii (na primere Rossii). M.: Aspekt-Press, 1994. 240 s.
9. Kurakova T.V. Obshherossijskaya i regional'naya identichnost': teoretiko-kul'turny'j analiz: dis. ... kand. filos. nauk. Krasnodar, 2003. 169 s.
10. Laksin V.N., Sitnikov A.I. E'konomiko-pravovoe regulirovanie territorial'nogo razvitiya // Regional'ny'e problemy' perexoda k ry'nku. M., 1991.
11. Moxov V.P. Regional'naya politicheskaya e'lita Rossii (1945–1991). Perm': Permskoe knizhnoe izd-vo, 2003. 240 s.
12. Nazukina M.V. Regional'naya identichnost' v sovremennoj Rossii: tipologicheskij analiz: dis. ... kand. polit. nauk. Perm', 2009. 200 s.
13. Paxomov S.A. Maly'e soobshhestva i vlast' v sovremennoj Rossii: osobennosti vzaimootnoshenij // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. 2011. T. XIII. Vy'p. 1 (61–62). S. 102–112.
14. Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M.N. Seti vzaimopomoshhi v regional'nom soobshhestve // Region: e'konomika i sociologiya. 2011. № 2. S. 137–157.
15. Samarczy' v Moskve: Straniczy' istorii Samarskogo zemlyachestva / V.V. Ryabov, P.S. Kaby'tov, G.E. Kozlovskaya i dr. Samara: «Ofort», 2011. 245 s.
16. Smirnova N.A. Regional'naya identichnost' v usloviyax sovremennogo rossijskogo obshhestva: dis. ... kand. soc. nauk. Volgograd, 2004. 188 s.

V.V. Ryabov,
G.E. Kozlovskaya,
Yu.N. Guseva

**Zemlyachestvo as a Form of Regional Identity
 and its Influence on the Development of the Region
 (on the Example of Samara Zemlyachestvo in Moscow City)**

The article examines the phenomenon of locally-territorial identification inherent in the Russian system of value orientations. Regional identity, its connection with the complex political, economic, cultural and historical issues is presented on the example of Samara zemlyachestvo in Moscow city.

Keywords: regional identification; Samara; Zemlyachestvo; spatial social networks.

И.В. Васин

Особенности *συνμαχία* и *κοινόν* как основных полисных форм объединения V–IV вв. до н.э.

В статье проводится попытка классификации греческих союзов V–IV вв. до н.э. на основе анализа причин их зарождения и структурных особенностей. При рассмотрении ведущих объединений V–IV вв. до н.э. большое внимание уделяется древнегреческим терминам, обозначающим сущность того или иного союза.

Ключевые слова: симмахия; федерация; Пелопоннесский союз; Афинский союз; Беотийский союз; Фессалийский союз.

Развитие союзных отношений между полисами Эллады берет свое начало с VII в. до н.э. В это время зарождаются Фессалийский [18: с. 94; 37: р. 221; 48: р. 25] и Халкидский союзы [19: с. 7]. Во второй половине VI в. до н.э. Спарта окончательно утверждает свою гегемонию в Пелопоннесе [4: I. 68. 6]. Примерно в это же время рождается Беотийский союз во главе с Фивами [13: с. 15–16]. В середине V в. до н.э. создается Афинский морской союз [22: с. 90–112]. Таким образом, к середине V в. до н.э. в Элладе уже существует множество политических объединений. Все они имели массу отличий друг от друга, но имели и ряд сходств.

Основные принципы взаимодействия внутри того или иного объединения находились в прямой зависимости от причин, по которым греки объединялись. Внешние угрозы военного вторжения стимулировали создание симмахий (*συνμαχία*) — оборонительно-наступательных военных союзов [8: с. 1533], во главе которых стояли полисы-гегемоны (Афинский и Пелопоннесский союзы). Бытует точка зрения, что существовало два вида симмахий: оборонительные и наступательные [40: р. 275–276]. Делосский союз, который был создан на основе Эллинской лиги, был учрежден как оборонительный союз против персидской угрозы и вел активные, наступательные действия против персов, в результате чего был заключен Каллиев мир [4: VII. 151]. Исходя из этого, сложно назвать Делосский союз сугубо оборонительным. С филологической

точки зрения, для обозначения именно оборонительного характера союза применялся иной термин — ἐπιμαχία [8: с. 622]. Именно этот термин употребляет Фукидид, когда повествует о желании афинян заключить с Керкирой сугубо оборонительный союз, чтобы избежать возможной войны с Коринфом на стороне керкирян [26: I.44].

Первоначально Делосский союз (478–462 гг. до н.э.) был создан для борьбы с персидской угрозой [26: I.75.3]. Позже, укрепив экономическую и политическую гегемонию над союзниками, Афины трансформировали Делосскую симмахию [24: с. 51–66] в Афинский морской союз [33: р. 171]. Спарта в результате I и II Мессенских войн, победы над Тегеей и Аргосом к 550 г. до н.э. значительно укрепила свою мощь и создала Пелопоннесский союз [17; 23; 29; 33: р. 176; 34]. В источниках нет точных указаний о внешней угрозе, которая вызвала к жизни Пелопоннесскую симмахию [6: с. 420]. Политическое, экономическое и военное усиление Спарты значительно повысило внешнеполитическую активность лакедемонян, результатом которой и стало учреждение Пелопоннесского союза [17: с. 121]. Таким образом, причины зарождения Афинского морского и Пелопоннесского союзов различны: в первом случае стимулом к объединению служил внешний фактор, во втором — внутренний. Несмотря на это, основы союзов были очень схожи.

Внутренняя система взаимодействия гегемона и союзников была довольно проста. Полис-гегемон заключал с каждым членом союза отдельный договор, по которому вступающий приносил клятву верности гегемону. Указанные в источниках названия рассматриваемых союзов иллюстрируют ведущую роль гегемона в союзах: Ἀθηναίων καὶ ξυμμαχῶν [26: I.100, 110; II. 67; III. 90; IV. 40; V. 18] и οἱ Λακεδαιμόνιοι καὶ οἱ συμμαχοί [4: VII.157; 26: V.18.1; VIII.18.1; 37.1; 58.1]. Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью отнести Афинский морской и Пелопоннесский союзы к категории постоянных симмахий [5: с.23]. Главная особенность συμμαχία состоит в том, что залогом ее благополучного развития является социально-политическая и экономическая стабильность гегемона. Как только главенствующий полис терял свои ведущие позиции, постоянная симмахия непременно распадалась. Так было с Афинским Морским союзом в 404 г. до н.э. после поражения в Пелопоннесской войне, когда Афины полностью капитулировали перед Спартой [9: II.10–22]. Так было и с Пелопоннесским союзом, когда Эпаминонд разграбил окрестности Спарты и отделил от нее Мессену, что сразу вызвало экономический коллапс Лакедемона. Хотя Беотийский союз и не смог заставить Спарту капитулировать, для нейтрализации Пелопоннесской симмахии он уничтожил два важнейших аспекта спартанской гегемонии: военную мощь Лакедемона [9: VI.4; 14: IX.12–13; 15: Pelop. 23] и его экономику. Закат эпохи постоянных симмахий приходится на середину IV в. до н.э., с этих пор Эллада больше не знала столь мощных оборонительно-наступательных военных союзов.

Племенное родство объединяло эллинов в койноны (κοινόν — общество, община, государство) [8: с. 960] — Фессалийский, Акарнанский, Беотийский, Аркадский, Ахейский, Этолийский союзы [25: с. 15]. Фессалийский союз [39] является одним из самых ранних объединений подобного рода [4: V.63.3; 94.1; VII.129.4; VIII. 27.1; IX.17, 4], в котором прослеживается подчинение аристократии городов тагу (ταγός — верховный вождь фессалийцев) [8: с. 1598]. Таг осуществлял верховную власть над всеми фессалийцами [36: р. 152–153], избирался из знатной семьи согласно закону [9: VI.1.18; VI.4.28]. Природное деление Фессалии на тетрады (тетράς политически очертил Алев Рыжий, став инициатором воссоединения Фессалиотиды, Пеласгиотиды, Гестиотиды и Фтиотиды) [18: с. 94]. Сторонники конфедеративного устройства в Фессалии [12: с. 1; 36: р. 150] указывают на слабость федеративных связей, причиной чего являлась широкая автономия членов союза. Незрелость федеративного устройства Фессалийского союза способствовала значительному увеличению властных полномочий тага, чья власть была равна царской.

Рассматривая политическую систему фессалийцев, не совсем корректно относить Фессалийский союз к конфедерации. Такое утверждение требует довольно детальных сведений об устройстве союза, которых не имеется. Более вероятно, что Фессалийский союз являлся федеративным объединением, наподобие Ахейского. Так, Страбон при упоминании Фессалийского союза называет его Фессалийской системой — τῶν Θεσσαλῶν σύστημα [21: IX.4,18]; тем же термином Полибий называет Ахейский союз: τῶν Ἀχαιῶν σύστημα [16: II.41,15], причем только единожды, при описании возрождения федерации (279 г. до н.э.), когда в нее входили этнически только ахейские полисы. Учитывая это сравнение, вряд ли можно отнести Фессалийский союз в разряд сугубо военного объединения, подобно симмахии. Афинский и Пелопоннесский союзы объединяли полисы разных племен, Фессалийский же союз являлся сугубо моноэтническим объединением. Отнесение Фессалийского союза к категории «федерация» возможно лишь на основе упомянутого сравнения Страбона и Полибия. При этом не стоит забывать о высоком военном значении объединения [27: с. 215]. Во всяком случае, к V в. до н.э. в Фессалии была установлена тираническая власть, достигшая своего апогея при Ясоне Ферском в первой половине IV в. до н.э.

Главной причиной появления Фессалийского союза служит общее племенное родство жителей, проживавших в фессалийских тетрадах [18: с. 96]. Необходимость защиты от внешних угроз является еще одной причиной объединения, свойственной и для всех прочих эллинских союзов. Исходя из вышесказанного, следует отнести Фессалийский союз к категории неразвитой федерации с высокой степенью военной доминанты [33: р. 177; 41: р. 71].

Халкидский союз окончательно утвердился во второй половине V в. до н.э. Ранее (в VII в. до н.э.) союз представлял собой симмахию, родоначальником которой стали Торона и Сермилия. Геродот, упоминая халкидян в числе военных

сил Ксеркса, указывает на разнообразие халкидских племен – τὸ Χαλκεδεκὸν γένος [4: VII.185.2]. С 432 г. до н.э., с момента начала Пелопоннесской войны, Халкидский союз приобретает черты федеративного образования — начинает чеканить союзную монету и включать в состав союза полисы не только Халкидики, но и внутренние области Македонии [19: с. 7; 33: р. 174]. Подтверждением федеративного устройства Халкидского союза служит олинфская надпись 392 г. до н.э., описывающая условия договора между союзом и македонским царем Аминтой, в которой Халкидский союз именуется койноном: «ναυπηγησίμων δὲ πλὴν ἐλατίνων ὅ τι ἄμ μὴ τὸ κοινὸν δέηται τῶι δὲ κοινῶι καὶ τούτων εἶν ἐξαγωγήν» [38]. Фукидид называет Халкидский союз οἱ Χαλκιδεῖς [26: I.57.5; II.29.6; III.86]. Для халкидян были характерны ἔγκτησις и ἐπιγαμία — права на межполисные браки и приобретение имущества в союзном полисе [9: V.2,19]. Такая практика сохранилась и в федерациях эллинистической эпохи. Во главе Халкидского союза стоял ведущий полис Олинф, экономически и политически консолидировавший вокруг себя различные племена Халкидики. Отсюда следует, что Халкидский союз являлся полиэтнической гегемонистической федерацией.

Высшим магистратом союза являлся стратег. Доступ в федеральные органы власти получали материально обеспеченные слои населения, которые обладали установленным имущественным цензом. Данная система порождала олигархическое правительство, которое и осуществляло внешнюю и внутреннюю политику союза. В 348 г. до н.э. Филипп II уничтожил Олинф и распустил Халкидский союз. Таким образом, развитие федеративной системы было подавлено внешней агрессией со стороны Македонии, которая не могла смириться с устойчивым и экономически развитым объединением греков у своих границ, тем более что союз находился в альянсе с Афинами.

Τὸ κοινὸν τῶν Βοιωτῶν [7: XVI.85] был образован в конце VI – начале V в. до н.э., с Фивами в роли главенствующего полиса [31: р. 107; 46]. До этого времени Беотия представляла собой конгломерат полисов, обладающих независимостью и чеканивших каждый собственную монету [10: с. 45]. Имеется ряд оценок политического устройства Беотии до Греко-персидских войн. С.Я. Лурье указывает на то, что беотийские полисы в конце VI в. до н.э. являлись союзом государств, симмахией, носившей принудительный характер [10: с. 44]. Дж. Баклер отмечает конфедеративное устройство Беотийского союза [2: с. 77]. Р. Бак указывает на существование объединения, роль которого сводилась к отправлению совместных религиозных ритуалов [32: р. 94]. Для адекватного представления политического устройства Беотии VI в. до н.э. следует проанализировать каждое утверждение отдельно. В источниках объединение беотийцев ни разу не именуется симмахией, Беотийский союз, наподобие Халкидского, называется οἱ Βοιωτοί [4: II.49; V.57; VIII.144; IX.6,9,24; 26: I.108,111; III.95; IV.70,77; V.32; VI.61; VIII.98]. Анализируя политические устройства союзов, следует все же уходить от спорного «конфедерация» и по отношению к древнегреческим объединениям подобного

рода пользоваться термином «федерация», определяющим наиболее точно и четко тонкости союзного устройства. Возможно, что Беотийский союз VI в. до н.э. являлся довольно слабой федерацией, схожей с Фессалийским союзом — беотийцы тоже объединились на моноэтнической основе, но с преобладанием религиозной стороны в союзных отношениях.

В период Пелопоннесской войны Фивы начали усиливать позиции в Беотийском союзе за счет привлечения в сферу своего влияния поселений, принадлежащих другим полисам [30: р. 190–191]. За счет этого Фивы увеличивали число своих голосов в союзном совете.

В IV в. до н.э. Беотийский союз значительно укрепился после уничтожения в Фивах проспартанской власти, установленной в 382 г. до н.э. Фебидом [9: V.2,25–36]. Уничтожив спартанскую гегемонию при помощи выдающихся деятелей Эпаминонда [1; 45] и Пелопида, Фивы реорганизовали федерацию на основе существенного расширения фиванского влияния в Беотии [33: р. 172]. Территориальное и экономическое построение Беотийского союза стало основываться на синтелии (συντέλεια) — делении на округа, делающие союзные взносы как деньгами, так и военными контингентами [28: р. 308]. Диодор Сицилийский называет Беотийский союз τῶν Θηβαίων συντέλειαν [7: XV.38.3.4; 50.4], тем самым выявляя основной механизм взаимодействия Фив с союзниками [3: с. 22]. Распространив к 366 г. до н.э. на большую часть Беотии синтелические отношения, фиванцы начали полностью отождествлять себя с беотийцами. Идентичный механизм συντέλεια, деливший объединение на военные округа, действовал и в Ахейском союзе эллинистической эпохи. Вероятно, что συντέλεια являлась неотъемлемой частью и прочих эллинских союзов, о чем речь пойдет ниже.

Итак, Беотийский союз основывался на фиванской гегемонии, что не мешало Фивам распространить союзное голосование на всех беотийцев [28: р. 325] и включить их в управление объединением. Тем не менее Беотийское устройство во многом зависело от стабильности в Фивах. Лишившись ведущих политических деятелей Пелопида и Эпаминонда к 362 г. до н.э., Фивы погрузились в постоянные политические междоусобицы, конец которым положил Филипп II. После битвы при Херонее в 338 г. до н.э. македонский царь низринул Фивы с главенствующих позиций в Беотии, после чего Фивы навсегда потеряли свои лидирующие позиции среди беотийцев.

Τὸ κοινὸν τῶν Ἀρκαδῶν [9: VII.4.35; 14: VIII.8.10] был воссоздан [33: р. 170–171; 42] около 370 г. до н.э. [43: р. 505–507] при существенной поддержке Беотийского союза. Ядром объединения являлись полисы Тегея, Мантиней и основанный Эпаминондом Мегалополь [7: XV.72.40; 14: VIII.27.2; 44: р. 578]. Исходя из сообщения Диодора Сицилийского, основным принципом межполисного взаимодействия в Аркадском союзе являлись синтелические отношения членов объединения, так же как и в Беотийском союзе: «Λυκομήδης ὁ Τεγεάτης ἔλεισε τοὺς Ἀρκάδας εἰς μίαν συντέλειαν

ταχθῆναι» [7: XV.59.1]. Причиной создания Аркадского союза следует считать существенное ослабление Спарты после битвы при Левктрах в 371 г. до н.э. и острое желание крупнейших аркадских полисов Мантинее и Тегее обезопасить себя от попыток Лакедемона восстановить гегемонию в Пелопоннесе. Особенностью Аркадского союза является то, что он управлялся κοινὸν σύνοδον συνεστῶσαν ἐξ ἀνδρῶν μυρίων [7: XV.59.1] — общим народным собранием десяти тысяч человек, обладающим неограниченными полномочиями при решении вопросов войны и мира. Вероятно, на общесоюзном собрании всегда присутствовали члены федеральных войск и определяли векторы внешней политики союза [43: р. 572]. Это связано с тем, что на протяжении всего времени своего существования Аркадский союз находился в перманентном состоянии войны со своими соседями — Спартой, Элидой, позже и с Ахайей, что значительно повышало роль военных сил в управлении объединением. Еще одним доказательством вышесказанного является то, что как только аркадские олигархи подчинили себе федеральную армию, они сразу же получили контроль над союзным собранием против его воли [9: VII.4,34–35; 43: р. 571]. Высокая роль военной компоненты в союзном собрании прослеживается и в Этолийском союзе эллинистического периода [20: с. 54].

Короткое существование Аркадского союза (371 — 362 гг. до н.э.) связано прежде всего с внутренними противоречиями аркадян [35: р. 224–225]. Противостояние между Мантинеей и Тегеей привели к расколу Аркадского койнона на две противоборствующие части: Тегею под покровительством Беотийского союза и Мантинею в союзе со Спартой и Афинами [47: р.149–160]. Судьба Аркадского союза решилась в битве при Мантинее в 362 г. до н.э., после чего объединение фактически распалось.

Подводя итог краткого анализа эллинских объединений V–IV вв. до н.э., возможно провести их классификацию. Греческие союзы делились на постоянные симмахии, федерации (койноны) и амфикитии [25]. К постоянным симмахиям относятся Афинский и Спартанский союзы, к федерациям — Фессалийский, Халкидский, Беотийский и Аркадский союзы.

Общими чертами указанных союзов является следующее:

1. Гегемонистский характер большинства объединений. Полис-гегемон является гарантом прочности союза и полностью руководит внутренней и внешней политикой. Исключением является Аркадский и Фессалийский союз. Аркадский союз, ввиду переходного периода формирования союзных отношений, не смог преодолеть внутренних распрей между Мантинеей и Тегеей, результатом чего и стал его распад. Относительно равномерное развитие аркадских полисов не позволило появиться полису-гегемону. Аналогичной была ситуация в Фессалийском союзе, слабость федеративных связей которого была связана прежде всего с географическими условиями.

2. Общей причиной появления союзов, в первую очередь, являются соображения общей безопасности, для эффективности которой требовались

совместные усилия. Для койнонов стимулирующим фактором к объединению служило племенное родство.

Различиями союзов было следующее:

1. Симмахии объединяли множество эллинских племен — Спарта соединила в союзе большинство пелопоннесских полисов разнообразных племен, Афины собрали воедино множество полисов Ионии. Федерации же основывались на племенном родстве и объединяли сугубо моноэтнические полисы. Исключением является Халкидский союз, присоединивший к союзу часть македонских земель. Но этот факт следует рассматривать как эпизодический, так как вскоре Халкидский союз потерял все македонские территории. Таким образом, симмахии являлись полиэтническими, а федерации — моноэтническими образованиями.

2. Федерации чеканили общесоюзную монету, имели общее, постоянно созываемое народное собрание, в котором участвовали все члены койнона. По аналогии с Халкидским союзом можно допустить существование права $\epsilon\upsilon\kappa\tau\eta\sigma\iota\varsigma$ и $\epsilon\lambda\lambda\iota\upsilon\alpha\tau\iota\alpha$ в той или иной степени и в остальных федерациях.

3. Более мягкая гегемония ведущих полисов койнонов. В Беотийском союзе, несмотря на преобладание Фив, фиванцы старались привлечь к союзному управлению всех членов федерации. Возможно, не обладая мощными военными ресурсами, полисы-гегемоны в койнонах стремились строить союзные взаимоотношения на основе компромисса. К компромиссу подталкивало и племенное родство членов федерации.

Литература

1. *Алехин В.П.* О роли Эпаминонда в Фивах эпохи гегемонии // Научные Ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Вып. № 16, том 19. С. 29–33.
2. *Баклер Дж.* Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции в 457–369 гг. до н.э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань: Учебно-методический комплекс, 2000. С. 77.
3. *Васильевский В.Г.* Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб.: б/и, 1869. 326 с.
4. *Геродот.* История / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М.: АСТ, 2006. 671 с.
5. *Гребенский Н.Н.* Второй Афинский союз: проблемы федерализма и история: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1975. 30 с.
6. *Джефферери Л.Г.* Греция перед персидским вторжением // САН. IV. С. 417–440.
7. *Диодор Сицилийский.* «Историческая библиотека» // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. Кн. XI–XIV. СПб.: Алетейя, 2000. С. 170–239.
8. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / Сост. И.Х. Дворецкий; под ред. С.И. Соболевского; с приложением грамматики, составленной С.И. Соболевским. М., 1958. 1909 с.
9. *Ксенофонт.* Греческая история / Пер. с древнегр. и коммент. С.Я. Лурье. СПб.: Алетейя, 2000. 448 с.

10. *Лурье С.Я.* Беотийский союз. СПб., 1914. 215 с.
11. *Лурье С.Я.* Комментарий к Греческой истории Ксенофонта // Ксенофонт. Греческая история / Пер. С.Я. Лурье. СПб.: Алетейя, 2000. С. 277–443.
12. *Минаев О.В.* Фессалия в VIII–IV вв. до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново: Тульский Гос. Педагогический ун-т им. Л.Н. Толстого, 2008. 17 с.
13. *Можайский А.Ю.* Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 231 с.
14. *Павсаний.* Описание Эллады. Репринт. Воспроизв. Изд. 1938 г. / Пер. С.П. Кондратьева; вступ. ст. Л. Маринович, Г. Кошеленко. Т. 1–2. М.: Ладомир, 1994. 956 с.
15. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания / Пер. В.М. Смирин, Л.А. Фрейберг, М.Е. Сергеев, В.В. Петухова, Т.А. Миллер, К.П. Лампсако. Т. 1–2. М.: Наука, 1994. 1042 с.
16. *Полибий.* Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. Т. 1–2. М.: АСТ, 2004. 1530 с.
17. *Печатнова Л.Г.* История Спарты (период архаики и классики). СПб.: Гуманитарная академия, 2001. 510 с.
18. *Светилова Е.И.* Образование Фессалийского союза // Античный вестник: сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Елагиной. Омск: Омск. ун-т., 1993. С. 91–96.
19. *Светилова Е.И.* Халкидский союз в VII–IV вв. до н. э. (Основные проблемы истории): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1986. 17 с.
20. *Сизов С.К.* Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз / Нижегородский государственный ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижегород, 1990. 80 с.
21. *Страбон.* География: в 17 кн. / Пер., вступ. ст. и комм. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 941 с.
22. *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции: учеб. пособие. Н.Новгород: НГПИ им. А.М. Горького, 1991. 244 с.
23. *Строгецкий В.М.* Возникновение и структура Пелопоннесского союза // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 3–18.
24. *Строгецкий В.М.* К вопросу о возникновении и целях Делосской симмахии // Античное общество и государство. Л., 1988. С. 51–66.
25. *Фролов Э.Д.* Явление федерализма в политической жизни античной Греции // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 7. СПб., 2008. С. 13–22.
26. *Фукидид.* История / Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб.: Наука, 1999. 590 с.
27. *Хаммонд. Н.* История Древней Греции / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2008. 703 с.
28. *Bakhuizen S.C.* Thebes and Boeotia in the Fourth Century B. C. // Phoenix Vol. 48, № 4. 1994. P. 307–330.
29. *Bolmarsich S.* Thucydides 1,19,1 and the Peloponnesian League // GRBS. 2005. Vol.45. №1. P. 5–35.
30. *Bruce I.A.F.* Plataea and the Fifth-Century Boeotian Confederacy // Phoenix. Vol. 22. №. 3. 1968. P. 190–199
31. *Buck R.J.* A History of Boeotia. Edmonton, Alberta: The University of Alberta Press, 1979. 205 p.
32. *Buck R.J.* The Formation of the Boeotian League // Classical Philology. 1972. Vol. 67. №. 2. P. 94–101.

33. *Caspari M.O.B.* A Survey of Greek Federal Coinage. URL: <http://www.jstor.org/stable/625474> // The Journal of Hellenic Studies. 1917. Vol. 37. P. 168–183.
34. *Cawkwell G.L.* Sparta and Her Allies in the Sixth Century B.C. // CQ. 1993. N.S. Vol. 43. №2. P. 364–376.
35. *Dušanić S.* Arkadski Savez IV Veka (The Arcadian League in the Fourth Century). Belgrade: University of Belgrade, Faculty of philosophy, 1970. 385 p. // Review by: J.A.O. Larsen. Classical Philology. 1973. Vol. 68. №. 3. P. 224–225.
36. *Freeman E.A.* History of Federal Government in Greece and Italy London and Cambridge, 1893. 745 p.
37. *Greenidge A.H.J.* A Handbook of Greek Constitutional History. London, 1914. 296 p.
38. *Hatzopoulos M.B.* Macedonian Institutions under the Kings. 2 vols. Vol. 2. Epigraphic Appendix. Meletēmata (Kentron Hellēnikēs kai Rōmaikēs Archaioētēs), 22. Athens, 1996. [<http://epigraphy.packhum.org/inscriptions/main>].
39. *Larsen J.A.O.* Review Article: A New Interpretation of the Thessalian Confederacy // Classical Philology 1960. Vol. 55. №. 4. P. 229–248.
40. *Larsen J.A.O.* The Constitution of the Peloponnesian League. Classical Philology. 1933. Vol. XXVIII. P. 256–276.
41. *Leffery L.A.* Arhaic Greece: the city-states 700–500 B.C. London, 1978. P. 71.
42. *Roy J.* An Arcadian League in the Earlier Fifth Century B.C. Phoenix. 1972. Vol. 26. № 4. P. 334–341.
43. *Roy J.* Postscript on the Arcadian League. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 1974. Bd. 23. H. 4. P. 505–507.
44. *Roy J.* Arcadia and Boeotia in Peloponnesian Affairs, 370-362 B.C. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 1971. Bd. 20. H. 5/6. P. 569–599.
45. *Ruzicka S.* Epaminondas and the Genesis of the Social War. Classical Philology. 1998. Vol. 93. №. 1. P. 60–69.
46. *Wallace W.P.* The Early Coinages of Athens and Euboia // NC. 1962. P. 23–42.
47. *Wesley E.* Thompson Arcadian Factionalism in the 360's. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 1983. Bd. 32. H. 2. P. 149–160.
48. *Westlake H.D.* Thessaly in the Fourth Century B.C. London, 1935. 387 p.

References

1. *Alexin V.P.* O roli E'paminonda v Fivax e'poxi gegemonii // Nauchny'e Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. E'konomika. Informatika. 2010. Vy'p. № 16, tom 19. C. 29–33.
2. *Bakler Dzh.* Sparta, Fivy', Afiny' i ravnovesie sil v Grecii v 457–369 gg. do n.e'. // Mezhhgosudarstvenny'e otnosheniya i diplomatiya v antichnosti. Ch. 1. Kazan': Uchebno-metodicheskij kompleks, 2000. S. 77.
3. *Vasil'evskij V.G.* Politicheskaya reforma i social'noe dvizhenie v Drevnej Grecii v period ee upadka. SPb.: b/i, 1869. 326 s.
4. *Gerodot.* Istorija / Per. i prim. G.A. Stratanovskogo. M.: AST, 2006. 671 s.
5. *Grebenskij N.N.* Vtoroj Afinskij soyuz: problemy' federalizma i istoriya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. L.: LGU im. A.A. Zhdanova, 1975. 30 s.
6. *Dzhefferi L.G.* Greciya pered persidskim vtorzheniem // CAH. IV. S. 417–440.
7. *Diodor Sicilijskij.* «Istoricheskaya biblioteka» // Antologiya istochnikov po istorii, kul'ture i religii Drevnej Grecii / Pod red. V.I. Kuzishhina. Kn. XI–XIV. SPb.: Aletejya, 2000. C. 170–239.

8. Drevnegrechesko-russkij slovar': v 2 t. / Sost. I.X. Dvoreczkij; pod red. S.I. Sobolevskogo; s prilozheniem grammatiki, sostavlennoj S.I. Sobolevskim. M., 1958. 1909 s.
9. *Ksenofont*. Grecheskaya istoriya / Per. s drevnegr. i komment. S.Ya. Lur'e. SPb.: Aleteja, 2000. 448 s.
10. *Lur'e S.Ya.* Beotijskij soyuz. SPb., 1914. 215 s.
11. *Lur'e S.Ya.* Kommentarij k Grecheskoj istorii Ksenofonta // *Ksenofont*. Grecheskaya istoriya / Per. S.Ya. Lur'e. SPb.: Aletejya, 2000. S. 277–443.
12. *Minaev O.V.* Fessaliya v VIII–IV vv. do n.e': avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ivanovo: Tul'skij Gos. Pedagogicheskij un-t im. L.N. Tolstogo, 2008. 17 s.
13. *Mozhajsckij A.Yu.* Vneshnepoliticheskij kurs Fivanskogo polisa v klassichesckij period: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2007. 231 s.
14. *Pavsanij*. Opisanie E'llady'. Reprint. Vosproizv. Izd. 1938 g. / Per. S.P. Kondrat'eva; vstup. st. L. Marinovich, G. Koshelenko. T. 1–2. M.: Lodomir, 1994. 956 s.
15. *Plutarx*. Sravnitel'nye zhizneopisaniya / Per. V.M. Smirina, L.A. Frejberg, M.E. Sergeenko, V.V. Petuxova, T.A. Miller, K.P. Lampsako. T. 1–2. M.: Nauka, 1994. 1042 s.
16. *Polibij*. Vseobshhaya istoriya / Per. s drevnegrech. F.G. Mishhenko. T. 1–2. M.: AST, 2004. 1530 s.
17. *Pechatnova L.G.* Istoriya Sparty (period arxaiki i klassiki). SPb.: Gumanitarnaya akademiya, 2001. 510 s.
18. *Svetilova E.I.* Obrazovanie Fessalijskogo soyuza // *Antichny'j vestnik*: sb. nauch. tr. / Pod red. A.A. Elaginoj. Omsk: Omsk. un-t., 1993. S. 91–96.
19. *Svetilova E.I.* Xalkidskij soyuz v VII–IVvv. do n. e'. (Osnovny'e problemy' istorii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1986. 17 s.
20. *Sizov S.K.* Federativnoe gosudarstvo e'llinisticheskoy Grecii: E'tolijskij soyuz / Nizhegorodskij gosudarstvenny'j un-t im. N.I. Lobachevskogo. Nizhegorod, 1990. 80 s.
21. *Strabon*. Geografiya: v 17 kn. / Per., vstup. st. i komm. G.A. Stratanovskogo. M.: Lodomir, 1994. 941 s.
22. *Strogeczkij V.M.* Polis i imperiya v klassicheskoj Grecii: ucheb. posobie. N. Novgorod: NGPI im. A.M. Gor'kogo, 1991. 244 s.
23. *Strogeczkij V.M.* Vozniknovenie i struktura Peloponnesskogo soyuza // *Iz istorii antichnogo obshhestva*. Gor'kij, 1975. S. 3–18.
24. *Strogeczkij V.M.* K voprosu o vozniknovenii i celyax Delosskoj simmaxii // *Antichnoe obshhestvo i gosudarstvo*. L., 1988. S. 51–66.
25. *Frolov E'.D.* Yavlenie federalizma v politicheskoy zhizni antichnoj Grecii // *Mnemon*. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. Vy'p. 7. SPb., 2008. S. 13–22.
26. *Fukidid*. Istoriya / Per. F.G. Mishhenko i S.A. Zhebeleva. SPb.: Nauka, 1999. 590 s.
27. *Xammond. N.* Istoriya Drevnej Grecii / Per. s angl. L.A. Igorevskogo. M.: Centrpoligraf, 2008. 703 s.
28. *Bakhuizen S.C.* Thebes and Boeotia in the Fourth Century B. C. // *Phoenix* Vol. 48, № 4. 1994. P. 307–330.
29. *Bolmarsich S.* Thucydides 1,19,1 and the Peloponnesian League // *GRBS*. 2005. Vol.45. №1. P. 5–35.
30. *Bruce I.A.F.* Plataea and the Fifth-Century Boeotian Confederacy // *Phoenix*. Vol. 22. №. 3. 1968. P. 190–199
31. *Buck R.J.* A History of Boeotia. Edmonton, Alberta: The University of Alberta Press, 1979. 205 p.

32. *Buck R.J.* The Formation of the Boeotian League // *Classical Philology*. 1972. Vol. 67. №. 2. P. 94–101.
33. *Caspari M.O.B.* A Survey of Greek Federal Coinage. URL: <http://www.jstor.org/stable/625474> // *The Journal of Hellenic Studies*. 1917. Vol. 37. P. 168–183.
34. *Cawkwell G.L.* Sparta and Her Allies in the Sixth Century B.C. // *CQ*. 1993. N.S. Vol. 43. №2. P. 364–376.
35. *Dušanić S.* Arkadski Savez IV Veka (The Arcadian League in the Fourth Century). Belgrade: University of Belgrade, Faculty of philosophy, 1970. 385 p. // Review by: J.A.O. Larsen. *Classical Philology*. 1973. Vol. 68. №. 3. P. 224–225.
36. *Freeman E.A.* History of Federal Government in Greece and Italy London and Cambridge, 1893. 745 p.
37. *Greenige A.H.J.* A Handbook of Greek Constitutional History. London, 1914. 296 p.
38. *Hatzopoulos M.B.* Macedonian Institutions under the Kings. 2 vols. Vol. 2. Epigraphic Appendix. Meletēmata (Kentron Hellēnikēs kai Rōmaikēs Archaioētōs), 22. Athens, 1996. [<http://epigraphy.packhum.org/inscriptions/main>].
39. *Larsen J.A.O.* Review Article: A New Interpretation of the Thessalian Confederacy // *Classical Philology* 1960. Vol. 55. №. 4. P. 229–248.
40. *Larsen J.A.O.* The Constitution of the Peloponnesian League. *Classical Philology*. 1933. Vol. XXVIII. P. 256–276.
41. *Leffery L.A.* Arhaic Greece: the city-states 700–500 B.C. London, 1978. P. 71.
42. *Roy J.* An Arcadian League in the Earlier Fifth Century B.C. Phoenix. 1972. Vol. 26. № 4. P. 334–341.
43. *Roy J.* Postscript on the Arcadian League. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1974. Bd. 23. H. 4. P. 505–507.
44. *Roy J.* Arcadia and Boeotia in Peloponnesian Affairs, 370-362 B.C. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1971. Bd. 20. H. 5/6. P. 569–599.
45. *Ruzicka S.* Epaminondas and the Genesis of the Social War. *Classical Philology*. 1998. Vol. 93. №. 1. P. 60–69.
46. *Wallace W.P.* The Early Coinages of Athens and Euboia // *NC*. 1962. P. 23–42.
47. *Wesley E.* Thompson Arcadian Factionalism in the 360's. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1983. Bd. 32. H. 2. P. 149–160.
48. *Westlake H.D.* Thessaly in the Fourth Century B.C. London, 1935. 387 p.

I.V. Vasin

Characteristics of *συμμαχία* and *κοινόν* as Basic Polis Forms of Union in V–IV Centuries BC

In the article attempt is made to classify Greek Leagues of the V–IV centuries BC based on the analysis of the causes of their origin and structural characteristics. While considering the leading unions of the V–IV centuries BC, much attention is given to the ancient Greek terms which denote the essence of this or that union.

Keywords: symmachia; federation; Peloponnesian League; Athenian League; Boeotian League; Thessalian League.

Н.А. Яснитский

Теоретическая основа античной истории в труде английского историка-просветителя Эдварда Монтегю

В статье предпринята попытка определения идейно-теоретических позиций Эдварда Монтегю, историка XVIII века. Труд Эдварда Монтегю «Размышления о возвышении и падении античных республик», изданный в 1759 году, посвящен проблемам античной истории. Этот труд не стал предметом большого внимания ни в XIX, ни в XX столетиях. Автор приходит к выводу, что Э. Монтегю, излагая историю античных республик, исходил из решающей роли материальных обстоятельств как в общем ходе истории, так и в судьбах государств, в отдельных событиях и поведении людей, что свидетельствует о существенном своеобразии английской исторической мысли эпохи Просвещения.

Ключевые слова: английское Просвещение; историография; античность.

В XX веке в историографических обзорах и в специальных исследованиях зарубежных и отечественных историков большая часть трактовок Просвещения сводилась к рассмотрению этого явления как единого движения. «Было много философов, как утверждает Питер Гей, «но было только одно Просвещение». Однако, анализируя наследие наиболее известных английских историков эпохи Просвещения (Юм, Робертсон, Гиббон, Фергюссон), зарубежные исследователи, начиная с середины XX века, отмечали, что их идейно-теоретические позиции не укладываются как в рамки единого Просветительского направления XVIII века, отличительной особенностью которого был «рационализм», так и не совпадают с «романтизмом», характерным для начала XIX века, и потому являются «исключением из правил» [18: р. 3].

В последние десятилетия XX века наряду с «традиционным» вниманием именно к французскому Просвещению в зарубежной, преимущественно английской историографии, получила распространение также идея если не о «множественности» течений Просвещения, то, по крайней мере, о национальной специфике английского Просвещения. Согласно этим трактовкам, особенности английского Просвещения тесно увязывались со спецификой религиозной ситуации в Англии [23].

В отечественной историографии оценка наследия эпохи Просвещения также претерпела некоторые изменения. В трудах М.А. Барга, Н.М. Мещеряковой, Т.Л. Лабутиной ставился и находил подтверждение тезис о некотором приоритете английских мыслителей, философов и историков конца XVII – начала XVIII века в разработке теоретических основ общественно-политической и исторической

мысли [1; 11; 7; 8]. В то же время оценка английской исторической мысли в области антиковедения в немногочисленных отечественных и зарубежных исторических исследованиях остается невысокой [22].

Причина этого, как представляется, связана прежде всего с недостаточным вниманием к наследию таких английских историков античности XVIII века, как Уолтер Мойл, Эдвард Монтегю и Джон Гиллис. А труды, к примеру, Уильяма Митфорда и Оливера Голдсмита хотя и анализировались, однако, на наш взгляд, в этих исследованиях были неверно определены главные проблемы, которые пытались решить названные авторы [9; 22]. В итоге не получили полного освещения или были искажены те теоретические основы, с помощью которых Уолтер Мойл, Эдвард Монтегю, Джон Гиллис, Уильям Митфорд и Оливер Голдсмит пытались решить проблемы современности с помощью истории античности [3–6; 10]. Исключением является наследие Эдварда Гиббона, лишь оно стало предметом многочисленных исследований за рубежом и отчасти в отечественной историографии [13; 15–17; 19; 21; 24]. Однако, на наш взгляд, большей части и этих исследований свойственно неполное или неточное определение идейно-теоретической базы Э. Гиббона и конкретных причин гибели Римской империи [14]. Данная статья является попыткой восполнить отмеченный пробел: рассмотреть идейно-теоретические взгляды одного из английских историков античности XVIII века — Эдварда Монтегю.

Труд Эдварда Монтегю «Размышления о возвышении и падении античных республик», изданный в 1759 году, замалчивался в XIX веке, не стал предметом большого внимания и в XX веке. В своем фундаментальном исследовании «Антидемократическая традиция в Западной мысли» Джулия Робертс подчеркивает, что Эдвард Монтегю, намереваясь определить причины возвышения и падения античных республик, «предвещает о предстоящем крахе цивилизации, если Великобритания не изменит свое развитие. В античных Афинах и Риме, в которых он видел зловещие предупреждения для Англии восемнадцатого столетия, он указывает на сходство в обычаях между современной Великобританией и античными государствами в периоды их вырождения» [22: р. 160]. На наш взгляд, мнение Дж. Робертс о задаче труда Монтегю совершенно обоснованно и находит подтверждение в Предисловии и Введении к его труду [20: р. 7]. Однако, определяя причины, которые, по мнению Монтегю, «содействовали их краху (античных республик. — *Н.Я.*) и действуют, в этот раз, очень сильно и у нас» (в Великобритании XVIII в. — *Н.Я.*), Дж. Робертс выделяет, на наш взгляд, ряд далеко не самых главных из имеющихся в труде Монтегю идей. Так, она считает, что «Монтегю видит признаки опасного следования Великобританией примеру классических Афин, где стремление устраивать атлетические соревнования уступало стремлению к разрушительному литературному соперничеству и в конечном счете завершило упадок» [22: р. 160]. Кроме того, Дж. Робертс подчеркивает, что еще одной из его главных идей является критика «шекспиромании» в Англии, поскольку Монтегю «включает в свою бранную речь отрывки из Плуларха,

в которых он пригвождал к позорному столбу афинян четвертого столетия за расходы большие, чем в Персидских войнах», на театральные постановки [22: р. 160]. По мнению Дж. Робертс, Монтегю считает отмеченные причины следствием *осознанной политики правителей*, направленной на насаждение развлечений и «роскоши» для «отвлечения внимания от общественных изменений, как убедительных симптомов всеобщей болезни, изнеженности и коррупции» [22: р. 160]. В итоге Робертс приходит к выводу, что исследование Монтегю не выявило связи между «демократией» и упадком Афин, что эта проблема осталась неясной. К недостаткам работы Монтегю Робертс относит и отсутствие анализа возникновения и развития партийных группировок в античных республиках. Сравнивая исследование Э. Монтегю с трудами французских просветителей, имея в виду исследования по греческой истории Г. Мабли и Жан-Жака Руссо, Дж. Робертс считает, что более весомые аргументы относительно параллелей между древней и современной цивилизацией формировались по другую сторону канала и имели большое влияние на историческое мышление в Европе и Америке [22: р. 160]. Таким образом, в целом Дж. Робертс оценивает труд Монтегю как «риторическое упражнение школьника» [22: р. 161].

На наш взгляд, общие выводы Дж. Робертс о значимости труда Эдварда Монтегю имеют поверхностный характер, поскольку остались незамеченными те причины возвышения и падения античных республик, которые сам Монтегю считал главными. Причина этого, возможно, в том, что Дж. Робертс неверно определила главные идеи Монтегю и их теоретическую основу. Идеино-теоретическую основу труда Монтегю, как представляется, можно разделить на политические и теоретические составляющие.

Монтегю в Предисловии к «Размышлениям о возвышении и падении античных республик» подчеркивает вовлеченность англичан своего времени в политические дискуссии: «У нас больше людей участвуют в гражданских распрях, больше, чем в любой стране Европы. Каждый человек является политиком и страстно присоединяется к своей... партии» [20: р. 3]. По мнению Монтегю, это обстоятельство является одной из главных бед Англии середины XVIII века, поскольку вместо поиска истины, «необходимой во всех спорных вопросах», «противоположные взгляды и интересы партий делают перебранку нескончаемой; и победа над соперниками является главной целью» [20: р. 3, 4].

О значимости проблемы гибели одного из античных государств — Карфагена — для Англии его времени Монтегю пишет следующее: «Из всех независимых стран, которые сохранились в памяти истории, Карфаген имеет наибольшее сходство с Британией. Оба государства сходны в своей торговле, в своем величии и морском господстве, в своих способах расширять свои земли, воюя с помощью иностранных наемников. Если к этому мы добавим сходство Карфагена и Рима как наиболее ужасных и хищных народов того времени в Европе, а также их специфические различия, о чем я уже упоминал, характеризуют военные силы каждого народа, ситуация Карфагена в отношении

Рима окажется чрезвычайно близкой, сходной с отношениями в последнем столетии Британии и Франции ...» [20: р. 176].

Отмеченные межпартийная борьба и противоположность взглядов по основным проблемам, составляя особенности политического климата Англии, напоминают Монтегю ситуацию в античных республиках накануне их гибели. Печальным является «сходство между обычаями нашего собственного времени и обычаями этих республик в период их наибольшего упадка» [20: р. 7]. Однако Монтегю, на наш взгляд, не просто «предвещает предстоящий крах цивилизации, если Великобритания не изменит своего развития», как считала Дж. Робертс, а каждый раз, рассматривая в очередной главе развитие того или иного античного государства, конкретно указывает, в чем это «развитие» проявлялось. «Мы испытываем пагубное действие той же фракционной борьбы, которая была причиной краха... этих республик» (Афин, Спарты, Рима и Карфагена. — *Н.Я.*) [20: р. 381]. Характеризуя современную ему политическую систему Англии, Монтегю подчеркивает: «Огромное увеличение нашей торговли после Утрехтского мира привело к широкому доступу к богатству... Этой всеобщей роскоши, и только ей мы должны приписать тот изумляющий прогресс коррупции, которая проникла во все жизненные поры нашей системы управления» [20: р. 380].

Монтегю достаточно определенно пишет, что главное зло — не литературное соперничество или траты на театральные постановки, большие, чем расходы на войну с Персией. Исходя из судеб античных республик, главная опасность для существования Англии, по мнению Монтегю, связана с фракционной борьбой, соперничеством политических группировок. Но в основе этого «гибельного» пути — то, ради чего ведется борьба, — стремление к богатству. Обращает внимание Монтегю и на то, с помощью какой силы побеждают политических противников в античных республиках — подкуп и коррупция. Однако остается неясным, сводит ли Монтегю возникновение политической борьбы партийных группировок к осознанной политике правителей, желающих отвлечь внимание от общественных бед, симптомом которых являлась коррупция? Действительно ли права Дж. Робертс, считая, что в труде Монтегю нет анализа возникновения и развития партийных группировок в античных республиках, действительно ли им не прослеживается связь между «демократией» и упадком Афин?

На первый взгляд Монтегю тесно увязывает возникновение политических систем с волей, намерением того или иного законодателя или правителя: в Спарте — с Ликургом, в Афинах — с Солоном, в Риме — с Ромулом. Но по большей части это впечатление поверхностно, Монтегю лишь уточняет, кто проводил те или иные реформы. Сама же структура его труда, основанная на сравнении и выявлении особенностей возникновения систем управления в различных республиках античности, подводит к прямо противоположному выводу. Это сравнение у Монтегю содержит ясные указания чаще не на «личностный», а на иной характер причин возникновения и изменения особенностей

в управлении. Рамки статьи не позволяют привести более одного примера. «Полибий подчеркивает, — пишет Монтегю, — что из всех государств со смешанным правлением, известных ему, Ликурговское было *единственным* (здесь и ниже курсив мой. — *Н.Я.*), созданным в результате холодного разума и длительного изучения. Форма Римской республики, наоборот, — результат *необходимости*. Римляне дошли до знания наиболее предпочтительного средства из-за всех их политических несчастий *не благодаря разуму*, но благодаря глубоким испытаниям многими и опасными бедствиями, с которыми они боролись так долго и так часто. Я не имею ни малейшего сомнения, что прекрасная форма правления, установленная нашими грубыми готскими предками, где бы ни преобладало их оружие, возникала по той же самой причине — *необходимости, основанной на опыте*» [20: р. 368].

«Необходимость, основанная на опыте», лежит и в основе тех реформ, что были установлены Солоном. Новизны в определении сущности этих реформ у Монтегю нет, он сообщает об общеизвестных уже в его время реформах Солона. Новым является объяснение происхождения и характера реформ, характера, который не сводится лишь к намерениям самого Солона. Монтегю облакает это в форму следующего ответа самого Солона на вопрос «Неужели законы, данные им афинянам, были наилучшими из тех, что он мог дать? — Они были лучшими, ответил Солон, из тех, что афиняне были способны получить» [20: р. 80]. Более того, хотя Монтегю и подчеркивает, что «из хода истории следует, что Солон выбрал первые учреждения Ликурга как образец для своих новых установлений, но трудности, с которыми он столкнулся при отмене долгов, в первой части своего плана, убедили его в неприменимости введения (спартанского) равенства Лаконии и удержали его от всех дальнейших попыток этого рода» [20: р. 77]. В понимании Монтегю, законы Солона были своеобразным компромиссом, так как Солон произвел «отмену всех долгов», стремясь избежать мятежа «среди беднейших граждан, которые открыто угрожали введением другого управления» [20: р. 75]. Эдикт Солона «был равно неприемлем как для богатых, так и для бедных. Для богатых потому, что лишал их той части собственности, которая состояла в их займах, а бедные были разочарованы отсутствием эдикта о землях, который они так нетерпеливо ожидали» [20: р. 79].

Обращаясь к причинам гибели античных государств, Монтегю прямо отвергает мнение, разделяемое многими его современниками, об упадке нравов как причинах их гибели. «Но *изменение* их нравов (выделено мною. — *Н.Я.*), которое одинаково привело к потере, как Спартой, так и Римом свободы, не допускает таких определений как упадок, или прогресс» [20: р. 293]. Причина гибели античных республик, по мнению Монтегю, не в форме, которую принимали нравы, характеризующие современниками как «испорченные». Монтегю согласен лишь с тем, что роскошь, богатство или коррупция являются общим признаком, «формой губительного пути», но для него гораздо важнее

определить причины, которые толкнули на этот путь каждую из античных республик.

Ход рассуждений сначала подводит Монтегю к мысли о существовании у каждой республики своей причины, толкавшей к общей «форме губительного пути». Так, в отношении причин гибели Римской Республики Монтегю возражает Дионисию Галикарнасскому: «Я заметил, что разрушение Карфагена, по определению этого изящного историка, следует считать отправной точкой, ускорившей вырождение. Поскольку, согласно его аргументации, они (римляне. — *Н.Я.*) могли затем позволить себе полную свободу предаться опрометчивому действию своих страстей, без ограничения или страха. Но эта означенная причина никоим образом не соответствует действию. И хотя это может содействовать в некоторой степени ускорению прогресса роскоши и соответственно разложению их нравов, все же действительная причина их внезапного вырождения была совершенно другой. Римляне основывали свою систему политики с момента возникновения их государства на следующих прекрасных и мудрых принципах: «Страх Божий и твердая вера... Эти принципы вели к уважению и соблюдению законов, умеренность и презрение к богатству были наилучшей защитой от посягательств, несправедливости и притеснения. Таким образом и возникла эта необыкновенная любовь к своей стране, которую, после бога, они рассматривали как главный объект благоговения» [20: р. 295–296]. Как считает Монтегю, «до тех пор, пока нравы римлян определялись этим великим религиозным принципом, они были свободны и непобедимы» [20: р. 298]. «Но этическая доктрина Эпикура, которую он внес в Рим под уважаемым именем философии... подорвала и разрушила этот господствующий принцип. Я допускаю, что роскошь, благодаря разложению нравов, ослабляла этот принцип и подготавливала римлян к восприятию атеизма, который является надежным спутником роскоши... Но когда проникновение атеизма разрушило этот принцип, великая преграда для коррупции (подкупа) была устранена, и страсти сразу получили свободу действовать в свою полную силу беспрепятственно и бесконтрольно [20: р. 298–299].

Итак, согласно Монтегю, на нравы римлян оказывали влияние религиозные принципы, в результате у римлян и «возникла эта необыкновенная любовь к их стране», но когда атеизм устранил приверженность к религиозным принципам, страсти сразу получили свободу действовать в свою полную силу беспрепятственно и бесконтрольно, т.е. люди стали стремиться к роскоши и богатству. Иными словами, атеизм расчистил дорогу для влияния материального фактора.

Наиболее отчетливо взгляды относительно как общих причин гибели античных государств, так и партийных междоусобиц проявляются у Монтегю в его анализе причин гибели Афин.

Монтегю считал, что именно политическая система, установленная Солоном, и позволяла «создать сильную партию и установить тиранию благодаря существованию значительной части неимущих среди граждан Афин, имеющих

право голоса в Народном собрании» [20: р. 82]. Эта особенность политической системы и позволила Писистрату, ближайшему родственнику Солона, «создать сильную партию среди беднейших граждан под благовидным предлогом облегчить их нужду, и, благодаря подкупу, он приобрел охрану из пятидесяти вооруженных дубинами не только для его личной безопасности, но и с целью захвата крепости». В итоге Писистрат «упразднил демократию и установил единоличную тиранию» [20: р. 82]. По мнению Монтегю, «эта узурпация показывает источник бесконечных раздоров и источник бесчисленных бедствий республики. Писистрат был неоднократно изгнан оппозиционной группировкой и так же часто возвращался с триумфом именно благодаря обману или силе его преобладающей группировки» [20: р. 82–83].

Но главное роковое зло, которое последовало в результате узурпации Писистрата, как подчеркивает Монтегю, состояло в том, что постоянный страх виделся в превосходстве власти, оказавшейся в руках одной личности. «Этот страх, содействуя подозрительности народа, постоянно тревожил его и толкнул его, наконец, в руки группировки демагогов. С тех пор обладание выдающимися добродетелями зачастую считалось непростительным преступлением и квалифицировалось как государственная измена. И демагоги, под влиянием зависти или личных обид, или вследствие подкупа честолюбцев и интриганов, представляли народу истинных патриотов как людей, не внушающих доверия. История Афин изобилует примерами легкомыслия и непостоянства народа. Как часто мы убеждаемся, что наилучших и наиболее талантливых граждан заключали в тюрьму или приговаривали к изгнанию остракизмом» [20: р. 84]. «Это зло было естественным последствием той основной ошибки в политике Солона, когда он отдал высшую власть легкомысленной и непостоянной черни... Удаление всех честнейших граждан в изгнание или на смерть вымостило легкий путь для узурпации и тирании; это было свойственно всем государствам Греции, стремившимся к демократическому правлению, благодаря тем честолюбцам, чьи цели состояли в ниспровержении свободы в их странах» [20: р. 85].

Итак, согласно рассуждениям Монтегю, в основе узурпации, остракизма и упразднения демократии — подкуп, то есть все тот же материальный фактор, который использовался благодаря демократическим процедурам.

Монтегю рассматривает и последствия фракционной борьбы или борьбы группировок в условиях Пелопоннесской войны. «Не только закономерный ход, но и случайности в этой долгой войне, такой роковой для афинян, объясняются отсутствием единства в их Советах и постоянным колебанием в их мерах, происходивших под влиянием честолюбия и фракционности их демагогов [20: р. 89].

Этот вывод Монтегю сделал на основе своего понимания сущности политической борьбы в ходе Пелопоннесской войны. «Так, в начале войны Клеон, шумливый подстрекатель-демагог выступил против Перикла и был постоянно в оппозиции всем его мерам... Когда Перикл был унесен той роковой

чумой, которая почти уничтожила население Афин, зная, ревнуя к влиянию, которое приобрел Клеон над народом, поставила Никия во главе оппозиции... Все его (Никия. — *Н.Я.*) меры были противоположны мерам беспокойного Клеона; когда спартанцы предложили договориться, Клеон убедил афинян выдвинуть такие кабальные условия, что договор был сорван, и война снова возобновилась с усиленной яростью...» [20: р. 90]. «Но поджигатель Клеон, главное препятствие патриотических мер, пал в битве на десятом году войны, переговоры были возобновлены, и на пять лет был заключен мир между афинянами и спартанцами, названный Никиевым. В то время, когда Никий был намерен насладиться добытым успехом, новый и бесконечно более ужасный конкурент начал деятельность, и снова вовлек свою страну и всю Грецию в те же самые бедствия из за своего беспокойного и ненасытного честолюбия» [20: р. 90–91].

Эти закономерности, как считает Монтегю, повторяются и в дальнейших событиях, связанных с фигурой Алкивиада. Анализ этих событий позволяет Монтегю прийти к следующему выводу: «Истинный интерес государства был полностью принесен в жертву эгоистических притязаний и личных выгод каждой из партий» [20: р. 94].

Как уже отмечалось, для XVIII века самым распространенным объяснением мотивов людских поступков были нравы. Однако бедствия Пелопоннесской войны не могли изменить нравы афинян, считает Монтегю. «Ни бедствия войны, ни ужасный мор, небывалый в истории, не были способны повлиять на изменчивые нравы этого непостоянного народа. Демагоги, наблюдавшие за каждым поворотом в настроениях этого непостоянного народа, старались использовать любое обстоятельство в своих честолюбивых целях, получая или сохраняя доминирующую роль в государстве благодаря духу соперничества группировок в этой несчастной республике» [20: р. 89–90].

Анализ событий Пелопоннесской войны подводит Монтегю к выводу, что есть две «доминирующие» страсти: материальные блага и жажда «одобрения» или «доминирования». О первой из побудительных причин как основе действий народа он уже неоднократно упоминал. Вторая, как считает Монтегю, была присуща «лидерам». «Страсть доминирования, возникающая от жадности и честолюбия, ведет людей в каждом государстве, демократическом или аристократическом, воздействовать на внешние события ради благосостояния республики, которые в действительности давали личную выгоду, за которую они все соперничали» [20: р. 88].

Хотя на первый взгляд в основе «доминирования» лежат те же причины, что и у простого народа, однако, по мнению Монтегю, дело обстоит сложнее и не сводится лишь к «эгоистической природе» человеческой природы. «Анализ этих замечательных личностей, исследование целей, которые преследовали все их действия, открывают нам все тайные побуждения. Этот анализ позволяет определить способы достижения целей, а это не только крайне

любопытная, но, по моему мнению, наиболее полезная часть изучения истории» [20: р. 123].

Дальнейшие рассуждения Монтегю относятся к возникновению обычаев и подчеркивают их связь с объективными условиями существования. «Как господствующее, “одобрение” возникает из обычаев народа, это с необходимостью становится господствующим стремлением и продолжает влиять на обычаи последующих поколений... Соответственно существующие обычаи народа, по моему мнению, могут быть исследованы без затруднения, если мы займемся вопросом увеличения или уменьшения хороших или плохих нравов, увековеченных в каком-либо периоде их истории, поскольку большинство людей обычно старается отличиться... быть объектом одобрения» [20: р. 124–125].

Монтегю использует аргументы не только философского, но и исторического характера. «Так, в раннем периоде развития греческих республик необходимость самообороны привела к мужеству и воинственности в настроении людей и, продолжаясь, необходимость превращает это в обычай...» [20: р. 125–126]. «Это стремление постепенно становится главным для каждого, кто стремился к общественному одобрению, это быстро становится обычаем. В целом люди в этих странах были охвачены великодушными принципами общественной добродетели как высшей степени энтузиазма. Богатство тогда уже не привлекало, и все очарование удобств роскоши становилось неизвестным или презираемым... С тех пор эти века рождали патриотов государств и героев [20: р. 126].

Возвращаясь к истории Афин, Монтегю на основе последовательного описания событий, связанных с фигурами Клеона, Перикла, Алкивиада, Никия и мотивов народа в момент организации Сицилийской экспедиции, приходит к выводу, что в это время именно богатство, стремление к материальным благам стало новым объектом одобрения. Этот «новый объект одобрения» вводился новыми вкусами, приводил к роковым изменениям в обычаях афинян, которые становились сопутствующими причинами краха их республики. Но по мере того как нравы афинян становились все более политическими, они становились и все более коррумпированными, и общественные добродетели постепенно переставали быть объектом одобрения и подражания. Это вырождение афинских нравов, которое Плутарх так сильно осуждает, было первым нововведением Перикла...» [20: р. 134–135].

Монтегю конкретизирует материальную основу «нововведения» Перикла следующим образом. Перикл, в огромной степени подчиненный случаю (фортуне) и не будучи в состоянии соперничать с ним (Кимоном. — *Н.Я.*) в либерализме и великолепии, нашел *новый способ* (выделено мною. — *Н.Я.*) привлечь народ к своей группировке. Он заготовил закон, согласно которому каждый гражданин был допущен к распределению общественных денег, не только для присутствия на судебных слушаниях и государственных собраниях, но даже для присутствия на театральных представлениях и публичных

играх и бесчисленных празднествах по случаю жертвоприношений. Так Перикл купил народ его собственными деньгами. Прецедент, с удовольствием принятый коррупцией во всех последующих веках. Этой государственной уловке, не требующей выдающихся способностей, позднейшие министры обязаны их длительным нахождением у власти, которое было приспособлено ими для превращения коррупции в систему» [20: p. 135–136].

Монтегю описал и теоретические принципы исследования, которым обещал следовать в своем историческом труде. Он называет и главную политическую опасность — фракционная борьба. Монтегю считает, что и в его время необходимо защищать не партийные интересы, а искать истинные причины общественных бед. «Озабоченный истиной и не удовлетворенный многочисленными смелыми утверждениями, лишенными доказательств, кроме слов писателей, с чем я ежедневно встречаюсь, я намерен беспристрастно и без партийных предубеждений проверить утверждения, вытекающие из античной истории, к которой с обеих сторон часто обращаются по чисто спекулятивным причинам в политических исследованиях не меньше, чем в научных. Факты и опыт — они одни должны быть основой для выводов: и политический опыт, и факты должны одни быть предметом изучения в истории» [20: p. 5].

История использовалась, по мнению Монтегю, и ранее, но «споры велись не только с жаром, но даже и со злобой. Применялись софистические придирки с неприличными персональными экивоками и обвинениями в нечестном отношении, часто использовались также неверные утверждения... Исторические факты были плохо представлены или из них делались неверные выводы; история античных народов описывалась в общих выражениях, без обозначения различных периодов, не отличая некоторых значимых изменений в обычаях или конституциях этих народов...» [20: p. 5].

Монтегю подчеркивает значимость и необходимость обращения к первоисточникам: «Определенный вывод для меня: я тщательно читаю истории о наиболее знаменитых республиках античности на их оригинальных языках. Они более объективны, чем комментарии или переводы; этот период истории более всех полезный и наиболее интересный для англичан» [20: p. 5–6]. Монтегю считает необходимым снабдить свой труд ссылками на источники: «Каждый читатель имеет право судить самостоятельно, я добавлял на полях к словам авторов книгу, страницу, имя и дату уважаемого издания, которое я использовал» [20: p. 6–7].

Итак, не общие размышления о «природе» человека, а анализ ее в конкретных общественных условиях, определяемых материальными факторами, — такова, на наш взгляд, идейно-теоретическая основа исследования Монтегю. Другими словами, мнение о рационализме, как главной черте всех просветителей, а также обвинения историков-просветителей в антиисторизме были основаны на их привлечении в качестве исследуемого объекта человека «внеисторического», абстрактного индивидуума [2: с. 311] — не находит подтверждения в отношении некоторых английских историков античности

эпохи Просвещения. Как представляется, у Э. Монтегю налицо стремление совместить философские и исторические принципы, идти путем, который позже был сформулирован Вольтером — писать «философскую историю». Более того, Монтегю вполне можно отнести к тем историкам и мыслителям Просвещения, у которых «в некоторой степени проявилось понимание роли материального фактора...» [12: с. 19]. Достаточно очевиден еще один вывод: теоретические построения Монтегю основаны скорее на политических, нежели философских уроках истории.

Литература

1. *Барг М.А.* Болингброк и английское Просвещение // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. 340 с.
2. *Барг М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
3. *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М. – Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. 367 с.
4. *Виноградов К.Б.* Очерки английской историографии Нового и новейшего времени. Л.: ЛГУ, 1959. 97 с.
5. Историография истории Нового времени стран Европы и Америки : учеб. пособие для вузов по спец. «История» / А.В. Адо [и др.]; под ред. И.П. Дементьева. М.: Высш. шк., 1990. 512 с.
6. Историография Нового времени стран Европы и Америки / Под ред. Б.Г. Вебера, И.С. Галкина, И.П. Дементьева, Н.Е. Застенкера, А.Д. Колпакова. М.: МГУ, 1967. 672 с.
7. *Лабутина Т.Л.* Английское Просвещение как идейный источник энциклопедизма во Франции / Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета / Отв. ред.: Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. 421 с.
8. *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М.: Наука, 2005. 458 с.
9. *Милашевская Т.А.* Уильям Митфорд и начало торийской историографии античности в Англии: дис. ... канд. ист. наук. Казань: Казан. гос. ун-т, 1979. 190 с.
10. *Немировский А.И.* Историография античности в XIV–XVIII вв.: Курс лекций. Воронеж: ИПЦ Воронежского государственного ун-та, 1972. 66 с.
11. Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / Под ред. Н.М. Мещеряковой. М.: Кн. дом, 2002. 383 с.
12. *Смоленский Н.И.* Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии: круглый стол в Московском государственном областном университете. Вступительное слово // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2011. № 3.
13. *Фролов Э.Д.* Предисловие к новому русскому изданию «Истории упадка и разрушения Римской империи Эдуарда Гиббона // Э. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. Т. 1. СПб., 1997. 432 с.
14. *Яснитский Н.А.* Проблема падения Римской империи. Эдуард Гиббон: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 30 с.
15. *Angus-Butterworth* Angus-Butterworth L.M. Ten master Historians, Aberdeen the University Press, Scotland. 1961. 216 p.

16. *Black J.B.* «Gibbon», in *The Art of History: A Study of Four Great Historians of the Eighteenth Century*. Ann Arbor, Michigan, 1961. 143 p.
17. *Bond H.L.* *The literary Art of Edward Gibbon*. Oxford: Clarendon Press, 1960. 167 p.
18. *Lossky A.* *Gibbon and the Enlightenment.// The transformation of the Roman World: Gibbon's problem after Two Centuries*. Berkeley: Univ. of California Press, 1966. 323 p.
19. *Low D.M.* *Edward Gibbon*. London: Chatto & Winds, 1937. 384 p.
20. *Montagu E.W.* *Reflection on the Rise and Fall of the Ancient republicks adapted to the Present State of Great Britain*. 4 ed. London, Printed for J. Rivington and Sons, T. Longman, S. Crowder, N.Cadell, T. Becket, and W. Fox. M DCC LXXVIII (1778). 392 p.
21. *Morison J.C.* *Gibbon*. English Men of Letters series. London and New York: Harper & Bros., 1878. 184 p.
22. *Roberts J.T.* *The Antidemocratic Tradition in Western Thought*. Princeton University Press. 1994. 426 p.
23. *The Enlightenment in national context*. Edited by Roy Porter and Mikulas Teich. Cambridge University Press, 1981. 288 p.
24. *The transformations of Roman world: Gibbon's problem after two centuries*. Berkeley: Univ. of California Press, 1966. 323 p.

References

1. *Barg M.A.* Bolingbrok i anglijskoe Prosveshhenie // Bolingbrok. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii. M.: Nauka, 1978. 340 s.
2. *Barg M.A.* E'poxi i idej: Stanovlenie istorizma. M.: Mysl', 1987. 348 s.
3. *Vajnshtejn O.L.* *Istoriografiya srednix vekov v svyazi s razvitiem istoricheskoy my'sli ot nachala srednix vekov do nashix dnei*. M. – L.: Gosudarstvennoe social'no-e'konomicheskoe izd-vo, 1940. 367 s.
4. *Vinogradov K.B.* *Ocherki anglijskoj istoriografii Novogo i novejshego vremeni*. L.: LGU, 1959. 97 s.
5. *Istoriografiya istorii Novogo vremeni stran Evropy' i Ameriki : ucheb. posobie dlya vuzov po spec. «Istoriya» / A.V. Ado [i dr.]; pod red. I.P. Dement'eva*. M.: Vy'ssh. shk., 1990. 512 s.
6. *Istoriografiya Novogo vremeni stran Evropy' i Ameriki / Pod red. B.G. Vebera, I.S. Galkina, I.P. Dement'eva, N.E. Zastenker, A.D. Kolpakova*. M.: MGU, 1967. 672 s.
7. *Labutina T.L.* *Anglijskoe Prosveshhenie kak idejny'j istochnik e'nciklopedizma vo Francii / Filosofskij vek. Al'manax. Vy'p. 27. E'nciklopediya kak forma universal'nogo znaniya: ot e'poxi Prosveshheniya k e'poxe Interneta / Otv. red.: T.V. Artem'eva, M.I. Mikeschin*. SPb.: Sankt-Peterburgskij Centr istorii idej, 2004. 421 s.
8. *Labutina T.L.* *Kul'tura i vlast' v e'poxu Prosveshheniya*. M.: Nauka, 2005. 458 s.
9. *Milashevskaya T.A.* *Uil'yam Mitford i nachalo torijskoj istoriografii antichnosti v Anglii: dis. ... kand. ist. nauk*. Kazan': Kazan. gos. un-t, 1979. 190 s.
10. *Nemirovskij A.I.* *Istoriografiya antichnosti v XIV–XVIII vv.: Kurs lekcij*. Voronezh: IPC Voronezhskogo gosudarstvennogo un-ta, 1972. 66 s.
11. *Obshhestvenno-politicheskaya my'sl' evropejskogo Prosveshheniya / Pod red. N.M. Meshheryakovoj*. M.: Kn. dom, 2002. 383 s.
12. *Smolenskij N.I.* *Mnogofaktorny'j podxod k izucheniyu istorii kak problema metodologii: krugly'j stol v Moskovskom gosudarstvennom oblastnom universitete*.

Vstupitel'noe slovo // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki». 2011. № 3.

13. *Frolov E'.D.* Predislovie k novomu russkomu izdaniyu «Istorii upadka i razrushe-niya Rimskoj imperii E'duarda Gibbona // E'. Gibbon. Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoj imperii: v 7 t. T. 1. SPb., 1997. 432 s.

14. *Yasnitskij N.A.* Problema padeniya Rimskoj imperii. E'duard Gibbon: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2002. 30 s.

15. *Angus-Butterworth Angus-Butterworth L.M.* Ten master Historians, Aberdeen the University Press, Scotland. 1961. 216 p.

16. *Black J.B.* «Gibbon», in *The Art of History: A Study of Four Great Historians of the Eighteenth Century.* Ann Arbor, Michigan, 1961. 143 p.

17. *Bond H.L.* The literary Art of Edward Gibbon. Oxford: Clarendon Press, 1960. 167 p.

18. *Lossky A.* Gibbon and the Enlightenment.// *The transformation of the Roman World: Gibbon's problem after Two Centuries.* Berkeley: Univ. of California Press, 1966. 323 p.

19. *Low D.M.* Edward Gibbon. London: Chatto & Winds, 1937. 384 p.

20. *Montagu E.W.* Reflection on the Rise and Fall of the Ancient republicks adapted to the Present State of Great Britain. 4 ed. London, Printed for J. Rivington and Sons, T. Longman, S. Crowder, N.Cadell, T. Becket, and W. Fox. M DCC LXXVIII (1778). 392 p.

21. *Morison J.C.* Gibbon. English Men of Letters series. London and New York: Harper & Bros., 1878. 184 p.

22. *Roberts J.T.* The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton University Press. 1994. 426 p.

23. *The Enlightenment in national context.* Edited by Roy Porter and Mikulas Teich. Cambridge University Press, 1981. 288 p.

24. *The transformations of Roman world: Gibbon's problem after two centuries.* Berkeley: Univ. of California Press, 1966. 323 p.

N.A. Yasnitsky

Theoretical Basis of Ancient History in the Work of English Historian and Representative of the Enlightenment Edward Montagu

The article attempts to determine the ideological and theoretical positions of Edward Montagu, the historian of the XVIII century. Edward Montagu's work «Reflections on the Rise and Fall of the Ancient republics», published in 1759, was devoted to the problems of ancient history. This work did not become the subject of much attention neither in XIX nor in XX centuries. The author comes to the conclusion that E. Montagu, expounding the history of the ancient republics, proceeded from the crucial role of material circumstances, as in the general course of history, and also in the fates of the states, in individual events and people's behaviour that indicates a significant peculiarity of English historical thought of the period of Enlightenment.

Keywords: English Enlightenment; historiography; antiquity.

М.В. Барабанов

ФРГ и «посткоммунистические» экономические преобразования в странах Вышеградской группы в конце XX – начале XXI века

В статье идет речь о месте восточноевропейских стран Вышеградской группы во внешней политике Федеративной Республики Германии; определяется роль ФРГ в «посткоммунистических» экономических преобразованиях в Польше, Венгрии, Чехии и Словакии; отмечается совпадение национальных интересов стран Вышеградской четверки и геополитических и геоэкономических интересов ФРГ.

Ключевые слова: страны Вышеградской группы; «посткоммунистические» преобразования; внешняя политика; геополитические и геоэкономические интересы; внешняя торговля; рыночные реформы.

Радикальные перемены, начавшиеся после краха социализма в Польше, Чехии, Словакии и Венгрии, входивших в так называемую Вышеградскую группу, или Вышеградскую четверку, в немалой степени были связаны с Федеративной Республикой Германии¹.

После объединения с ГДР (а некоторые российские исследователи считают это объединение «поглощением» или даже «аншлюсом» [1]) ФРГ стала занимать 3-е место в мире по объему внутреннего валового продукта (ВВП) и объему промышленного производства. Она превратилась в первое государство Европы по количеству проживающих в нем жителей и в третье европейское государство по занимаемой площади [15: с. 10].

Политические элиты ФРГ не скрывали своих намерений еще больше усилить свои позиции в Европе, не скрывали и свои притязания на высокое место в мире и особую роль в международной жизни [6: с. 5].

Одним из базовых направлений во внешней политике ФРГ являлось расширение сотрудничества со странами Восточной Европы (ВЕ), оказание помощи новым властям этих стран, как справедливо утверждал российский исследователь С. Романов в 1991 году, в проведении «посткоммунистических» преобразований [12: с.74–80].

¹ Вышеградская группа (или Вышеградская четверка) — это объединение, созданное Польшей, Чехией, Словакией и Венгрией в начале 90-х гг. прошлого века для совместных действий в целях скорейшей интеграции в европейские экономические и евроатлантические военные структуры.

Особое внимание ФРГ уделяла Польше, Чехии, Венгрии и Словакии. Это «внимание» не было новым. Еще до крушения социализма названные страны воспринимались ФРГ как «естественное поле» немецких интересов, замечает отечественный исследователь Н.П. Шелудченко [15: с. 11]. Правда, в 70-е – первой половине 80-х годов XX века доля ФРГ во внешнеторговом обороте с социалистическими странами — Польшей, Венгрией и Чехословакией — была незначительной — менее 1 % с каждой из стран [17: с. 266, 593].

Но сотрудничество ФРГ с социалистическими странами не ограничивалось торговлей. Предприятия Венгрии, Польши и Чехословакии активно участвовали в производственной кооперации с западногерманскими компаниями, в результате чего в экспорте этих стран в ФРГ преобладала готовая продукция [10: с. 91].

Ситуация кардинальным образом меняется в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, когда Польша, Чехословакия и Венгрия переходят к рыночным преобразованиям. Фирмы ФРГ начинают предпринимать громадные усилия для завоевания их рынков сбыта. Доля ФРГ во внешнеторговом обороте с этой тройкой стран вырастает до 2 % (с каждой из них) [18: с. 303].

Изучение динамики экспорта и импорта Польши, Чехии, Венгрии и Словакии показывает, что активное развитие их внешней торговли с Германией наблюдалось уже с начала 1990-х годов. В течение всех 90-х годов XX века было реализовано до 80 % возможного потенциала торгово-экономического сотрудничества [13: с. 22].

Усилия германских фирм были направлены не только на расширение рынков сбыта в восточноевропейских государствах, но и предполагали активную инвестиционную деятельность в Польше, Венгрии и Чехословакии. Германия занимала лидирующую позицию среди развитых стран по инвестированию в страны ВЕ.

Правительство Г. Коля всячески поощряло усилия немецкого бизнеса по расширению прямых инвестиций в названные страны. ФРГ в рассматриваемые годы, отмечает российский исследователь А.В. Кузнецов, входила в число пяти стран-лидеров «по накопленным прямым капиталовложениям за рубежом» [9: с. 32–41]. Немецкие банки и фирмы захватили лидирующие позиции в странах Вышеградской группы.

Тем не менее не следует преувеличивать масштаб инвестиций ФРГ в страны Восточной Европы в 1990-е годы. Тогда почти 80 % германских ПИИ приходилось на развитые индустриальные страны — Францию, Швейцарию, Бенилюкс, Великобританию и Северную Америку [3: с. 22].

Затем географическая структура немецких инвестиций за рубежом, пишет отечественная исследовательница Е.А. Былкова, претерпевает определенные подвижки; приоритет переходит к странам Восточной Европы [3: с. 24], а конкретнее — к странам Вышеградской группы.

В первые годы реформ (1989–1991 гг.) в странах Вышеградской четверки основная часть германских прямых инвестиций направлялась в совместные предприятия. Немецкие фирмы считали, что не следует реконструировать

устаревшие социалистические предприятия; экономически выгоднее, по их мнению, было создавать новые.

Однако немецких инвесторов и предпринимателей в начале 90-х годов пугала возможность возврата коммунистических сил к власти. Поэтому они ограничивали долю своего участия в совместных проектах до 50 %. С одной стороны, это снижало риски, с другой, контроль над предприятиями оставался действенным.

В начале 90-х годов концерн «Фольксваген» приобретает 31 % акций автомобильной фирмы «Шкода» в Чехословакии за 600 млн марок. Тот же немецкий концерн покупает контрольный пакет акций (более 100 млн марок) автомобильного предприятия в Братиславе.

В Венгрии германские предприниматели вложили 70 млн марок в пакет акций одного из будапештских отелей. Фирма ФРГ «Мессер Грисхайм» приобрела за 20 млн марок 51 % акций предприятия «МГ Хунгарогаз», находившегося в Будапеште. Еще одна немецкая фирма «Браас унд Ко.» за 13 млн марок выкупила 22,1 % акций химкомбината в Мишкольце [10: с. 99].

С течением временем некоторые фирмы ФРГ выкупили долю своих партнеров в странах Вышеградской группы. Так, в 1994 году концерн «Фольксваген» стал единоличным владельцем автозавода в словацкой Братиславе, а в 2000 году приобрел чешскую фирму «Шкода», уплатив за последний пакет акций 650 млн марок.

В странах Вышеградской четверки создавались новые крупные фирмы, полностью принадлежащие немецким владельцам. Так, в 1994 году фирма «Ауди Хунгария Мотор» построила в венгерском городе Дьёре завод по сборке автомобилей и выпуску двигателей.

В целом в 1994–1999 годах в Венгрию поступило германских ПИИ² на 1,6 млрд марок, что составило более 15% всех прямых германских капиталовложений за рубежом [10: с 95].

Конечно, приток германских ПИИ в страны Вышеградской группы способствовал передаче «ноу-хау» предприятиям этих стран, обучению специалистов в ФРГ, насыщению рынков качественными и необходимыми товарами, наконец, росту занятости в регионе.

С увеличением германских ПИИ, с интенсификацией торговли ФРГ с предприятиями Польши, Чехии, Словакии и Венгрии развивался процесс постепенной интеграции их экономик в Единое европейское экономическое пространство еще до официального вступления названных стран в Европейский Союз (ЕС).

Надо заметить, что, преследуя отдаленные геополитические и геоэкономические интересы, Германия шла даже на определенные издержки. Инвестиции в страны ВЕ, где заработная плата была, безусловно, ниже на несколько порядков, чем в ФРГ, наносили определенный удар по немецкому рынку

² Прямые иностранные инвестиции.

труда. За период с 1992 по 2000 год число занятых на зарубежных предприятиях, принадлежащих германскому капиталу, выросло на 1,85 млн человек, при этом занятость в самой ФРГ сократилась [3: с. 28].

Особенностью экономических связей ФРГ с восточноевропейскими странами была сильная дифференциация этих стран; явно просматривается особый интерес Германии к Вышеградской четверке. Этот интерес проявлялся в конкретных цифрах объема внешнеторгового сотрудничества: на долю ФРГ приходилось более 40 % внешней торговли Польши и Словакии и более 60 % торгового оборота Чехии и Венгрии [10: с. 94].

Распределение германских ПИИ в начале 2000-х годов в страны Вышеградской группы в сравнении с другими бывшими социалистическими странами выглядело следующим образом [10: с. 93].

Страна	ПИИ, млн евро	Доля ФРГ, %	ПИИ на душу населения, евро
Польша	7221	21,1	187
Венгрия	6811	33,7	680
Чехия	6701	30,3	652
Словакия	1647	34,8	305
Болгария	296	9,2	37
Румыния	416	6,3	19
Словения	384	13,4	193

Избирательность и неравномерность распределения экономической помощи Вышеградской четверке проявлялась и в границах одной страны, что объяснимо эффектом соседства и культурно-исторической близости. Например, в Польше на приграничные с ФРГ территории, большинство из которых входили до 1945 года в состав Германии, приходилось около одной трети экспорта и одной четверти импорта. При том, что на этих приграничных территориях проживала лишь одна пятая часть населения Польши. Познань, Гданьск, Катовице, исторически связанные в свое время с Германией, также были объектами «благодарной помощи» ФРГ [10: с. 95].

Но не только принцип территориального соседства и культурно-исторической близости лежал в основе дифференцированного подхода ФРГ к экономическому сотрудничеству с постсоциалистическими странами. Учитывался также уровень развития экономики страны-реципиента в целом и ее отраслевой структуры в частности, принимались во внимание специализация страны, емкость внутреннего рынка и т.д.

Та же Польша, к примеру, была одной из самых развитых стран ВЕ, обладала самым большим и емким рынком сбыта. Ее население превосходило, скажем, румынское в 1,7 раза [10: с. 97].

Специализация стран Вышеградской группы определяла их место во внешней торговле с Германией. ФРГ привлекало развитое станкостроение в Чехии, производство угля и кокса в Польше.

В 90-е годы, благодаря немецким инвестициям, специализация некоторых стран или заметно утвердилась или значительно изменилась. К примеру, поступления ПИИ от концерна «Фольксваген» в Чехию и Словакию способствовали быстрому развитию в этих странах автомобильной отрасли. Инвестиции из ФРГ помогли Венгрии модернизировать свою электротехническую и электронную промышленность.

Польша, Чехия, Венгрия и Словакия со временем вошли в число лидеров по поставкам текстильной продукции в ФРГ. В 2000 году 2/3 этого сегмента импорта ФРГ обеспечивали страны ВЕ, в том числе Польша — 17,6 %, Чехия — 14,0 %, Венгрия — 5,9 %, Словакия — 4,3 % [10: с. 97].

Наконец, важное значение для налаживания широкого экономического сотрудничества ФРГ со странами Вышеградской группы имели успехи рыночных преобразований, темпы приватизации, развития банковского и страхового секторов, формирование либеральной нормативно-правовой базы внешнеэкономических отношений. К примеру, в Венгрии закон, регулировавший порядок получения зарубежных инвестиций и их использования, был принят еще в 1988 году, тогда как в других восточноевропейских странах — значительно позже.

Радикальные экономические реформы, проведенные в странах Вышеградской группы при поддержке Запада, и прежде всего Германии, довольно быстро вывели эти страны из трансформационного спада; ВВП Польши стал расти уже с 1992 года, Чехии — с 1993 года, Венгрии — с 1994 года [7].

В 1997 году прирост валового внутреннего продукта в Венгрии составил 4,6 %, в 1998 году — 4,9 %, в 2000 году — 5,2 %. Объем ВВП к 2000 году достиг уровня 1989 года и даже превысил его на 4 %. Впервые за много лет стала сокращаться внешняя задолженность страны: в июле 1995 года она достигла своего пика, составив 33 млрд долл., а уже в 1997 году сократилась почти на 10 млрд [14: с. 95].

Экономическое оживление, первые симптомы которого были отмечены в Польше в 1992–1993 годы, стало потом устойчивым процессом. В 1995 году рост ВВП достиг рекордного уровня в 7 % [16: с. 37].

В Чехии рост ВВП в начале нулевых годов составлял 7,4 %; средний показатель инфляции не превышал 2,4 %; число безработных — 7,9 % [2: с. 141].

Словакия вышла из международной изоляции, добилась рекордных инвестиций в экономику и высоких темпов роста ВВП — 4,4 % в 2002 году [4: с. 57], причем 87 % ВНП было получено в частном секторе. ВВП на душу населения в этой стране составил 6,22 тыс. долл., инфляция — 3,4 % [5].

Расширение ЕС на Восток было одним из главных приоритетов внешней политики ФРГ. По мнению отечественной исследовательницы А.С. Сербиной для Германии вступление стран Восточной Европы в Евросоюз связывалось с реализацией целого комплекса политических и экономических интересов.

Во-первых, ФРГ рассматривала восточноевропейские государства как составную часть общеевропейской цивилизации, поэтому их вхождение в Евросоюз воспринималось как «окончательное воссоединение Европы». Во-вторых, утверждает А.С. Сербина, идея успешно продвигалась благодаря безусловному стремлению Германии развивать сотрудничество в экономической, торговой и инвестиционной сферах [13: с. 26].

Нельзя не отметить также важный факт взаимного стремления к политическому и экономическому сближению. Страны ВЕ связывали с процессом евроинтеграции «надежды на свое будущее богатство и благополучие» [11: с. 66; 15: с. 15].

Расширение ЕС за счет стран Вышеградской четверки кроме экономических приносило ФРГ и существенные политические выгоды; Германия приобретала еще больший международный вес [8: с. 27].

В начале XXI века у ФРГ в отношениях с некоторыми странами Вышеградской четверки проявились некоторые осложнения, обусловленные, как считает А.С. Сербина, «деструктивными факторами». По мнению исследовательницы, первый из них связан с непростыми двусторонними отношениями в прошлом; второй — с различием в подходах к современному развитию европейской интеграции [13: с. 27].

В Польше вновь звучали обвинения в адрес Германии за преступления времен Второй мировой войны. В свою очередь в Германии оживилась дискуссия по вопросу «перемещенных лиц» и их имущества, вновь заговорили о «судетском вопросе», возникли требования отменить декреты Бенеша.

Что же касается взглядов на будущее европейской интеграции, Польшу и Чехию не устраивал проект Конституции ЕС, они видели в нем ограничение прав малых стран.

Более «сговорчивыми» партнерами ФРГ стали Венгрия и Словакия, в большой степени потому, что не имели с Германией таких острых и болезненных вопросов в историческом прошлом [13: с. 28].

Возникшие проблемы в отношениях Германии с Польшей и Чехией, тем не менее, не могли затормозить, а тем более остановить успешное экономическое и инвестиционное сотрудничество в рамках европейской интеграции.

Итак, в заключение отметим: в конце 90-х – начале 2000-х годов ФРГ успешно развивала особые экономические отношения со странами Вышеградской группы. Во многом благодаря этому Польша, Чехия, Венгрия, Словакия успешно завершили «посткоммунистическую» трансформацию.

В данном случае можно говорить о совпадении национальных интересов стран Вышеградской группы и геополитических и геоэкономических интересов Федеративной Республики Германии.

Литература

1. *Ахтамзян А.А.* Объединение Германии или аншлюс ГДР к ФРГ: в 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во МГИМО, 1994. 108 с.
2. *Барабанов М.В., Горбаченко М.В., Жиряков И.Г.* Роль и место политических партий в формировании высших институтов государственной власти и их деятельность в странах Восточной Европы в условиях «посткоммунистической» трансформации. М.: МГГУ им. Шолохова – МГОУ, 2013. 232 с.
3. *Былкова Е.А.* Германия в международной миграции в форме прямых инвестиций: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 29 с.
4. *Водичка К.* Словакия на пороге Европейского Союза // Свободная мысль. 2004. № 3. С. 50–62.
5. *Борисов А.* Чехия — не Словакия // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 30 июня.
6. *Воробьева Л.М.* Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. М.: РИСИ, 2000. 358 с.
7. *Герасимова Р.Г.* Сравнительный анализ экономического развития и рыночных реформ в странах с переходной экономикой в 1990–2009 годы: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 29 с.
8. *Иорданская Э.* Расширение ЕС на Восток: позиция Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 67–74.
9. *Кузнецов А.В.* Германский капитал за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 10. С. 32–41.
10. *Кузнецов А.В.* Мировозьяственные связи германских компаний. М.: ИМЭМО РАН, 2004. 124 с.
11. *Максимычев И.Ф.* «Восточная политика» единой Германии: итоги первого десятилетия. М.: Экслибрис-Пресс, 2001. 71 с.
12. *Романов С.* Германия в балтийском регионе // Международная жизнь. 1991. № 1. С. 74–80.
13. *Сербина А.С.* Политика Германии в отношении стран Центральной и Восточной Европы в связи с расширением ЕС: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 29 с.
14. *Усиевич М.А.* Десятилетие реформ в Венгрии. 90-е годы XX в. // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 80–97.
15. *Шелудченко Н.П.* Новая «восточная политика» ФРГ в 1990-е – 2005 гг. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2013. № 1. С. 10–16.
16. *Яжборовская И.С.* Динамическая стабилизация. Социал-демократическая альтернатива в Польше // Свободная мысль. 1999. № 12. С. 34–45.
17. Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. Bonn. 1982. 840 s.
18. Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. Bonn. 1997. 630 s.

References

1. *Axtamzyan A.A.* Ob'edinenie Germanii ili anshlyus GDR k FRG: v 2 ch. Ch. 1. M.: Izd-vo MGIMO, 1994. 108 s.
2. *Barabanov M.V., Gorbachenko M.V., Zhiryakov I.G.* Rol' i mesto politicheskix partij v formirovanii vy'sshix institutov gosudarstvennoj vlasti i ix deyatel'nost' v stranax Vostochnoj Evropy' v usloviyax «postkommunisticheskoy» transformacii. M.: MGGU im. Sholoxova – MGOU, 2013. 232 s.

3. *By'lkova E.A.* Germaniya v mezhdunarodnoj migracii v forme pryamy'x investicij: avtoref. dis. ... kand. e'kon. nauk. M., 2008. 29 s.
4. *Vodichka K.* Slovakiya na poroge Evropejskogo Soyuza // *Svobodnaya my'sl'*. 2004. № 3. S. 50–62.
5. *Borisov A.* Chexiya — ne Slovakiya // *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 2006. 30 iyunya.
6. *Vorob'eva L.M.* Vneshnyaya politika FRG na poroge XXI veka. M.: RISI, 2000. 358 s.
7. *Gerasimova R.G.* Sravnitel'ny'j analiz e'konomicheskogo razvitiya i ry'nochny'x reform v stranax s perexodnoj e'konomikoj v 1990–2009 gody': avtoref. dis. ... kand. e'kon. nauk. M., 2010. 29 s.
8. *Iordanskaya E'.* Rasshirenie ES na Vostok: poziciya Germanii // *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*. 2002. № 2. S. 67–74.
9. *Kuznecov A.V.* Germanskij kapital za rubezhom // *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*. 2003. № 10. S. 32–41.
10. *Kuznecov A.V.* Miroxozyajstvenny'e svyazi germanskix kompanij. M.: IME'MO RAN, 2004. 124 s.
11. *Maksimy'chev I.F.* «Vostochnaya politika» edinoj Germanii: itogi pervogo desyatiletija. M.: E'kslibris-Press, 2001. 71 s.
12. *Romanov S.* Germaniya v baltijskom regione // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 1991. № 1. S. 74–80.
13. *Serbina A.S.* Politika Germanii v otnoshenii stran Central'noj i Vostochnoj Evropy' v svyazi s rasshireniem ES: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2011. 29 s.
14. *Usievich M.A.* Desyatiletie reform v Vengrii. 90-e gody' XX v. // *Novaya i novejschaya istoriya*. 2002. № 5. S. 80–97.
15. *Sheludchenko N.P.* Novaya «vostochnaya politika» FRG v 1990-e –2005 gg. // *Vestnik MGOU. Seriya «Istorija i politicheskie nauki»*. 2013. № 1. S.10–16.
16. *Yazhborovskaya I.S.* Dinamicheskaya stabilizaciya. Social-demokraticheskaya al'ternativa v Pol'she // *Svobodnaya my'sl'*. 1999. № 12. S. 34–45.
17. *Statistisches Jahrbuch fur die Bundesrepublik Deutschland*. Bonn. 1982. 840 s.
18. *Statistisches Jahrbuch fur die Bundesrepublik Deutschland*. Bonn. 1997. 630 s.

M.V. Barabanov

Germany and Postcommunist Economic Transformations in the Vishegrad Countries at the End of XX – Beginning of XXI Centuries

The topic of the article is the place of the Eastern European countries of the Vishegrad group in the foreign policy of the Federal Republic of Germany. The author defines the role of Germany in “postcommunist” economic transformations in Poland, Hungary, the Czech Republic and Slovakia. He points out a coincidence of national interests of the Vishegrad countries and the geopolitical and geoeconomic interests of Germany.

Keywords: countries of the Vishegrad group; “postcommunist” transformations; foreign policy; geopolitical and geoeconomic interests; foreign trade; market reforms.

**И.Г. Жиряков,
М.В. Макаренко**

Завершение «австрийского пути» в ЕС; сторонники и противники евроинтеграции

В статье рассматривается завершающий этап «австрийского пути» в Европейский Союз, изучается дискуссия сторонников и противников евроинтеграции в Австрийской Республике, развернувшаяся в стране в конце 80-х – начале 90-х годов прошедшего столетия.

Ключевые слова: «австрийский путь»; европейская интеграция; ЕЭС; ЕС; экономическая политика; политика постоянного нейтралитета; СПА; АНП; АПС; референдум.

Австрийская Республика, как известно, стала членом Европейского Союза (ЕС) в 1995 году. Движение Австрии в европейские интеграционные структуры, начатое в 50-е годы XX века, в силу его своеобразия получило в научной и политической литературе название «австрийский путь».

В альпийской республике долгие годы шла дискуссия по вопросу вхождения страны в Европейское Экономическое сообщество (ЕЭС), а затем — в Европейский Союз. В центре дискуссий была проблема экономических, социальных и политических последствий этого возможного вхождения.

Австрийские сторонники членства в ЕС пытались убедить своих сограждан в том, что участие страны в европейском интеграционном процессе — это объективная экономическая и политическая данность, реальное понимание экономического и политического развития Европы в целом и альпийской республики, в частности.

Противники интеграции Австрии в ЕС (а таких в стране было немало) указывали, в основном, на возможные угрозы политике постоянного нейтралитета страны, негативные последствия передачи своих, пусть даже некоторых, национальных политических и экономических полномочий некоему «европейскому центру» [7: с. 5].

Во второй половине 80-х годов XX века в австрийской экономике особо болезненно проявились последствия изолированности от европейского интеграционного процесса [15: с. 56]. Представители бизнеса, ведущих политических партий говорили об экономических потерях, доказывали необходимость скорейшего присоединения Австрии к ЕЭС.

Выступавшие за интеграцию политики и экономисты считали необходимым определиться по трем главным направлениям: 1. Шансы и риски австрийской

экономики в условиях объединенного европейского рынка; 2. Характер ожидаемых изменений в структуре предпринимательской деятельности в Австрии; 3. Возможные масштабы воздействия ЕС на австрийскую экономическую политику [13: с. 7].

В указанные годы в Австрии было много сторонников полной интеграции страны в Европейском сообществе, однако было и немало противников этого процесса. На прямой вопрос: «Насколько важно, по вашему мнению, присоединение Австрии в какой-либо форме к Европейскому сообществу?», задаваемый в конце 80-х годов XX века, ответы внутри страны были следующими: очень важно — 20 %; важно — 34 %; не очень важно — 14 %; совсем не важно — 5 %; не знаю — 5 %.

Таким образом, 24 % опрошенных австрийцев высказывались против присоединения Австрии к ЕЭС или не определились в своем выборе [16: с. 109].

В июле 1989 года правительство Австрии подало заявку о вступлении в Европейское Экономическое Сообщество [14: с. 74], в которой содержалось заверение в традиционной приверженности принципам нейтралитета страны и после ее вхождения в ЕЭС [12: с. 115–116].

Министерство иностранных дел Австрии в докладе, опубликованном 21 ноября 1988 года, считало возможным членство страны в ЕЭС на данных условиях, хотя и признавало, что это совмещение, видимо, будет проходить непросто [14: с. 46–48].

После этого шага правительства Австрии в стране еще сильнее обострилось противостояние сторонников и противников евроинтеграции.

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века австрийские «евроинтегралы», как было тогда принято говорить и писать, «уже не оглядывались» на подписанный 15 мая 1955 года Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии, запрещающий «экономический аншлюс» с Германией, а также на Федеральный Закон о постоянном нейтралитете (принят 26 октября 1955 года).

С объединением Германии в 1990 году Австрия стала отходить от строгого следования политике постоянного нейтралитета; были внесены некоторые поправки к Государственному договору.

В это время происходит, по выражению российского исследователя В.А. Кружкова, и «коррекция внешнеполитической линии Вены»: снижается «международная активность» Австрии «в плане подчеркивания нейтралитета и самостоятельности в оценке событий» и усиливается «европоцентризм» [6: с. 18].

Увереннее стали вести себя и австрийские сторонники евроинтеграции. В определенных политических кругах и бизнес-сообществе Австрии утверждали, что вхождение в ЕЭС непременно позитивно скажется на «хозяйственной динамике», положительно воздействует на экономический рост, увеличит занятость в производстве, ускорит инновационный процесс [13: с. 7].

В начале 90-х годов XX века в связи с подписанием Маастрихтского договора начинается новый этап развития европейской интеграции. И, естественно,

в Австрии оживилась дискуссия по вопросу о членстве страны в ЕС (Новое время. 1994. № 25. С. 21). Этот вопрос стал особо значимым в деятельности политических партий страны.

В те годы у власти находилась «большая коалиция» социалистов и народных. Лидер Социал-демократической партии Австрии (СПА) Франц Враницкий и руководитель Австрийской народной партии (АНП) Эрхард Бусек прилагали громадные усилия, чтобы убедить своих «однопартийцев» и всех соотечественников в необходимости скорейшего вступления Австрийской Республики в Евросоюз.

Против вхождения Австрии в Европейский Союз выступала Австрийская партия свободы (АПС). Лидер этой партии Йорг Хайдер постоянно говорил о том, что, войдя в ЕС, Австрия потеряет свою самостоятельность, национальную идентичность. Он сравнивал Евросоюз с «супер-СССР», где, по его мнению, любой вопрос, пусть даже незначительный, мог быть решен только с согласия Центра, в данном случае — «брюссельских бюрократов».

Й. Хайдер указывал также на неизбежность серьезных проблем, связанных с увеличением потока беженцев и эмигрантов.

Партия австрийских «зеленых» тоже оказалась в лагере противников евроинтеграции из-за опасений распада отлаженной национальной системы охраны окружающей среды [11: s. 304].

Наконец, против вхождения страны в Евросоюз выступала Коммунистическая партия Австрии (КПА), выразившая особо критическую позицию по отношению к процессу интеграции.

В 1992 году в Австрийской Республике состоялись президентские выборы, а в 1994 году — парламентские. В ходе всех обеих предвыборных кампаний одной из важнейших и обсуждаемых стала, естественно, проблема интеграции в ЕС. Австрийская политическая жизнь бурлила дискуссиями о целесообразности или нецелесообразности вступления Республики в ЕЭС [3: с. 448].

Главными аргументами сторонников европейской интеграции были уверения в необходимости и целесообразности вступления Австрии в крупнейшую экономическую организацию Европы с точки зрения национальных интересов. Некоторые специалисты справедливо утверждали, что малым странам, к которым относится и Австрия, в условиях глобализации предпочтительнее и безопаснее сотрудничать с иностранными партнерами по союзу. Они считали, что австрийской промышленности, в силу ее относительно небольшого объема производства, крайне важно быстрее включиться в европейский интеграционный процесс.

Среди сторонников вступления Австрии в ЕС находились крупные компании и фирмы, питавшие надежду на достойное и значительное место для своей продукции на объединенном европейском рынке. Хотя, еще не будучи членом Евросоюза, Австрия успешно развивала на основе двусторонних договоров и соглашений внешнюю торговлю с другими странами, около 60 % австрийского внешнеторгового оборота все же приходилось на ЕС.

Руководители средних и мелких австрийских фирм, ориентированных на развитие специализированного производства, полагали, что в случае вступления Австрии в ЕС у них впервые появилась бы «реальная возможность перемещать часть своего производства за национальные границы» [13: s. 29, 33, 57].

Большие надежды лелеял австрийский аграрный сектор, мечтая о больших субсидиях из Брюсселя.

Молодые австрийцы надеялись на то, что единая Европа откроет перед ними возможности для получения качественного образования и профессиональной карьеры.

Одна из основных целей вступления Австрии в ЕС, по мнению тогдашних австрийских сторонников евроинтеграции, — обеспечить масштабный приток иностранных инвестиций. В рамках европейской интеграции, по их мнению, этого можно было добиться проще, чем на других больших рынках.

Важнейшим фактором повышения конкурентоспособности австрийской продукции, считали сторонники вступления в ЕС, должно было стать создание инфраструктурных предпосылок для эффективного инновационного процесса, без чего невозможно определить конкретные направления промышленной специализации.

Сторонники вступления в ЕС подчеркивали, что научно-технический прогресс становится все более интернациональным; в этой связи необходимо объединение научно-исследовательских, производственных и финансовых ресурсов в международных масштабах [13: s. 12].

В то же время немало австрийских специалистов выражали сомнение в «чудодейственных» последствиях вступления своей страны в ЕС. Они, как, впрочем, и западные исследователи, замечали, что вхождение в Союз может дать дивиденды прежде всего странам, отстающим от «передовиков», ликвидировать значительный экономический разрыв между ними [4: с. 66–71].

Австрия же в середине 90-х годов прошлого века прочно входила как раз в число наиболее успешных стран Европы. И многие австрийцы в этой связи опасались перемен «от добра к неизвестности».

Австрийских «евроскептиков» тревожил ряд сомнений, к примеру, вопросы чрезмерной централизации в Евросоюзе. Вступление в ЕС означало для участника передачу единому наднациональному центру части своих национальных полномочий в решении пусть некоторых, но важнейших направлений экономического, политического и социального развития.

Для австрийского менталитета было трудно принять факт, что источник стратегий и решений перемещается за пределы национальных границ страны. Многие австрийцы опасались утраты национальной политической и экономической самостоятельности.

Австрийских «евроскептиков» тревожили еще и неизбежные структурные изменения и перестройка всего механизма хозяйственно-экономической деятельности страны. Вставал вопрос, насколько болезненно пройдет эта перестройка?

Австрийские противники интеграции опасались также «германизации всей Европы» [7]. Всем европейцам, а не только австрийцам, был очевиден факт лидерства Германии в Союзе. В течение большого исторического периода Австрия была теснейшим образом связана экономическими, культурными и политическими узами с Германией. И не всегда эти отношения складывались в пользу австрийцев. Из национальной памяти последних вычеркнуть «черные страницы» было далеко не просто.

Наконец, австрийских «евроскептиков» тревожили опасения, связанные с возможным снижением уровня социальной защиты населения, поскольку многим тогда казалось, что ЕС будет нивелировать социальную сферу своих участников.

И все же большинство австрийцев поверило в то, что быть членом Евросоюза предпочтительнее, чем находиться за его границами. По-видимому, их убедил еще и такой аргумент сторонников евроинтеграции: даже находясь вне Европейского Союза, Австрия вынуждена будет подстраиваться под его решения; членство же позволяло альпийской республике участвовать в процессе подготовки и выработки решений Брюсселя, то есть оказывать на них открытое влияние.

В конечном счете решение Австрии о вхождении в Европейский Союз было принято в силу ряда факторов. Во-первых, под влиянием внешнеполитической ситуации, сложившейся к тому времени в Европе. Речь идет прежде всего о падении «железного занавеса» между Востоком и Западом. Во-вторых, на принятие положительного решения повлияло понимание позитивной интеграционной динамики внутри ЕС. В-третьих, экономическая ситуация, сложившаяся внутри страны, подталкивала Австрию в Евросоюз [7: с. 5].

Переговоры Австрийской Республики с институтами ЕЭС начались только спустя пять лет после подачи заявки и завершились положительным вердиктом.

В начале мая 1994 года депутаты Европарламента приняли решение о расширении Европейского Союза и рассмотрели вопрос о членстве Австрии. Голосование прошло довольно сложно: из 517 депутатов 374 высказались за полноправное участие Австрийской Республики с 1 января 1995 года [10: с. 323].

5 мая 1994 года был принят Федеральный конституционный закон «О вступлении Австрии в Европейский Союз». В этом законе говорилось о том, что окончательное правовое оформление вступления Австрии может быть только после «утверждения его Национальным Советом и с одобрения Федерального Совета» [8: с. 394]. Одновременно в текст Конституции Австрийской Республики была включена новая глава «Европейский Союз» (23a – 23f)» [1: с. 4–20].

Конечно, принятые документы не явились «полным пересмотром Конституции», как утверждает исследователь Е.А. Водяницкая [5: с. 20]. Но тем не менее с юридической точки зрения было необходимо провести референдум, на котором

австрийцы могли бы выразить свое отношение к Федеральному конституционному закону «О вступлении Австрии в Европейский Союз» [15: s. 56].

Референдум был проведен 12 июня 1994 года. К урнам для голосования пришли 82,3 % австрийцев, имевших право голоса [10: s. 326]. Из них 66,6 % избирателей высказались за вхождение страны в Европейский Союз [12: s. 118].

Руководство Евросоюза накануне референдума «не скупилось на обещания льгот и субсидий». После референдума некоторые австрийские СМИ считали, что соотечественников, скорее всего, «не убедили», а «уговорили» голосовать за вступление в Евросоюз [2: с. 192].

Если говорить об отношении ведущих политических партий страны к главному вопросу референдума, то за вступление ратовали социалисты и народники; против выступали Австрийская партия свободы и коммунисты.

26 октября 1994 года, в день Национального праздника Австрии, Договор о вступлении страны в ЕС был торжественно принят на специальном заседании Кабинета министров и Национального совета [9: s. 338].

11 ноября 1994 года Договор был утвержден Национальным советом: 141 голос «за», «против» — 40; чуть позже присоединение к ЕС одобрил Федеральный совет: 51 голос «за» при 8-ми «против» [9: s. 341]. Этим событием заканчивается юридическое оформление присоединения Австрии к ЕС.

Федеральный канцлер Враницкий утверждал, что вступление Австрии в ЕС — важнейшее событие в истории его страны после 1918 года, когда победила австрийская революция и была образована Первая Австрийская Республика, и 1955 года, когда был подписан Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии и принят конституционный закон о политике постоянного нейтралитета страны.

К сожалению, некоторые опасения австрийских «евроскептиков» после референдума оправдались. По словам посла Австрии в России М. Вуковича, через десять лет после вступления альпийской республики в ЕС популярность этого события среди населения, согласно опросам, снизилась до одной трети (Новые известия. 2006. 22 марта).

И все же решение о вхождении Австрийской Республики в Европейский Союз, несмотря на многочисленные проблемы, принесло стране и народу больше выгод и приобретений, чем потерь.

Литература

1. Конституции государств Европы. Т. 1. М.: Норма, 2001. 824 с.
2. *Ватлин А.Ю.* Австрия в XX веке. М.: Дрофа, 2006. 222 с.
3. *Воцелка К.* История Австрии. Культура, общество, политика / Пер. с нем. В.А. Брун-Цеховского, О.И. Величко, В.Н. Ковалева. М.: Весь Мир, 2007. 512 с.
4. *Делей Я.* Выиграют ли новобранцы от вступления в ЕС? // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 66–71.
5. *Водяницкая Е.А.* Конституционно-правовой механизм внешней политики Австрийской Республики: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2011. 32 с.

6. *Кружков В.А.* Постоянный нейтралитет Австрии: становление, трансформация и перспективы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 28 с.
7. *Медведев В.Б.* Экономические аспекты интеграционной политики Австрии и Финляндии: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2000. 18 с.
8. Bundesverfassungsgesetz über den Beitritt Österreichs zur Europäischen Union, BGBl 1994/744 // Kodex des österreichischen Rechts. Verfassungsrecht, 2008/09. 28 Aufl. – Wien, 2008. S. 394.
9. *Gehler M., Steininger R.* (Hrsg.). Österreich und die europäische Integration 1945–1993. Wien, 1993. 510 S.
10. *Gehler M.* Der lange Weg nach Europa. Vom Ende der Monarchie bis zur EU/ Innsbruck, 2002. 692 S.
11. *Hummer W., Schweitzer M.* Österreich und die EWG. Neutralitätsrechtliche Beurteilung der Möglichkeit der Dynamisierung des Verhältnisses zur EWG, Wien, Signum-Verlag, 1987. S. 560.
12. *Luif P.* Österreich und die europäische Integration // Einsichten und Perspektiven. 2012. № 2. S. 108–125.
13. Österreichs Weg in der EG. Wien. 1988. 324 S.
14. Österreichische Aussenpolitische Dokumentation Jänner 1990: Texte und Dokumente Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten. Wien, 1990. 78 S.
15. *Schaller Ch.* Die innenpolitische EG-Diskussion seit den 80er Jahren, in: Anton Pelinka, Christian Schaller, Paul Luif: Ausweg EG? Innenpolitische Motive einer außenpolitischen Umorientierung, Wien–Köln–Graz. 1994. S. 27–269.
16. Unser Weg in die Europäischen Gemeinschaft. Wien. 1988. S. 325.

References

1. Konstitucii gosudarstv Evropy'. T. 1. M.: Norma, 2001. 824 s.
2. *Vatlin A.Yu.* Avstriya v XX veke. M.: Drofa, 2006. 222 s.
3. *Vocelka K.* Istoriya Avstrii. Kul'tura, obshchestvo, politika / Per. s nem. V.A. Brun-Cexovskogo, O.I. Velichko, V.N. Kovaleva. M.: Ves' Mir, 2007. 512 s.
4. *Delej Ya.* Vy'igrayut li novobrancy' ot vstupleniya v ES? // Sociologicheskie issledovaniya. 2002. № 8. S. 66–71.
5. *Vodyanichkaya E.A.* Konstitucionno-pravovoj mexanizm vneshnej politiki Avstrijskoj Respubliki: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. M., 2011. 32 s.
6. *Kruzhkov V.A.* Postoyannyj nejtralitet Avstrii: stanovlenie, transformaciya i perspektivy': avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2009. 28 s.
7. *Medvedev V.B.* E'konomicheskie aspekty' integracionnoj politiki Avstrii i Finlyandii: avtoref. dis. ... kand. e'kon. nauk. M., 2000. 18 s.
8. Bundesverfassungsgesetz über den Beitritt Österreichs zur Europäischen Union, BGBl 1994/744 // Kodex des österreichischen Rechts. Verfassungsrecht, 2008/09. 28 Aufl. – Wien, 2008. S. 394.
9. *Gehler M., Steininger R.* (Hrsg.). Österreich und die europäische Integration 1945–1993. Wien, 1993. 510 S.
10. *Gehler M.* Der lange Weg nach Europa. Vom Ende der Monarchie bis zur EU/ Innsbruck, 2002. 692 S.
11. *Hummer W., Schweitzer M.* Österreich und die EWG. Neutralitätsrechtliche Beurteilung der Möglichkeit der Dynamisierung des Verhältnisses zur EWG, Wien, Signum-Verlag, 1987. S. 560.

12. *Luif P.* Österreich und die europäische Integration // Einsichten und Perspektiven. 2012. № 2. S. 108–125.
13. Österreichs Weg in der EG. Wien. 1988. 324 S.
14. Österreichische Aussenpolitische Dokumentation Jänner 1990: Texte und Dokumente Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten. Wien, 1990. 78 S.
15. *Schaller Ch.* Die innenpolitische EG-Diskussion seit den 80er Jahren, in: Anton Pelinka, Christian Schaller, Paul Luif: Ausweg EG? Innenpolitische Motive einer außenpolitischen Umorientierung, Wien–Köln–Graz. 1994. S. 27–269.
16. Unser Weg in die Europäischen Gemeinschaft. Wien. 1988. S. 325.

I.G. Zhiryakov,
M.V. Makarenkov

**Completion of «Austrian Way» in the European Union;
 Supporters and Opponents of European Integration**

The article considers the final stage of «Austrian way» in the European Union. The authors study the discussion of supporters and opponents of European integration in the Austrian Republic, unfolded in the country in the late 80's – early 90's of the last century.

Keywords: «Austrian way»; European integration; European Economic Union (EEU); European Union (EU); economic policy; policy of permanent neutrality; Socialist Party of Austria; Austrian People's Party; Austrian Freedom Party; referendum.

Н.А. Лобанов

Окончание «холодной войны» и новые контуры европейской безопасности

После распада Советского Союза вопросы европейской безопасности не потеряли своего значения. В статье говорится, что с исчезновением опасности «холодной войны» открылись определенные перспективы к увеличению сфер международного сотрудничества, но одновременно возникли сложные задачи и новые факторы риска. Возникновение на территории Восточной Европы экономических и политических кризисов не позволило процессу европейской безопасности набрать обороты и практически вернуло Европу к временам «холодной войны».

Ключевые слова: «холодная война»; европейская безопасность; кризис; стабильность; сотрудничество; демократическое развитие.

Еще со времен «холодной войны» разговоры о зоне безопасности в Европе давно уже стали главной темой для ведущих политиков, политологов и ученых. При этом под Европой понимается абстрактное расширенное географическое пространство от Америки до Сибири. После окончания «холодной войны» блок НАТО объявил, что Восток и Запад перестают быть враждебными лагерями и остаются только географическими понятиями. Однако этого не произошло. Сложившиеся за сорок лет противостояния стереотипы пустили глубокие корни. После распада СССР и перехода России в демократическое лоно европейских государств конфронтационное мышление начинало постепенно уступать место кооперационным процессам, которые хоть и медленно, но все же набирали обороты.

По мнению западных аналитиков, блок НАТО на протяжении сорока лет «холодной войны» обеспечивал европейскую безопасность и предотвращал возникновение войны на европейском континенте [1: с. 21]. Сочетая допустимую оборону и диалог, он сыграл определенную роль в мирном разрешении конфронтации между Востоком и Западом. Изменения, происшедшие на стратегическом ландшафте Евроатлантического региона, вызванные окончанием «холодной войны», значительно изменили сферу политики и безопасности. С исчезновением кризисов «холодной войны» открылись определенные перспективы к увеличению сфер международного сотрудничества, но одновременно возникли новые вызовы и новые факторы риска. Набирал обороты процесс формирования измененной, основанной на большей интеграции Европы и создавалась более стабильная структура евроатлантической безопасности.

Новые формы международных контактов, связанные с тесным экономическим сотрудничеством, заметно усилили интеграцию стран Запада с Россией. За годы, прошедшие после окончания «холодной войны», произошли важные события в области контроля над вооружением, что значительно усилило контуры европейской безопасности.

Между тем на территории Европы все еще сохраняется возможность возникновения экономических и политических кризисов, связанных с изменениями геополитической обстановки. В последние годы наблюдалось появление новых сложных факторов риска, которых не существовало ранее в таких масштабах. Межэтнические конфликты и экономические кризисы в отдельных странах Восточноевропейского региона значительно усилились после распада социалистического лагеря и образования новых постсоветских государств.

Противоборство на этнической и религиозной почве, территориальные споры, малоэффективные попытки проведения экономических реформ, нарушения прав человека и распад государств привели к локальной и даже региональной нестабильности. Возникающая в результате этого напряженность наносит ущерб стабильности в Евроатлантическом регионе и даже может привести к вооруженным конфликтам.

Политика Соединенных Штатов Америки, связанная с расширением НАТО на Восток, вызывает опасения России, которая вынуждена выстраивать свою новую систему национальной безопасности. Это усиливает напряженность в отношениях между двумя странами и создает очаги напряженности в Европе. Американские политические лидеры еще со времен «холодной войны» проводят линию на расширение своего военного присутствия в сопредельных с Россией странах. Такая политика толкает Россию на поиски адекватных шагов и приводит к увеличению гонки вооружений. Ни для кого не секрет, что Россия всегда стремилась укрепить свои рубежи, окружив себя странами с дружественными и частично подконтрольными режимами.

История показала, что наращивание вооружений и политическое давление никогда не приносили положительных результатов. Наоборот, политика конфронтации увеличивает обоюдную гонку вооружений и приводит к политическим и военным кризисам. В свое время Рузвельт отмечал, что русские всегда держат свое слово и с ними можно договориться, если, конечно, учитывать их традиционные геополитические интересы. Он надеялся, что Европа и Америка смогут постепенно интегрировать СССР в лоно европейских демократических ценностей и русские перестанут представлять опасность для западной цивилизации. Но этого не произошло. Началась «холодная война», которая отбросила назад мирные инициативы и попытки сближения.

Современные западные историки и политологи придают большое значение развитию государственных демократических институтов, как основного гаранта европейской стабильности и безопасности.

Необходимым условием сохранения европейской безопасности является соблюдение всеми субъектами права экономических и политических интересов

друг друга. Несмотря на сложную, зачастую быстро меняющуюся обстановку, политические лидеры должны учитывать геополитические интересы своих соседей и действовать в соответствии с принятым международным правом. Нарушение этого принципа ведет к эскалации международных как двусторонних, так и многосторонних конфликтов. Важную роль здесь играет приверженность всеобщим ценностям: демократия, права человека и законность. Это позволит обеспечить справедливый и устойчивый порядок в Европе и будет содействовать сохранению мира и стабильности в этом регионе.

Опора на развитие демократических институтов и приверженность к мирному разрешению споров и более тесному партнерству, основанному на экономических и политических интересах, — единственный путь к достижению стабильности в Евроатлантическом регионе. Основа безопасности Европы во многом зависит от организации форумов и консультаций между заинтересованными странами по вопросам, затрагивающим их жизненные интересы.

Прогнозирование возможных событий, вызывающих общую озабоченность и представляющих определенный риск для общей безопасности и координаций усилий по их урегулированию, является важнейшей частью европейского сотрудничества. Общая координация усилий и эффективное предотвращение конфликтов повышают уровень безопасности и предотвращают реальные вызовы и угрозы.

Широкомасштабное партнерство государств Евроатлантического региона возможно только при взаимном доверии, которое может стать основой к успешному совместному сотрудничеству и мирному разрешению споров. Отсутствие этого доверия и двойные стандарты при принятии политических решений вызывают приступы взаимного антагонизма и формируют стереотипы, оказывающие долгосрочное негативное влияние на мировую политику. В обстановке политической неопределенности, порожденной этническими и религиозными конфликтами, только разумное и деликатное сотрудничество, учитывающее интересы всех участников европейского концерта, может создать благоприятные условия для создания единой и свободной Европы в интересах всего демократического сообщества.

Как показывает опыт взаимного сотрудничества, евроатлантическое сообщество должно очень осторожно выстраивать свои партнерские отношения с Россией. От этого во многом зависит европейская безопасность. После распада СССР на множество постсоветских стран большое количество этнических русских оказались на территории других государств. Политика национального притеснения, запрещение преподавания в школах русского языка и другие меры, ущемляющие национальное достоинство, являются благоприятной средой для возникновения этнических и политических конфликтов. Политика Запада, направленная на поощрение противостояния постсоветских стран с Россией, вбивает клин в европейскую безопасность и приводит к политическим конфликтам, которые могут привести к очень серьезным последствиям.

Процессы глобализации цементируют и ускоряют строительство будущего европейского порядка. Размывание сложившихся стереотипов и экономическая целесообразность будущего сотрудничества дают толчок для осмысления новых экономических доктрин и проектов. Европа, лишенная врагов и почти лишенная границ, объединенная единой валютой, всерьез задумывалась над новыми инвестиционными проектами, связанными с Восточной Европой, пока события в Украине не поставили крест на взаимовыгодном сотрудничестве. Западная Европа уже давно должна была понять, что без тесной экономической интеграции с Россией невозможно включение Восточной Европы в общую европейскую интеграцию. Новая экономическая политика, в свое время успешно опробованная в Восточной Германии, могла принести крупные прибыли и спасти Восточную Европу от экономических кризисов. Экономические санкции, принятые против России, значительно сократили совместное сотрудничество и поставили под угрозу саму систему европейской интеграции.

Дальнейшее наращивание стратегических вооружений НАТО, размещенных в Европе, усиливает недоверие и приводит к обоюдной гонке вооружений. Это в свою очередь усиливает опасность эскалации новых конфликтов.

Западная Европа столкнулась с целым пакетом политических и экономических проблем, к которым она пока еще не готова. На этом фоне понятие европейской безопасности приобретает несколько иную окраску. Тому, что сейчас понимается под европейской безопасностью, трудно, если вообще возможно, дать четкое определение. Для подавляющего большинства европейцев понятие европейской безопасности ассоциируется с социальной и личной безопасностью. Поэтому даже то, что принято понимать под «европейской безопасностью», которая постепенно выливается в институциональные формы, не является навсегда определенным состоянием, а процессом, находящимся в стадии постоянной эволюции.

Для Европы сегодняшнего и завтрашнего дня не может существовать долгосрочной модели безопасности, которую пытается построить Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Без прямого участия России, как одной из ведущих европейских игроков, без учета ее геополитических интересов, функционирование этой организации не будет достаточно эффективным в плане выстраивания европейской безопасности. Это уже показал военный конфликт на Украине, который буквально развалил европейскую безопасность и отбросил мир во времена «холодной войны» 80-х годов.

Понятно, что в постоянно изменяющемся европейском мире теоретическая модель безопасности не может существовать, поскольку тем самым создавалась бы иллюзия того, что безопасность является строго ограниченным понятием, разработанным политическими и научными институтами. Это иллюзия статичного состояния политики в области безопасности, которая удобна с бюрократической точки зрения, но политически оказывает усыпляющее воздействие.

Существовавший веками страх перед внешней агрессией уступает место перед внутренней опасностью. Он имеет куда более сильное действие, поскольку непосредственно касается выживания конкретного человека. Это приводит к тому, что уже не сила национального государства, а его слабость, его неспособность дать гражданину защиту во всеобъемлющем смысле слова угрожает безопасности и стабильности на континенте. Боязнь того, что могучий сосед совершит нападение, меркнет перед опасением, что соседнее государство, будь оно большим или малым, не справится с внутренними экономическими проблемами и в стадии своего распада будет представлять несомненную угрозу европейской стабильности и безопасности.

Вызовы в области политики безопасности все в более возрастающей степени становятся сходными. Проблемы ведущих европейских держав, связанные с растущей иммиграцией из стран бывшего социалистического лагеря и стран третьего мира, доставляют им массу неприятностей. Они напрямую связаны с экономическим спадом и растущей безработицей в этих регионах.

Внезапное исчезновение СССР с политической арены и окончание «холодной войны» поставили мир перед новыми реалиями. Это «явление» оказало формирующее влияние на ход событий в Европе и изменило геополитическую карту мира. Распад Советского Союза разломил огромную империю на большое количество суверенных постсоветских государств. Если раньше эти территории подчинялись единому управлению, то теперь сфера их политических и экономических интересов представляет собой пеструю картину. Бывшие страны социалистического лагеря находятся в различных исторических, политических, цивилизационных «временных зонах», что сильно сказывается на их экономике и политике. Тотальная переориентация с Востока на Запад не только подкосила их экономику, но и нанесла урон их ментальности, разрушила исторически сложившуюся кооперацию народов разных национальностей. Многие внутренние кризисы, которые гасились при помощи экономической и идеологической поддержки Кремля, в конечном итоге вылезли наружу и возникли в виде проблемы с новой силой, многие территориальные границы были поставлены под вопрос и определены заново. Вместо прежнего идеологического противостояния между Востоком и Западом возник клубок противоречий, связанный с новым геополитическим пространством и острейшим экономическим спадом. Все более очевидной стала потребность в экономических и политических реформах, которые проводились под демократическими лозунгами, но опирались на старые клановые интересы.

Недостаточно определенно видится судьба Содружества Независимых Государств (СНГ), объединившихся вокруг России. Насколько эти страны смогут выжить в качестве самостоятельных единиц, зависит от их экономического и внутривнутриполитического оздоровления. В настоящее время Европа относится к СНГ не как к Содружеству Независимых Государств, созданных для экономического сотрудничества и укрепления стабильности в регионе, а как непрочному политическому формированию, создающему одни проблемы.

С подобными внутренними проблемами столкнулась и Россия, судьба которой несомненно волнует ее европейских соседей. Первая и самая большая неопределенность касается статуса, роли и места, которые должна занять Россия в будущей Европе. Некоторые западные политики слишком легко утешаются сомнительной мыслью, что после болезненного «отхода» России из Восточной Европы и распада Советского Союза она находится в болезненной фазе, связанной с переходом к капиталистической экономике. Запад не смог подчинить Россию своему влиянию. Более того, экономическое и политическое давление все более отталкивает Россию от западного альянса. Новое поколение российских политиков, укрепившееся во власти, требует от западных партнеров равного к себе отношения. Историческая память не позволяет идти на компромиссы. Экономические санкции, принятые США и Западной Европой против России и связанные с присоединением Крыма, не только разрушили Европейскую безопасность, но и повернули историю вспять, вернув ее во времена «холодной войны».

Россия как одна из ведущих стран Европейского региона играет исключительно важную роль в обеспечении евроатлантической безопасности. В рамках основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Организацией Североатлантического договора и Российской Федерацией были приняты обязательства развивать отношения на основе общих интересов, взаимности и транспарентности для строительства прочных партнерских отношений в Евроатлантическом регионе, основанных на принципах демократии и обоюдной безопасности. Были достигнуты определенные обязательства по созданию стабильной, мирной и неразделенной Европы [1: с. 31]. Несомненно, что стабильное и долговременное партнерство России и НАТО играет существенную роль в обеспечении европейской безопасности. После расширения НАТО на Восток исторические и геополитические интересы России были грубо нарушены, и события, связанные с политическим кризисом на Украине, значительно ослабили партнерские отношения и привели к очагу нестабильности в центре Европы, который перерос в гражданскую войну.

На Западе всегда очень внимательно относились к экономическому и политическому развитию Украины. Эта большая, расположенная в центре Европы страна играет заметную роль в европейском концерте. По мнению западных аналитиков, независимость Украины от России, ее территориальная целостность, демократическое развитие и экономическое процветание, ее статус государства, не обладающего ядерным оружием, являются ключевыми факторами стабильности и безопасности Центральной и Восточной Европы [1: с. 31].

По мнению натовских стратегов, Украина занимает особое место в обстановке безопасности в Евроатлантическом регионе и является важным и ценным партнером Запада в деле защиты стабильности и общих демократических ценностей [1: с. 31]. НАТО не скрывает, что твердо придерживается

линии на дальнейшее укрепление особых отношений с Украиной на основе Хартии об особом партнерстве НАТО – Украина, подписанной в Мадриде в июле 1997 года [1: с. 54]. Этот документ предусматривает политические консультации по вопросам, представляющим предмет озабоченности для обеих сторон, и по широкому кругу вопросов, касающихся практических аспектов сотрудничества. Руководство Украины подтвердило решимость своей страны продолжить усилия по дальнейшему претворению в жизнь политических, экономических и оборонных реформ, а также свое стремление к интеграции в европейские и трансатлантические структуры. Запад придает огромное значение будущему членству Украины в НАТО. По их мнению, после вступления в НАТО Венгрии и Польши, а также Чешской Республики, членство Украины в НАТО остается только делом времени.

Часть западных политиков боялась, что Украина, особенно ее восточные регионы, могут попасть под сильное влияние Москвы (*Internationale Politik*. Декабрь. 1996. № 12. С. 29). Больше того, они допускали, что Восточная Украина может стать частью расширяющейся на Запад России (*Internationale Politik*. Декабрь. 1996. № 12. С. 29). Время показало, что выводы западных аналитиков были не безосновательны. Исторические корни дали себя знать. После силового свержения президента Украины Януковича и принятия парламентом закона о запрещении русского языка Восточная Украина объявила о своей юридической самостоятельности и вышла из состава Украины. Официальный Киев начал военные действия против своих бывших регионов. Непризнание Европой новых самопровозглашенных «государств» значительно усиливает конфликт и разжигает гражданскую войну.

Вместе с Россией изменилась и сама Западная Европа. После своего объединения Федеративная Республика Германии стала центральной державой Европы [2–7; 9]. Влияние Германии на различные аспекты европейской политики огромно. Без мнения Германии невозможно дальнейшее осуществление договоренностей об обычном и ядерном разоружении в Европе. Ее роль в Европейском валютном союзе нельзя переоценить. Масштабы его расширения на Восток во многом зависят от роли и ответственности Германии в этом вопросе. Отказ Германии от роли двигателя европейского единения имел бы многочисленные последствия для экономического развития Европы. В то же время расширение географической миссии бундесвера и последствия расширения НАТО на Восток, за которое Германия несет прямую ответственность, создают факторы напряженности в Европе, которые могут спровоцировать кризис в отношениях с Восточной Европой.

Хотя между Восточной и Западной Европой существует множество проблем, страны Западной Европы не всегда могут прийти к единому мнению. Эти разногласия особенно ярко проявились в период объединения Восточной и Западной Германии.

Со времени окончания «холодной войны» трансатлантические взаимоотношения между Европой и Америкой значительно изменились. Европа медленно

пытается освободиться от экономической и политической зависимости от своего могучего соседа. После распада Советского Союза Соединенные Штаты Америки испытывают значительные экономические трудности, связанные с поддержанием статуса единственной супердержавы. Америка достаточно неуклюже проводит политику поиска внутривосточного достоверного обоснования своей всемирно-исторической роли, что значительно осложняет сохранение сложившейся за последние полвека стабильности и требует разработки новых трудноопределимых объединяющих факторов. Между Европой и Америкой назревает культурная пропасть, которая грозит экономическими и политическими осложнениями [8].

Украинский кризис выявил значительные разногласия между американским и европейским подходами к принятию экономических санкций против России. США занимает более жесткую позицию. Западная Европа, экономически более тесно связанная с поставками энергоресурсов, пытается частично смягчить санкции. Тем не менее давление США на Западную Европу по вопросу экономических санкций остается очень сильным. Однако кризис показал, что каждая страна пытается отстаивать свои собственные экономические интересы.

Общество приходит к выводу о необходимости объединения усилий для создания многоплановой архитектуры европейской безопасности и стабильности, которая позволит свести возможность возникновения кризисов и конфликтов к минимуму. Основными инструментами сохранения европейской безопасности остается партнерство, сотрудничество, диалог. Только путем налаживания контактов и открытости, защиты демократических принципов управления государствами и прав человека можно сохранить мир и поддержать демократию. Это будет способствовать процветанию и прогрессу и укрепит подлинное партнерство между всеми демократическими государствами. Целью этого является укрепление общей безопасности для всех без исключения и содействие в преодолении разногласий, которые все еще имеются между восточным и западным регионами Европы.

С распадом Советского Союза «холодная война» закончилась, геополитическая картина Европы изменилась, но новые вызовы и наступление Запада на Восток уже привели к новому похолоданию. Присоединение Крыма к России и поддержка последней Донецкой и Луганской областей в борьбе с официальным Киевом поставили европейскую безопасность на грань кризиса. Санкции, принятые США и Евросоюзом против России, еще более усугубили ситуацию. Мир стоит на грани новой «холодной войны». В этой ситуации только спокойные взвешенные решения с обеих сторон смогут снизить обоюдную напряженность и помогут найти пути выхода из кризиса, не позволив ему перерасти в более жесткое противостояние.

Литература

1. Пресс-релиз (NAC-S(99)65 от 24 апреля 1999 г. Стратегическая концепция Североатлантического союза // Заседание Североатлантического совета на высшем уровне. Коммюнике и заявления. Вашингтон, округ Колумбия: 23–25 апреля, 1999. 60 с.
2. *Bruck E., Wagner P.M.* (Hrsg.). Wege zum “2 + 4” Vertrag. Die Auseren Aspekte der deutschen Einheit (Schiftenreihe der Forschungsgruppe Deutschland, Band 6), Munchen: Forschungsgruppe Deutschland, 1996. 356 S.
3. *Kohl H.* Ich wollte Deutschlands Einheit. Dargestellt von Kai Diekmann und Ralf Georg Reuth, Berlin: Argon Verlag, 1996. 488 S.
4. *Konrad H.* Jarausch Die Unverhoffte Einheit 1989–1990. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 1995. 416 S.
5. *Maiziere L. de.* Anwalt der Einheit. Ein Gesprch mit Cystine de Mazieres, Berlin: Argon Ferlag 1996. 412 S.
6. *Mitterand F.* Uber Deutschland. Aus dem Franzosischen von Bernd Schwibs. Frankfurt am Main / Leipzig.: Insel Ferlag, 1996. 229 S.
7. *Schwarz H.–P.* Die Zentralmacht Europas. Berlin, 1994. 256 S.
8. *Weidenfeld W.* Kulturbruch mit Amerika? Gutersloh, 1996. 356 S.
9. *Weidenfeld W., Korte K.–R.* (Hrsg.). Handbuch zur deutschen Einheit, Neuausgabe. Frankfurt am Main/New York: Campus verlag 1996. 829 S.

References

1. Press-reliz (NAC-S(99)65 ot 24 aprelya 1999 g. Strategicheskaya koncepciya Severoatlanticheskogo soyuza // Zasedanie Severoatlanticheskogo soveta na vy'shem urovne. Kommyunike i zavavleniya. Vashington, okrug Kolumbiya: 23–25 aprelya, 1999. 60 s.
2. *Bruck E., Wagner P.M.* (Hrsg.). Wege zum “2 + 4” Vertrag. Die Auseren Aspekte der deutschen Einheit (Schiftenreihe der Forschungsgruppe Deutschland, Band 6), Munchen: Forschungsgruppe Deutschland, 1996. 356 S.
3. *Kohl H.* Ich wollte Deutschlands Einheit. Dargestellt von Kai Diekmann und Ralf Georg Reuth, Berlin: Argon Verlag, 1996. 488 S.
4. *Konrad H.* Jarausch Die Unverhoffte Einheit 1989–1990. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 1995. 416 S.
5. *Maiziere L. de.* Anwalt der Einheit. Ein Gesprch mit Cystine de Mazieres, Berlin: Argon Ferlag 1996. 412 S.
6. *Mitterand F.* Uber Deutschland. Aus dem Franzosischen von Bernd Schwibs. Frankfurt am Main / Leipzig.: Insel Ferlag, 1996. 229 S.
7. *Schwarz H.–P.* Die Zentralmacht Europas. Berlin, 1994. 256 S.
8. *Weidenfeld W.* Kulturbruch mit Amerika? Gutersloh, 1996. 356 S.
9. *Weidenfeld W., Korte K.–R.* (Hrsg.). Handbuch zur deutschen Einheit, Neuausgabe. Frankfurt am Main/New York: Campus verlag 1996. 829 S.

N.A. Lobanov

The End of the «Cold War» and the New Outlines of European Security

After the collapse of the Soviet Union, the issues of the European security did not lose their value. The article says that with the disappearance of the danger of «Cold War» there were opened some trends to increase the areas of international cooperation, but at the same time challenges and new factors of risks appeared. The emergence of economic and political crises on the territory of the Eastern Europe did not allow the process of European security to gain traction and thus almost returned Europe to the days of the «Cold War».

Keywords: «Cold War»; European security; crisis; stability; cooperation; democratic development.

О.В. Серов

**Рецензия на монографию В.Я. Гросула
«Труды по теории истории»
(М.: АИРО – XXI, 2014. 548 с.)**

Владислав Якимович Гросул — один из старейших и авторитетнейших ученых российской академии наук. За свою долгую научную жизнь он опубликовал более 500 исследований, в том числе 12 монографий. Рецензируемая книга — «Труды по теории истории» — фактически является обобщением научно-методологических подходов автора в исторической науке, формулированием, если угодно, своего «кредо».

В то же время необходимо отметить, что данная книга выстроена в виде сборника научных статей, представленных в хронологическом порядке. Это позволяет читателю, с одной стороны, проследить эволюцию научных идей и подходов автора, с другой, увидеть общую концепцию и методологию. В начале научного пути объектом исследования В.Я. Гросула были дунайские княжества, Молдавия и в целом балканистика. Как отмечал профессор А.Т. Дробан, «автор вышел на проблемы типологии позднего феодализма в Молдавии и Валахии и показал его особенность в этом регионе Европы, испытывавшем влияние так называемого восточного феодализма» [1: с. 8]. Разрабатывая важнейшие геополитические проблемы балканских стран, В.Я. Гросул пишет объемные монографии «Революционная Россия и Балканы», «Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 годах» и другие работы. Однако интересы историка не замкнулись в рамках регионоведения, исследования балканского центра российской революционной эмиграции позволили ему осуществить переход к исследованию российской политической эмиграции в целом.

Заслуги В.Я. Гросула в создании комплексной картины русского зарубежья XIX века трудно переоценить. Это прежде всего две взаимосвязанные работы: «Русское зарубежье в первой половине XIX века» и «Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века». Перед читателями

открывается всеобъемлющая картина всех волн российской политической эмиграции XIX века — от декабристов и народников до представителей политических партий, образовавшихся в Российской империи. Взаимосвязь революционеров в России и политической эмиграции является одной из неотъемлемых частей истории российского революционного движения. Тема российского революционного движения занимает особое место в научно-исследовательской деятельности В.Я. Гросула. В данной книге представлены одни из самых интересных работ по этой тематике. Необходимо отметить, что анализ революционного движения, обобщения и выводы основываются на так называемом историческом материализме или марксистско-ленинском подходе, характерном для советской историографии. Конечно же В.Я. Гросул является одним из лучших представителей советской научной историографической школы. Он остается на позициях марксизма-ленинизма не потому, что так привык, не потому, что его так научили раз и навсегда, а потому что метод исторического материализма позволяет ему добиваться высоких научных результатов. И не только ему. В своих работах В.Я. Гросул часто опирается на исследования своих единомышленников Н.А. Троицкого, Н.М. Дружинина и многих других.

В статье «Реформы и революционное движение в России» В.Я. Гросул обосновывает тезис о неизбежности революции в России, несмотря на попытки самодержавия путем реформ в социально-экономической области и жесточайших репрессий против революционного движения удержаться у власти. Он отмечает, что в литературе XIX век часто называют веком реформ. Александр I практически сразу, вступив на престол, начал реформаторскую деятельность вместе со своими сподвижниками из Негласного комитета. Интересную дискуссию отмечает В.Я. Гросул в исторической литературе по поводу либеральных реформ императора Александра I. Дореволюционные историки, например кадет А.А. Корнилов, а также некоторые советские ученые, к примеру С.В. Мироненко и другие, считали, что Александр I искренне хотел отменить крепостное право и дать России конституцию. Как известно, ни того, ни другого он не сделал. В.Я. Гросул отмечает поворот к реакции в последние годы царствования Александра I, когда императору уже не нужно было скрывать свои истинные взгляды после головокружительной победы над либеральной Европой. М.М. Сперанский предложил проект широких преобразований в государственной и социальной сферах, однако воплотились только министерская реформа и, пожалуй, образование Государственного совета, правда, он так и остался законосовещательным органом государственной власти, а не стал высшей палатой законодательного собрания, как виделось Михаилу Михайловичу.

Что касается отмены крепостного права, дело ограничилось так называемым указом «О вольных хлебопашцах». Конечно, некоторые крестьяне вышли из крепостной зависимости благодаря этому указу, но их число было крайне незначительным. В.Я. Гросул подтверждает вывод советской историографии

о непрочном, показном и непродолжительном либерализме первой четверти XIX века. В то же время он отмечает интересный феномен: российский либерализм начала XIX века играл более значимую роль за рубежом, нежели у себя дома. Конституционные реформы на Ионических островах, в некоторых германских государствах, в Швейцарии, конституция Финляндии (1809 г.), Польши (1815 г.), «Устав образования Бессарабской области» (1818 г.) — крепостное право не распространялось на земли, присоединенные к Российской империи после передела Европы. Российское самодержавие надеялось путем реформ и лавирования между либерализмом и консерватизмом удержать власть над империей, тем более что внутри страны появился бескомпромиссный и последовательный враг — революционное движение.

Анализируя революционное движение, В.Я. Гросул увязывает революционные настроения оппозиционных правительству слоев общества, прежде всего либеральной части дворянства, с неспособностью самодержавия модернизировать существующий государственный строй. Кроме того, автор отрицает тезис о случайности декабристского движения вообще и восстания на Сенатской площади в частности. Используя данные, полученные советскими историками, В.Я. Гросул показывает нарастание борьбы крестьянства с крепостничеством и онтологическую неспособность самодержавия модернизировать крепостничество либеральными реформами. Оппозиционные настроения развивались внутри либерального дворянства, и к моменту 14 декабря 1825 года «возраст» многих декабристских по духу организаций приближался к 10 годам. Виднейшие представители декабристов, например М.С. Лунин, были прекрасно осведомлены о новейших социалистических учениях, появившихся в Европе, и В.Я. Гросул указывает на интересные факты, в частности на связи некоторых участников восстания с деятелями Дунайских княжеств.

В статье «Народы России в революционной борьбе» В.Я. Гросул касается проблемы определения понятий «революционер», «революционное движение». Проблемы разработки методологии истории революционного движения ставились еще в начале советского периода изучения революционного движения [4]. Часть исследователей отказывает декабристам в сознательном революционном устремлении, широко известно мнение, согласно которому восстание декабристов было последним дворцовым переворотом. В литературе много говорится о так называемой либеральной ограниченности декабристов. Конечно же их революционные организации не были политическими партиями, само понятие «революция» трактовалось не как замена одного социально-политического строя другим, а как прерывание эволюции, то есть поступательного развития общества. Да и сами участники движения называли свои действия «инсургенцией», то есть восстанием. Самодержавие даже не имело формального повода репрессировать декабристов, так как они выступили в поддержку одного из наследников престола — Константина Павловича. Требование конституционного правления не являлось чем-то незакон-

ным, тем более что в Польше, где правил Константин Павлович, была именно эта форма власти. Следственной комиссии по делу декабристов пришлось доказывать мотив цареубийства, чтобы казнить лидеров движения.

Также ведутся дискуссии по поводу значения термина «революционное движение». В 1830 году из Польши был изгнан Константин Павлович. Армии под командованием И.Ф. Паскевича пришлось вести полномасштабную войну, чтобы вернуть Польшу в Российскую империю, и тем не менее эти события называются национальным восстанием. Во Франции в том же году, в сущности, один тип монархии — монархия реставрации — был заменен другим типом — так называемой июльской монархией, и тем не менее эти события называют Июльской революцией. Советская историография предлагает отличать революционное движение от общественного и национального. Общественное движение может быть и антиреволюционным, например, так называемые черносотенцы начала XX века в России. Национальное движение по целям и задачам может быть уже революционного движения. Как указывает В.Я. Гросул, существуют и более сложные градации. Так, реконкиста в Испании — это народно-освободительная война, в то время как национально-освободительное движение может быть только в эпоху капитализма.

Неоднозначно оценивается в литературе и термин «революционные демократы». Н.Г. Чернышевского и Н.И. Добролюбова характеризуют как революционных демократов. Сложнее с А.И. Герценом (и другими его сподвижниками), который отличался от тех же Чернышевского и Добролюбова социальным происхождением, был из дворян, отрицательно относился к революции, видел и предупреждал об ее неизбежных издержках. Историки, стоящие на позициях исторического материализма, определяют революционных демократов как революционеров переходного периода от феодализма к капитализму, которые выражали интересы прежде всего крестьянства и стояли на позициях утопического социализма, то есть идей абсолютного или относительного равенства. Революционная демократия существовала в России вплоть до Октябрьской революции и гражданской войны, когда демократам пришлось выбирать между белыми и красными. Дискуссии, происходившей в советской науке по проблемам революционного демократизма, посвящена статья В.Я. Гросула «К вопросу о критериях революционного демократизма». Кстати, в этой же статье автор не согласился с тезисом о вырождении революционного народничества в 80-х годах XIX века в либеральное народничество. Он убедительно доказывает, что наряду с либеральным народничеством продолжало существовать и революционное.

В нескольких статьях данного сборника автор затрагивает также проблемы сущности и форм революционного движения в России, которые выходят на проблемы периодизации революционного движения и движущих сил некоторых этапов революционного движения. В советский период историографии было принято выделять три этапа революционного движения, указанных

в статье В.И. Ленина «Памяти Герцена»: дворянский, разночинский и пролетарский. Как видно по названиям, основным критерием для деления на этапы являлась социальная составляющая. И если первые два периода не вызывают особых споров, то наличие пролетарского периода некоторыми исследователями ставится под сомнение.

В это время — с конца XIX и до начала XX века кроме революционных были политические партии либерального консервативного направления [3]. Конечно, после свержения самодержавия численность революционных партий в разы превосходила другие, однако в думский период «непролетарские партии», как их называли в советской историографии, доминировали на политической сцене. Западная историография, например американский историк Ричард Пайпс и другие, представляют движущей силой революции в России интеллигенцию. Правда, определения этой социальной группы, как, впрочем, и пролетариата, достаточно противоречивы. Продолжительность этапов революционного движения также вызывает полемику в исторической литературе. Следует ли считать концом последнего этапа революционного движения начало революции в России или революцию и гражданскую войну следует отнести к революционному движению? Кроме того, широко известен тезис «перманентной революции», если учитывать идею К. Маркса о том, что вся история человечества — это история борьбы социальных классов.

Кроме проблем, связанных с революционным движением, В.Я. Гросул в своей научно-исследовательской деятельности уделяет большое внимание проблемам, связанным с изучением российской общественности [2]. В советской историографии изучалось общественно-освободительное движение, которое представлялось как единый фронт всех прогрессивных общественно-политических сил против самодержавия. Впрочем, и в советские времена В.Я. Гросул придерживался позиций объективности и взвешенности. Эта характерная черта исследователя проявляется в полной мере и в решении методологических проблем. Определение понятия «общественное мнение» вызывает у специалистов различного рода вопросы, обусловленные разными подходами в решении этой проблемы. В.Я. Гросул предлагает различать общественное мнение, общественное настроение, молву, слухи. Общественное мнение может быть у социальной элиты и у низов общества. На практике бывает очень трудно отделить общественное мнение от общественного настроения. Под понятием «общество» В.Я. Гросул понимает особый социальный организм, который возникает при взаимодействии власти и народа. Общественное мнение, по утверждению автора, возникает в России в начале XVIII века как реакция на петровские преобразования. Конечно же общественное мнение не было однородным, были как противники, так и сторонники реформ Петра I.

Интересны наблюдения историка за изменением роли общественного мнения в государственной и политической жизни страны. В определенные периоды, например подготовки либеральных реформ и отмены крепостного права

в России, само правительство, император апеллируют к общественному мнению, чтобы нейтрализовать реакционные влияния консерваторов. Другой пример: в конце XIX века самодержавие ищет поддержки среди консервативных кругов, пытаясь противодействовать влиянию революционной среды. В ситуации отсутствия легальных политических партий, общественное мнение в определенной мере отображало политический процесс; идейные споры западников и славянофилов, противостояние либеральной и консервативной публицистики отображали действительное состояние русского общества, его чаяния и симпатии.

Естественно, что в рамках рецензионной статьи не удастся рассмотреть все аспекты научно-исследовательской деятельности В.Я. Гросула, представленные только в одном этом издании. Проблематика его исследований охватывала общественные течения, включая консерватизм и либерализм, социологические и философские аспекты множества исторических явлений и периодов, публицистику на современные, актуальные темы и многое другое. Подводя итог краткой оценки трудов, представленных в сборнике, хотелось бы отметить наиболее общий методологический аспект, характерный для научных работ В.Я. Гросула. На наш взгляд, он проявляется наиболее ярко в применении формационного подхода к историческому процессу. В статье «Карл Маркс и формационный подход к историческому процессу» исследователь аргументированно и убедительно показывает заложенный в нем огромный методологический потенциал, последовательно критикует цивилизационный подход и другие методологические концепции. Смена общественных парадигм в современном российском обществе определила и смену методологических подходов в исторической науке, но это не означает, что формационный подход изжил себя и что невозможно его дальнейшее развитие и применение.

Литература

1. Дробан А.Т. Предисловие // Гросул В.Я. Труды по теории истории. М.: АИРО – XXI, 2014. С. 7–11.
2. Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: АИРО – XXI, 2013. 560 с.
3. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М: РОСПЭН, 1996. 872 с.
4. Рожков Н.А. К методологии истории революционного движения // Красная летопись. 1923. № 7. С. 71–74.

References

1. Drobán A.T. Predislovie // Grosul V.Ya. Trudy' po teorii istorii. M.: AIRO – XXI, 2014. S. 7–11.
2. Grosul V.Ya. Obshhestvennoe mnenie v Rossii XIX veka. M.: AIRO – XXI, 2013. 560 s.
3. Politicheskie partii Rossii. Konecz XIX – pervaya tret' XX veka: E'nciklopediya. M: ROSPE'N, 1996. 872 s.
4. Rozhkov N.A. K metodologii istorii revolyucionnogo dvizheniya // Krasnaya letopis'. 1923. № 7. S. 71–74.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2014, № 4 (16)**

Барабанов Максим Валерьевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (maxim112007@yandex.ru)

Васин Иван Вячеславович — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (rome2009@list.ru)

Гусева Юлия Николаевна — доктор исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала МГПУ (j.guseva@mail.ru)

Ершова Тамара Витальевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Ershova@mgru.ru)

Жиряков Иван Георгиевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной истории МГГУ им. М.А.Шолохова» (ivan1948@yandex.ru)

Калинина Елена Александровна — кандидат исторических наук, докторант Института российской истории РАН (kalinka46@yandex.ru)

Козловская Галина Ефимовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала МГПУ (galkoz54@gmail.com)

Лобанов Николай Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГПУ (lobanoff-pcn@mail.ru)

Макаренков Максим Вячеславович — доцент кафедры гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин МГГУ им. М.А. Шолохова (makarenkov@mgu.ru)

Пешкова Юлия Николаевна — соискатель кафедры социологии, политологии и экономики МГПУ (peshkova@mgru.ru)

Пискунов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, докторант кафедры Новейшей истории России МПГУ (grew5@mail.ru)

Платонова Александра Андреевна — кандидат исторических наук, ст. преподаватель общеуниверситетской кафедры истории МГПУ (platonovaa@mail.ru).

Рябов Виктор Васильевич — президент ГБОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Серов Олег Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории МГПУ (gelo.olser@gmail.ru)

Тихонова Анастасия Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета (a.v.tikhonova@gmail.com)

Черножуков Алексей Сергеевич — соискатель кафедры истории МГПУ (tchernoz@mail.ru)

Яснитский Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой, Новейшей истории и методологии МГОУ (Yasnitsky@bk.ru)

«МСТТУ Vestnik» / Authors,
Series «Historical Studies», 2014, № 4 (16)

Barabanov Maksim Valerievich — Ph.D. (History), doctoral candidate, World History department, Sholokhov MSHU (maxim112007@yandex.ru).

Vasin Ivan Vjacheslavovich — postgraduate, World History department, MCTTU (rome2009@list.ru).

Guseva Julia Nikolaevna — Doctor of History, docent, History, International Law, Foreign Regional Studies department, MCTTU (Samara branch) (j.guseva@mail.ru).

Ershova Tamara Vitaljevna — Doctor of History, full professor, History of Russia department, MCTTU (Ershova@mgpu.ru).

Zhiryakov Ivan Georgievich — Doctor of History, full professor, head of World History department, Sholokhov MSHU (ivan1948@yandex.ru).

Kalinina Elena Alexandrovna — Ph.D. (History), doctoral candidate, Institute of Russian History, Russian Academy of Science (kalinka46@yandex.ru).

Kozlovskaya Galina Efimovna — Doctor of History, full professor, History, International Law and Foreign Regional Studies department, MCTTU (Samara branch) (galkoz54@gmail.com).

Lobanov Nikolai Aleksandrovich — Ph.D. (History), docent, World History department, MCTTU (lobanoff-pcn@mail.ru).

Makarenkov Maxim Vyacheslavovich — docent, Humanities and Psycho-Pedagogical Disciplines department, Sholokhov MSHU (makarenkov@mgsu.ru).

Peshkova Julia Nikolaevna — postgraduate, Sociology, Political Science and Economics department, MCTTU (peshkova@mgpu.ru).

Piskunov Sergey Aleksandrovich — Ph.D. (History), doctoral candidate, Modern History of Russia department, MTTSU (grew5@mail.ru).

Platonova Aleksandra Andreevna — Ph.D. (History), senior lecturer History, Russia department, MCTTU (platonovaa@mail.ru).

Ryabov Victor Vasilievich — president of MCTTU, Doctor of History, professor, corresponding member of Russian Academy of Science.

Serov Oleg Vjacheslavovich — Ph.D. (History), docent, History of Russia department, MCTTU (gelo.olser@gmail.ru).

Tikhonova Anastasia Vladimirovna — Ph.D. (History), docent, History of Russia department, Smolensk State University (a.v.tikhonova@gmail.com).

Chernozyukov Aleksei Sergeevich — postgraduate, History department, MCTTU (tchernoz@mail.ru).

Yasnitsky Nikolai Anatoljevich — Ph.D. (History), docent, Modern History and Methodology department, MGOU (Yasnitsky@bk.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 4 (16), 2014

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*
Редактор:
Е.П. Карезина
Корректор:
Л.Г. Овчинникова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВПО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 29.12.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.